Капище (Чечня-1996)

Вячеслав Миронов

SHOUT
SHARE
IT

- Миронов Вячеслав

Миронов Вячеслав
Капище (Чечня-1996)

Вячеслав Миронов

Капище (Чечня-1996)

Автор надеется на заинтересованность издательств в публикации романа. И выражает благодарность за помощь в написании книги "Подполковнику Суонгу" (Израиль), Виктору Зерщикову (Германия), Павлу Новикову (Германия), Евгению Дзюбе (Россия), Валерию Грачеву (Россия), Вадиму Комарову (Россия), Вячеславу Дурневу (Россия).

Об авторе

Вячеслав Миронов родился в 1966 году в городе Кемерово в семье военнослужащего. Поступал в Марийский Политехнический институт, а закончил Кемеровское Военное Командное Училище Связи. Проходил службу в Кишиневе, Кемерово, Новосибирске, в настоящее время проходит службу (но не в ВС) в Красноярске. В различных должностях находился в командировках в Баку, Цхинвали, Кутаиси, Приднестровье, Чечне. Дважды был ранен, контузий без счета. Женат, воспитывает сына. Дома живут две собаки. Студент заочного отделения Сибирского Юридического Института.

Автор книги "Я был на этой войне".

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

1.

Проснулся я от жуткого шума. У соседей опять гудел водопроводный кран. Шумел он уже два года, с тех пор, как заселился дом, но сегодня это было особенно невыносимо. После вчерашнего перепоя даже малейший шум раскалывал голову на мелкие части.

Я встал и, пошатываясь, опираясь одной рукой на стену, а второй поддерживая голову, доплелся до ванны, открыл воду, сунул голову под холодную струю. Немного полегчало. Видимо из-за воды не услышал телефонного звонка. Этот звонок дробил кости черепа, выворачивал барабанные перепонки. И какого черта, спрашивается, я вчера перепил?

- Да, - еле сумел я выдавить из себя, сухое горло перехватывало.

- Это Алексей Михайлович? - раздался в трубке голос с небольшим акцентом.

- Ну, - голова трещала, во рту пересохло.

- Мы могли бы с вами встретиться?

- Зачем? - боже, как мне плохо!

- Есть интересная тема, надо поговорить. Так когда?

- После обеда... - я не успел закончить.

- Хорошо, я буду у вас в три часа, - трубку положили.

Я побрел на кухню, нажал кнопку на электрочайнике, потом стал жадно пить прямо из-под крана. Легче, еще легче. Можно и закурить.

Гостей, конечно, не стоило принимать у себя. Мебели почти никакой, бардак полнейший.

Когда в 95-м вернулся из "чеченской" командировки, в квартире были только старый продавленный диван и пара шкафов на кухне. Жена забрала дочь, все вещи (мои были свалены в углу, прямо на полу) и укатила к маме в Челябинск. А ведь перед отъездом моим в Чечню все было хорошо. В аэропорту, как положено жене, она убивалась, я курил. С войны писал письма, передавал с оказией. Все, кроме первого, обнаружил в своем почтовом ящике. Сжег.

Когда я прилетел разбираться, дверь открыла теща, которая сказала фразу - не забуду до гробовой доски:

- Почему тебя в Чечне не убили, ирод!

Что дальше было - помню плохо. Отшвырнул я немолодую женщину в сторону, рванулся в комнату, там дочь спала. Я ее схватил. И все. Как вырубило. Переключатель повернули в положение "выключено".

Очухался от холодной воды. Сидел в наручниках. Кулаки разбиты в кровь, вокруг полный погром. Мебель кто-то поломал, одежда вся порвана и в крови. Милиция стоит, автомат в рожу тычет. Не Рэмбо я, конечно, но можно было выкрутится. Вот только голова тяжелая.

Потом отвезли в местное РОВД. Повезло, что однокашник там работал замначальником уголовного розыска. Дежурил, как у них говорят, "на сутках". Поговорили. Чаю попили, водки. Отпустил он меня, спасибо ему.

Оказывается, теща меня ударила по затылку сковородой. Тут ее новый зять выскочил на шум, жена бывшая тоже вышла. Ничего не помню. Ну, и как рассказывали, понеслось... Самое страшное в этой истории - глаза дочери. Она смотрела на меня с ужасом. Теперь я для нее - чудовище. Время уже много прошло, а как будто вчера все было.

Жена - красавица, за это время уже успела развестись со мной и выйти замуж за мужика с деньгами. Я со своей оперской получкой, пардон, денежным довольствием, не мог удовлетворить ее запросы. Хоть у нас в военной контрразведке и получали больше, чем в ментовке или в армии, но все равно, еле хватало,

чтобы не протянуть ноги и не ходить с голым задом.

Вернулся я обратно в пустой дом и накатал рапорт на новую командировку в Чечню, съездил... По результатам двух поездок - два ранения, "майор" досрочно, Орден "Мужества". В итоге пять дырок. Одна в голове, одна в ноге, две на погонах и одна на кителе.

На командировочные потихоньку купил себе кресло, о котором давно мечтал, телевизор, видеоплеер, кровать, кое-что из посуды. Холостяку много не надо.

Да вот служба не заладилась у меня после Чечни. Начальник отдела Омелин заставлял меня, чтобы я "прессовал" начальника продовольственного склада. Там мой начальник еженедельно затаривал полный багажник служебной "Волги" провизией. Семья у полковника большая, вот и "обсасывал" он бойцов. А меня заставлял "работать в данном направлении", чтобы, наверное, еще и салон автомобиля забивать жрачкой.

Дальше - больше. Скандалы были жуткие. Закончилось все банально: во время сверки документов коллега украл у меня секретную бумагу. После этого замначальника Карлов предложил мне написать рапорт по собственному желанию. В Чечню меня в третий раз уже не пустили, а через два месяца подписали Хасавьюртовскую капитуляцию и вывели войска. Так что дырки мои ни к чему путному не привели. Разве что сидеть в пивнушке и, потрясая Орденом "Мужества", клянчить на выпивку. Эх, как башка трещит-то.

Последние две недели я пил, попутно искал работу. Те друзья-товарищи, которым я помогал в этой жизни, внезапно стали очень занятыми, и вакансий у них не было.

Деньги мои таяли, и был мне один путь - либо в службу безопасности какой-нибудь фирмы, а безопасность мне уже надоела хуже горькой редьки, либо в криминал. Был и еще один, совсем экзотический, - звали меня в наемники в Африку. Два моих друга по Чечне там уже больше года кантовались. Не люблю жару и негров. Это не мое. Глядишь, из-за поганых денег придется по своим стрелять, а к этому я не готов.

А тут еще этот звонок... Голова трещит. Убираться не буду, решил я, пустые бутылки выгребу, постель застелю. Вроде, вчера никому морду не бил. Вел себя в рамках нормального пьяного русского мужика.

Чайник вскипел, щелкнула кнопка. Терпеть не могу горячий чай, но надо приходить в чувство. Есть у меня один адский рецепт, как выходить из глубокого похмелья, слабонервных прошу отвернуться. На стакан горячего чая столовая ложка сахара, две таблетки аспирина быстрорастворимого, столовая

ложка коньяка или водки, одна гвоздичка и пара горошинок перца. После этого пот льется ручьем. Муть в голове проходит, зрение улучшается значительно, мозги, хоть со скрипом, но начинают работать.

Черт бы побрал этот кран у соседей! Он периодически начинал шуметь, вызывая новый приступ похмельной мигрени. Но вот пришло время обеда, я заварил несколько кубиков куриного бульона, покрошил туда черствого хлеба, зубок чеснока, все выхлебал, потом чай, - ну, вот я и готов к встрече визитера.

В 15.01 раздался звонок в дверь. Открыл дверь.

- Здравствуйте, - мужчина был высок, черные вьющиеся волосы были зачесаны назад и собраны в "хвостик". Костюм дорогой, на мой взгляд, очень дорогой, одеколон тоже был из той серии, что никогда мне не видать. Ботинки были лаковые. М-да, дядя "упакован" будь здоров.

Я всегда спокойно относился к одежде, с восемнадцати лет носил форму, но цену вещам знал. Да и прежняя работа научила многому.

- Вы Салтымаков Алексей Михайлович? - акцент, еле уловимый акцент, где-то я его уже слышал.

- Да, - я посторонился, - заходите.

Мужик зашел, разулся. Туфли лаковые на кожаной подошве, значит, в машине постоянно катается. Об асфальт наш городской сразу бы стер ее в порошок.

Носки черные, свежие, натянуты так, что нет ни одной морщинки. От обуви пахнет дезодорантом.

Прошли в зал. Я предложил незнакомцу присесть в кресло. Он бесцеремонно, молча рассматривал меня, локти на подлокотниках кресла, пальцы соприкасаются, касаются губ, "поза молящегося". Дурной знак, значит, хочет меня обмануть. Посмотрим, дядя, посмотрим. Пауза явно затягивалась. Думаешь из состояния равновесия вывести? Если бы не тупая головная боль, да соседский кран, я бы показал тебе пилотаж языка тела.

Я откинулся в кресле, закурил. Дым окутал мое лицо. Ну, давай, дядя, снимай информацию по невербальным признакам! Он не выдержал и начал первым:

- Алексей Михайлович, скажите, вы еврей?

Я поперхнулся дымом и закашлялся. Я не ожидал этого вопроса, был не готов! Ничего себе, поворот событий! Восстановил дыхание. Из-за кашля подскочило давление, и головная боль вернулась вновь с новой силой.

- Нет. Вы для этого ко мне пришли?

- А как вы относитесь к евреям?

- Судя по вашей манере отвечать вопросом на вопрос, вы сам

еврей. Я угадал?

- Да, я еврей, - говорит без пафоса, спокойно, с достоинством. - Так как вы относитесь к евреям.

- Никак. А позвольте узнать, любезный, зачем вам эти сведения, и с кем я имею дело?

- Лазарь Моисеевич Коган - раввин.

- Вы собираетесь меня агитировать в свою веру? - я был в недоумении. Мне нужна работа, а не еврейская вера.

- Нет. Я не пришел сюда вести беседы на религиозные темы, - Лазарь (ну и имечко, не повезло мужику с именем) усмехнулся. - Так все-таки. Как вы, Алексей Михайлович, относитесь к евреям?

- Никак не отношусь, - меня раздражал этот разговор ни о чем.

- Если можно, то поподробнее.

- Все просто. Ни я, ни мои предки с евреями не воевали. В военном училище у нас был начальник кафедры военной техники радиосвязи полковник Файбирович. Грамотнейший специалист, прекрасный офицер, многому научил, тому, чего не было ни в одном учебнике. Потом пригодилось, особенно, когда я в горах воевал. Есть у меня знакомый опер в милиции - Файбисович. Тоже ничего плохого сказать не могу. Есть у меня много знакомых евреев. Мужики как мужики. Ну, плюс ко всему Израиль воюет с арабами, те меньше посылают наемников или фанатиков в Чечню, меньше наших мужиков в "цинке" приходит. Вам этого достаточно? - длинная тирада меня утомила, я откинулся в кресле, вытер холодный со лба, закурил еще одну сигарету.

- Вполне, - Моисеевич кивнул. - А вам знакома фамилия Рабинович?

- Я знаю массу анекдотов про Рабиновичей, вы желаете их послушать?

- Нет, я имею в виду конкретных людей.

- Знавал я одного. Андрея Рабиновича. В Кишиневе служили. Он на пару лет младше меня, в Приднестровье вместе потели от страха под обстрелами. Хороший мужик, из потомственных военных. Вот тоже пример. Командир взвода телеграфной и ЗАС связи. И работал как зверь, и помимо службы был нормальным мужиком.

- Он в плену.

- Не понял.

- Он в чеченском плену. В сентябре привез гуманитарную помощь в Чечню. Их было пять человек: немец, англичанин, голландец, француз и Рабинович Андрей Иванович - еврей. Их захватили в плен. Двоих убили сразу, двое умерли от болезней и пыток, остался он один.

- Не повезло Андрюхе! - я присвистнул. Действительно жалко Андрея. Закурил. А не много ли я курю?

- Они требуют миллион долларов, - продолжил Коган.

- А чего вы еще хотели от чеченов, еще и гуманитарку им таскаете. Лучше бы здесь помогли, нашим старикам, что с немцами сражались, а то чеченам помощь возите. Но говорю сразу - миллиона у меня нет, и вряд ли в ближайшее время появится. Пусть та контора, которая его посылала, и выкатывает "лимон" баксов - зеленых американских рублей.

- Эта контора, как вы выражаетесь, и выкатывает, - Коган, соглашаясь со мной, кивнул головой.

- Так чего вы от меня хотите? Я могу лишь посочувствовать Андрею, не более.

- Есть предложение для вас. Вы же сейчас пока не у дел? Работы постоянной нет, будущее призрачно и неясно?

- Дальше.

- Чтобы вы осуществили обмен.

- Почему я? Есть масса организаций, газет, которые с радостью это сделают. Плюс себе рекламу сделают. В герои запишутся.

- Нам не нужны здесь герои, нам нужно вытащить Рабиновича без шума и треска. Работа для профессионала.

- Вы мне льстите. У вас что, во всем Израиле нет специалистов по "пыльным" делам?

- Здесь территория России. Плюс, вы лично знаете Андрея Ивановича, можете уточнить его личность парой вопросов, ответы на которые знаете только вы и он. Потому что он сейчас выглядит не лучшим образом.

- Гонорар?

- Тысяча долларов,- голос его был спокоен.

- Милейший, ищите дурака за четыре сольдо!

- Сколько вы хотите?

- Двадцать тысяч долларов.

- Десять.

- Сразу, авансом.

- Годится.

- Командировочные тоже десять тысяч долларов. Предстоят расходы, плюс лечение Рабиновича, кто знает, как вы сами говорите, в каком он состоянии.

- Хорошо.

Я заерзал в кресле. Лазарь заметил это.

- Вас что-то смущает?

- Знаете, Лазарь Моисеевич, мой седалищный нерв очень тонко чувствует надвигающиеся приключения.

- Для вас, Алексей Михайлович, я думаю, это не очень сложная работа. Мы наводили о вас справки, вы очень мужественный человек.

- Грань между храбростью и идиотизмом очень зыбкая.

- Мы готовы компенсировать ваши потери, в том числе и моральные.

- Подумаю насчет потерь, - я усмехнулся. Надо выдоить как можно больше денег.

Потом мы договорились о деталях и сроках. До Моздока меня будут сопровождать двое доверенных Когана, они же несут ответственность за "лимон". Потом я звоню по телефону, сообщаю условную фразу, и делаю все остальное на свой страх и риск.

Я выдавил из Когана, что мне выдадут ксиву (член общества "Мемориал"), командировочку от правозащитной газеты, пару удостоверений от различных печатных изданий. Профессиональный фотоаппарат, диктофон. Он попросил неделю. Меня это устраивало. Мои заветные десять тысяч обещал занести завтра.

Оказывается, в качестве посредника для обмена меня предложил сам Андрей. Когда к нему приехали врачи, он вспомнил обо мне. Забавно, а я он нем и забыл совсем.

Закрыв дверь за раввином, я вытащил початую бутылку сухого красного вина из холодильника, налил полстакана. Выпил.

Есть такая подлая штука, интуицией называется, она на войнах меня не подводила, потому что я к ней прислушивался. А в мирной жизни сколько раз она мне подсказывала, но я не обращал внимания, авось, пронесет. Иногда получалось, а иногда получал по голове из-за своей самонадеянности.

Вот и сейчас интуиция напомнила о себе. Но жадность - движущая сила человечества - понесла меня вперед.

Десять килобаксов - и в Африке десять килобаксов.

В дверь позвонили. У меня сегодня день визитов, а может, раввин что-нибудь забыл, или условие новое хочет выдвинуть.

На пороге стоял, улыбаясь в тридцать два зуба, сотрудник Управления ФСБ РФ по нашему региону старший опер капитан Толстых Сергей. Кличка у него была "Толстый" и "внук великого писателя". Пару раз участвовали в совместных мероприятиях, друзьям не стали. Ходили слухи, что он постукивал в отдел собственной безопасности.

Рост метр восемьдесят пять. Вес - сто десять-сто двадцать килограммов, широк в плечах, но заплыл жиром. Волосы белые, блондин, глаза карие, нос прямой, крылья носа расширены. Такое ощущение, что он постоянно принюхивается к чему-то. Губы полные. Толстый знал об этом и постоянно закусывал нижнею

губу. Но это его портило. Подбородок немного скошен назад. Для его крупного лица это был серьезный недостаток. Этот подбородок придавал его физиономии немного бабский, безвольный вид, что постоянно бесило Серегу, и он пытался всем своим видом доказать обратное. Занялся боксом, появились маленькие шрамы, но после серьезной травмы доктора ему запретили этот вид спорта. Тем не менее он постоянно прижимал подбородок к груди, смотрел исподлобья, как бы постоянно был готов к бою. В разговоре любил подчеркнуть, что он занимался спортом, в том числе и боксом, но врачи запретили. Ходил враскачку, руки были оттопырены. На незнакомых людей это производило впечатление, особенно на слабонервных дамочек. А когда Серега по "большому секрету" рассказывал им шепотом, что он сотрудник "конторы", они падали к его ногам целыми отделениями и взводами.

Забыл добавить, что в кабинете у него на стенке висели боксерские перчатки, но не большие, пухлые, а импортные, маленькие, для профессионального бокса.

Большое впечатление производили его кисти рук. Большие от природы они были ухожены и взлелеяны. При разговоре или на больших совещаниях Серега очень любил доставать маникюрную пилочку и подпиливать ногти, потом растопыривал пальцы. Отводил руку, и смотрел на нее с явным удовольствием. На совместных пьянках он очень любил выпить на дармовщинку, при этом оттопыривал мизинец и запрокидывал голову, когда выливал водку в свое большое горло. Еще у него был один любимый прием произвести впечатление на слабонервных. Он ставил рюмку водки на оттопыренный локоть и сказав: "За дам-с!" пил стоя, под оглушительные аплодисменты присутствующем публики.

Но когда брали группу азербайджанцев, которые покупали оружие у военных и засели частном доме, у Сереги внезапно случился приступ острого радикулита и он не смог пойти с нами.

Вечером мы пили водку и, вновь переживая захват, рассказывали друг другу - как оно было, и кто что видел, Серега потирал спину, охая, громче всех орал: "Если б не радикулит, я бы..." Подвыпившая публика, состоявшая из оперов военной контрразведки и территориалов, просто послала его на три русские буквы, на что он обиделся.

Зато потом во время "собеседования" Серега бил задержанных, предварительно надев боксерские перчатки. Был скандал, его хотели привлечь к уголовной ответственности, но Серегу "отмазали", скорее всего, именно тогда и завербовала его служба собственной безопасности. И после этого многие его

"шалости" сходили ему с рук.

И вот этот "продукт" стоял у меня на пороге.

- Леха, привет! - прямо плакат "Как мы рады вас видеть в нашем заведении!"

- Привет - заходи. По делу, али как?

- Ну вот, прямо так, с места и в карьер?!

- Проходи. Говори, какой черт принес? Меня что-то потряхивает от моей прежней работы.

По-прежнему держит голову низко, взгляд тяжелый, пытается взять "на арапа". Не выйдет, знаю я тебя, слишком хорошо знаю. А вот то, что ты поминутно смахиваешь пот со лба - хороший знак. Потеешь, значит, мил человек, волнуешься. Да еще - как пить дать - под "техникой" ко мне пришел. Слабак ты, Серега, зелен еще. Ну, коль тебя прислали, значит, остальным мужикам не доверяют, а ты, стало быть, поверил, что я предатель, или выслужиться захотел?

Прошли на кухню, от вина он отказался. Провел пальцем по столу, не стал ставить локти. Брезглив. Не работал ты в военной контрразведке, одно слово "театрал"!

- Ну?

- Ты чего окрысился?

- Знаешь, последнее время я перестал испытывать любовь к своему прежнему месту службы и коллегам, которые приходят внезапно, без звонка. Говори. У меня дел по горло. Плюс ко всему у меня жуткое похмелье, не усугубляй мою болезнь.

- У тебя был сегодня гость?

- Сережа, у меня много гостей бывает, вот и ты пришел нежданно-негаданно. Если про тебя будут спрашивать, то мне как отвечать?

- От тебя сейчас вышел раввин Коган. Так что рассказывай.

- Что рассказывать?

- Как что? О чем говорили, чего он от тебя хотел?

- Сережа, это официальная беседа, или так, треп ни о чем? Если официально - повестку, а приду с адвокатом, вот тогда и поговорим, а если треп, то давай лучше о бабах. Черт! Как болит башка, и ты еще со своими раввинами на мою шею свалился!

- Ну, он был у тебя, Алексей? - Толстый сбавил обороты.

- Дальше.

- Когда вытащишь Рабиновича - отдашь его нам.

- Сережа, мил ты мой человек, у тебя жидомассонские заговоры в глазах стоят. Ты бы к доктору сходил, или путевочку в санаторий взял, нарзанчику попил, по горам кавказским побродил, а то у тебя то Коганы, то Рабиновичи замутили твой светлый разум. Не знаю никакого Рабиновича.

- А это как? - Серега вытащил диктофон и включил его. Послушали еще раз мой разговор с раввином.

- Что скажешь?

- Скажу одно, Сережа, что закон "Об оперативно-розыскной деятельности" я внимательно читал. Подам на твою организацию в суд. Для начала ознакомлюсь с теми фекалиями, которые вы на меня наскребли, а потом потребую возмещения морального ущерба. Мне сейчас деньги, ой, как нужны!

- Будешь торговаться?

- А что ты можешь мне предложить?

- Возьмешь Рабиновича - отдашь нам.

- Здрасьте! С какой стати?

- Потому что он шпион.

- Знаешь, Серый, я за пять лет в контрразведке кроме признаков шпионажа ни одного шпиона не видел. А ты?

- Я тоже. Но этот - точно.

- Бери сам деньги и шпарь по ту сторону границы Чечни и вытаскивай шпиона. Хватит, натаскался каштанов из огня для начальников. Я теперь свободный художник.

- Нет, Алексей, - Толстых нагнулся и зашипел мне в лицо: - ты передашь нам его, а то...

- Что ты мне сделаешь, "зеленка"? - я усмехнулся. - Когда Омелин меня "жрал", я пришел к вам - "территориалам", и попросил должность. Что мне сказали ваши кадры? Мест нет. Приходите вчера. Поэтому, Серега, катись отсюда, и передай своим "вождям", что я их гробу видел. Во сне они мне приснились. Хотите грамотный разговор - восстановите меня на службе, у вас есть три дня, - я прекрасно знал, что не было еще прецедентов, чтобы вот так, запросто, восстанавливали на службе.

- Отдашь Рабиновича - посмотрим.

- Восстановите на службе, а потом я посмотрю. А пока - адью, мой мальчик, адью.

- Смотри, - шипел Толстых.

- Куда смотреть-то? Пока я в двух командировках был в Чечне, ты здесь штаны протирал и строчил реляции о своих победах по принципу трех "П" палец, пол, потолок! Так что условия мои знаешь, или гони монету. Ровно в два раза больше того, что они мне предложили.

Капитан поднялся и молча, не прощаясь, вышел. Руки не подал. Понятно. Я теперь в его глазах Иуда-предатель.

А кто я на самом деле? Не знаю, не знаю.

Я прошел на кухню, вылил остатки вина в стакан. Выпил, закурил. Захотелось послать всех на три русские буквы далеко-далеко. И евреев с их манией богоизбранности, и коллег с моей

бывшей работы.

Меня втягивали в какую-то опасную игру. Ни правил, ни конечной цели я не знал. Чеченские командировки еще не выветрились из памяти, а тут такая афера! Возьми тысячи гринов, оттащи их неведомо куда, передай незнакомцу, возьми больного, раненного человека, если тебе еще его отдадут. Да еще живого! Кому нужны свидетели?! Проще грохнуть этих двух граждан, взять "лимон", и ищи ветра в поле! Нет человека, нет проблемы.

За многолетнюю практику оперативной работы я научился ставить себя на место противника. Я бы сделал бы именно так. Шанс из сотни, что я выберусь. Надо подготовиться, подстраховаться. Деньги будут завтра. Вот и начнем готовиться завтра. Господи, как башка болит, и этот кран достал уже до печени!

2.

Записей вести нельзя, общаться с близкими тоже нельзя, нельзя, нельзя, с учетом того, что бывшие коллеги сейчас плотно сядут мне на "хвост", нужно вспомнить конспирацию. Жаль, машины нет, но ничего - они тоже помучаются.

Судя по заходу Толстых, намерения у них серьезные, будут "обкладывать" по полной схеме, то есть на мое обеспечение бросят шесть-семь бригад. Боль стала уходить, во мне проснулся азарт, появился шанс отомстить "конторе", которая вытерла об меня ноги.

Я - человек системы. Если бы был в системе и мне сообщили, что кто-то из моих бывших коллег стал работать на Израиль, что бы я чувствовал?

Во-первых, что он негодяй, подонок, предатель.

Второе - попытался бы в ходе операции прикарманить немного денежек предателя.

Это до Чечни я был идейно укрепленный и устойчивый. А вот после того как насмотрелся, как по указке Москвы тырят все что можно, то как-то немного видоизменил взгляд и подход к жизни и службе.

Теперь я вне системы, и как-то не очень уютно себя чувствую. Никто уже не козырнет при виде моей маленькой красной корочки, и не задрожит голос в трубке, когда я приглашу его к себе на беседу. И несмотря на интриги и прочие "минусы" службы, я проникся системой, ее духом. Мне ее не хватает сейчас в жизни, очень не хватает. Эх, если бы они мне сказали: "Достань Рабиновича, и ты снова НАШ!" И все. Не пожалел бы старого друга для этого, лишь бы снова оказаться в СИСТЕМЕ.

Подлость? Низость? Да, согласен. Но я человек системы, и как бы я сейчас не пыжился сам перед собой, что я герой-

одиночка, и ушел из Конторы, потому что не согласен с ней - чушь! Меня переработали и выбросили.

Да, система страшная. Она перемалывает, но она подобно наркотику. Без нее сложно. Теперь мне хочется думать, что я вышел из Конторы белым и чистым. А ТАМ остались лишь одни подонки и негодяи. Но этого не может быть. Я точно такой же как и они. И они знают глубину моих познаний о методах и способах работы. Сейчас изучают мои дела, моJ личное дело. Опрашивают коллег, на что я способен, рисуют мой психологический портрет. Делают прогнозы. Дают рекомендации как меня "раскачать", вывести из равновесия, где удобнее устроить подлость, провокацию.

Я бы сам бы сейчас, если бы участвовал в операции, то почувствовал вкус охоты, сочинял бы массу бумаг, как лучше меня загнать и поймать. За особое рвение начальство погладило бы меня по голове и сказало: "Вот. Салтымаков молодец! Как творчески подошел к решению поставленной задачи! Учитесь!" И молодые опера раскрыв рот смотрели бы на меня.

Старые похлопывали бы по плечу и требовали пива за то, что я отличился. Эх, все это было, все было. Теперь все в прошлом.

Первым признаком того, что и контора ошибается при выборе объекта, было то, что старый мудрый опер Серега Александров был уволен по дискредитации. Была спланирована и проведена на высшем пилотаже провокация. Серега даже не просек ситуации и купился на нее.

Незабвенный Омелин попросил Серегу получить на складе вооружения патроны - якобы для стрельбы, и передать их Омелину для охоты.

Серега часть патронов оставил себе, плюс прикарманил несколько взрыв-пакетов, осветительных ракет. Новый Год был на носу. Обычное дело устроить фейерверк.

Тут же устроили осмотр места происшествия у него в кабинете, в присутствии понятых, естественно, и на Серегу возбудили уголовное дело "за не законное приобретение и хранение боеприпасов и взрывчатых веществ". Омелин патроны принес сам, сказал, что Александров предлагал ему взятку в виде этих патронов.

Вот тут-то моя вера в непогрешимость моей службы дала первую глубокую трещину.

А теперь я - дичь, на меня уже завели корочки дела. На них написано условное наименование. Мне присвоен псевдоним, что-нибудь типа "Грифа" или "Стервятника", или "Иуды".

И от этих мыслей в горле сохнет, но не потому что мучает похмелье, а еще потому, что просто страшно, элементарно

страшно. Когда работаешь в системе, то понимаешь, что не дай бог попасть тебе в жернова ее. Медленно, сантиметр за сантиметром перемелет и выплюнет. Страшно. Я - дичь. И всегда должен об этом помнить. Моя задача - уцелеть.

Тут у соседей снова завопил кран. У, подлюка! Надо вызвать слесаря, оплатить его услуги. Чтобы он им заменил кран! У меня же есть деньги десять тысяч американских долларов. Я богат! Хотя будет дешевле просто набить морду соседу-алкоголику, пусть чинит кран сам. Мысли то принимали стройность, то снова начинали пьяно путаться.

Надеюсь, что моя бывшая жена о деньгах не узнает и не потребует алиментов на содержание ее новой семьи. А "конторские", чтобы напакостить, могут в налоговую стукануть. А пусть стучат! Нет документов? Нет. Значит и разговоров, ребята, не будет.

Остаток дня я провел в раздумьях. И Андрея вспоминал как мы служили вместе и воевали вместе. Нельзя сдавать своих нигде и никогда!

На следующий день пришел Лазарь Моисеевич, принес двадцать тысяч долларов.

Я понюхал их. Дураки говорят, что деньги не пахнут. Придурки! Самый прекрасный запах - запах денег и нового автомобиля! Я богат. Я втянул ноздрями запах заморских денег. У-у-у-у! Деньги! Голова кружится от мыслей, от предполагаемых возможностей. Ладони быстро потеют. Запах.

Я не очень хорошо в долларах разбираюсь. Да и евреям особо тоже не доверяю.

Сходили вместе до ближайшего обменного пункта валюты, там я разменял две бумажки по сто, вытащенные наугад из обеих пачек. Все пока было без обмана. Про вчерашний разговор с бывшим коллегой я священнику ничего говорить не стал. Когда он мне деньги передал, - очень даже симпатичным, порядочным мужиком показался. Главное, чтобы еще миллион долларов был настоящий. А то чечены меня на органы распродадут, чтобы хоть какую-то выгоду поиметь. Так даже и не поймешь, кто они больше - купцы или воины? Одним словом - бандиты.

Интересно, а как пахнет миллион? Устоять бы.

Первым делом я отправился в фирму, торгующую снаряжением для охранных фирм. Мужики знакомые, за деньги черта лысого достанут. Поэтому ничего криминального у них покупать не стал. Так, предметы двойного назначения. Теперь все, что у меня будет в карманах или в багаже - все предметы двойного назначения.

Первым делом -одежду для скрытого ношения денег,

прошитую металлической сеткой. Плюс от ножа защита. Пулю не остановит, но осколки от подствольника смягчит. Тяжеловато, но надо терпеть. Главное, что одежда по внешнему виду самая обычная, неприметная. Пройдешь мимо, никто и не подумает, что перед тобой контейнер с деньгами.

Таскать на себе миллион долларов - это все равно, думаю и предполагаю, что набить под подкладку десяток толстых журналов типа "Нового мира". Это мое субъективное ощущение.

Загружу - узнаю поточнее, а пока только предполагаю, исходил именно из этого. Чтобы скоротать длинные холостяцкие вечера - много читал. В том числе подписался и на "Новый мир".

Теперь я запихивал принесенные журналы в отсеки для денег. Тяжело, неудобно, стесняет движения. Размер побольше. Свободнее, удобнее, но смотрится, как балахон на чучеле, зато можно что-то руками делать, а то как оловянный солдатик - могу либо руки по швам держать, либо как снежная баба руки растопырив держу.

Обувь. Тоже, вроде, обычные ботинки, самые обычные, гражданские, но в них можно лазать по горам, ходить по снегу, по болоту - аналог военных ботинок с высоким берцем. Есть в них еще одна маленькая "хитрушка" - в каждом установлен нож - маленький, без рукоятки, спрятанный в подошве. Он не вылетает при нажатии, - просто вытаскивается из носка ботинка рукой.

Ремень тоже хорош. Кожаный, двойной. Внутри него спрятан набор ножовочных полотен по металлу с алмазным напылением. Пряжка разъемная, внутри заточенная пластина, ее можно использовать как метательное оружие. Снаружи узором в виде змеи уложен трехметровый шнур, он выдерживает нагрузку в триста килограмм, на одном конце ремня голова змеи легко трансформируется в петлю - готовая удавка.

Я раньше скептически относился ко всем этим ковбойско-киношным штучкам, но теперь нужно рассчитывать только на себя. Кто знает, что ждет меня через неделю?

И все предметы двойного назначения. Доказать что-либо непросто. И простой карандаш можно использовать как пишущее средство, а можно и как смертельное орудие. Им можно пробив глаз, добраться до мозга. Быстро и безболезненно, относительно конечно. Можно пробить трахею, сонную артерию, брюшину. Можно использовать как предмет для получения информация при пытке. Возьми карандашик. А еще лучше - несколько, положи их между пальцев, поперек, естественно, а потом пальчики сжимай. Медленно - просто боль, резко - переломы пальцев. Не боец уже. Не сможет на спусковой крючок автомата или пистолета нажимать, и нос уже не почистит, ширинку не застегнет.

Можно карандашик в ухо забить. И пытка и казнь одновременно, то же самое в нос, но здесь карандаш подлиннее надо. Можно и между ребер заколотить. Эх, были времена! Многое было можно!

Сразу переоделся в новую одежду, поверх старую куртку. Смотрится несколько уродливо, но ничего, это не надолго!

Брюки по цвету я подбирал под новый костюм. Со стороны почти незаметно. Надо привыкать к новой одежде, времени и так в обрез. Буду ходить с журналами в подкладе-жилете. Тяжело, неудобно. Зато сам привыкну, да и наблюдатели тоже пообвыкнут к моему новому имиджу.

Маленький бинокль с осветленной оптикой лежал на полке, рядом такой же, но ценой в два раза меньше. Наружные линзы окрашены в красный цвет. Хозяин пояснил, что первый японский, а второй китайский. Быстро заменили шиндики, и я стал владельцем японского бинокля с маркировкой "Сделано в Китае". Меньше будет завистников.

Часы, которые показывают время, дают обратный отсчет, измеряют уровень радиации, не тонут-не мокнут, светятся в темноте, но самое главное, что с виду - обычная китайская штамповка, но вот в застежку вставлен миниатюрный нож. Снимаешь или вырываешь браслет - и отверстия от его крепления в корпусе можно использовать как клеммы для взрывного устройства, а сами часы - как взрыватель. Ценное приобретение.

Все как в третьесортном боевике. Как началась эта история, так и продолжается. Предметы двойного назначения.

Две УКВ радиостанции, работают на пятьсот метров - на прямой видимости. Пара комплектов запасных батарей. Станции закамуфлированы под обычный радиоприемник. Китайская штамповка. Имеется возможность их соединения и получится неплохой сканер радиоэфира. Пяток радиозакладок закамуфлирован под авторучки и зажигалки. Где надо пишут, где надо загораются. Станции принимают от них сигнал.

- Леха, ты хоть ствол возьми какой-нибудь, - посоветовал хозяин магазина Андрей Локтеонов.

- Ага, ты мне еще безоткатное орудие предложи, или "Большую Берту" в качестве нагрузки, или пару "Стингеров".

- А что, надо? - рядом стоял Федор Якоби - друг хозяина. - Ты только шепни, мы через две недели из Германии доставим.

- Как будете через границу перетаскивать? Как гуманитарную помощь?

- Нет, это подозрительно. Как обычно - зеленый горошек. Так что, надо?

- Да, пошел ты...

- Ты хоть скажи, куда едешь? И зачем? - Андрей не унимался.

- Отстань. Любопытство сгубило кошку.

- Хочешь, завтра достану тебе суперплоскую "Беретту". Тридцать восьмой калибр, на дно чемодана положишь - не найдут. "Чистая", без "хвостов". Недавно в России, прямо с завода.

- Нет! - я критически осмотрел себя в стекле витрины - Пока!

Рассчитался за покупки и вышел.

После этого зашел и заплатил за квартиру. Не знаю, когда вернусь. Жизнь меня научила, что когда уходишь из дома, то надо быть готовым ко всему. Деньги были, поэтому заплатил за год вперед, потом самому будет легче. Отправил немного денег родителям. Все это, естественно, из командировочных. Отчета никто требовать не будет, а потом и прибавку потребую "за особые условия службы".

Ну, а теперь можно и поиграть в казаков-разбойников. "Хвоста" я не видел, но наружку ощущал кожей. Спасибо Омелину - моему бывшему начальнику, раз в полгода меня и слушали и проверяли, и топали за мной, и устраивали провокации. Так что своих коллег я чувствовал мочками ушей.

Быстро зашел в проходной двор и встал за углом, послышались шаги. Я вышел из своего укрытия и пошел навстречу. Дешевый трюк, мало кто на него мог купиться. Ба, знакомые все лица!

- Здорово, Николай! - это был старый разведчик наружного наблюдения, мы с ним работали и по американцам, и по чеченам, которые торговали оружием.

- Здорово, Алексей! - тот отводил глаза.

- И тебя, старого, выволокли на меня, людей не хватает?

- Да, нет, Михалыч, что ты, я просто иду к знакомой! - он не поднимал глаз.

- Бывает. Мужикам привет передавай, - я пошел на улицу.

- Осторожнее, Алексей. Осторожнее! - донесся мне шепот в спину.

Я поднял ладонь, мол, понял. Видать, заинструктировали мужиков, что я агент всех империалистических разведок и вдобавок опасный террорист. А на самом деле - кто я?

Я тряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Ну-ну, бывшие товарищи по оружию, поглядим.

Конечно, одному против системы тяжело бороться, но дуракам и пьяницам везет! Дураком я был, что ввязался в эту авантюру, все мои кишки тряслись от страха и кричали мне, чтобы я вышел из этой безумной игры, ну и плюс ко всему - я был выпить не дурак. Но положение - в основном материальное нашептывало: вперед, только вперед!

Мое подсознание мне орало мне, что я -дичь!

Пока добирался до дома, вспомнил про старую традицию в Управлении. Когда кто-то из разведчиков "наружки" уходил на пенсию, то в актовом зале собирался весь личный состав. А пенсионера выкатывали в кресле-каталке, мол, ноги стер. Эх, были времена, сам веселился с ними, а теперь они охотятся на меня. Хорошо, что хоть не все думают, что предатель. По крайней мере, хоть один так думает. Он просто делает свою работу, без энтузиазма, без пионерских костров в заду. Работа есть работа и ничего лишнего. Не надо в работу вкладывать душу. Просто работай.

Я пришел домой, прежде чем все новые вещи снять и бросить в стиральную машинку, еще раз примерил их. Ничто так ни привлекает внимание, как новая одежда, я же не к девочкам иду, чтобы произвести хорошее впечатление.

Вот он я в зеркале. Обычный мужик. Таких много. Рост 180-181. Телосложение крепкое. Стрижка короткая, волосы светло-русые, у висков появилась проседь. Девчонки молодые уже не будут смотреть, если только сильно напоить. Глаза - серые, нос прямой, на кончике слегка раздвоенный.

А это, Алексей Михайлович, как известно, уже относится к категории особых примет, подбородок тоже раздвоенный. И вообще, Леха, у тебя рожа разделена на две части. По лбу тоже идет идеальная вертикальная полоса. Это тоже можно отнести к отличительным признакам. Череп массивный. Зато у меня есть на этом массивном черепе два шрама.

Была бы черепушка хлипкая - то раскололась бы еще в Баку, когда по затылку прилетело арматуриной. Слава богу, потерял сознание сразу, а то добили бы непременно. Правильно, не надо отрываться от коллектива и играть в героя. Захотел боевика взять в одиночку! А он просто заманил меня в ловушку. Ладно, за мертвого приняли. Шрам на затылке с левой стороне, сквозь короткие волосы видно. Просвечивает.

На лбу, с правой стороны, виден шрам длиной около двух сантиметров. Раньше был больше, сейчас зарос. Спасибо доктору - резал по морщине.

Хоть и говорят, что шрамы украшают мужчин, но это для кабака, чтобы девочек было легче кадрить. А оперу и преступнику, а также переходной модели из одной ипостаси в другую, как мне сейчас - особы приметы только вредят. Я должен уметь сливаться с толпой.

А на меня сейчас погляди - красавец. Мечта всех разведенных женщин. Взгляд оперской - "мазучий", липкий. От этого, видимо быстро не избавиться.

После Чечни появилась складка на переносице между бровей. Тоже можно рассматривать как примету. И еще эта носогубная складка появилась, уголки губ опустились вниз.

Эх, Леха, Леха, надо тебе чаще улыбаться, хотя бы своему отражению в зеркале.

Попробовал улыбнуться. Но получается как-то коряво. В основном какая-то пошлая ухмылка правой стороной лица. А если развести уголки губ в стороны, то получается, что не улыбка, а какой-то оскал. Почти звериный. Детей пугать.

Надо поработать над улыбкой и мимикой вплотную. Мне работать с людьми, я ведь теперь - репортер. Как его? Язык сломаешь, пока выговоришь. Ну еще, чует мое сердце и седалищный нерв, что с коллегами буду общаться плотненько и не один раз. Кол им осиновый в сердце!

Уши. Правильной формы, слегка оттопыренные, у какого мужчины они прижаты к черепу? Чепуха! Мужчина должен хорошо слышать, а для этого надо, чтобы ушки были высоко посажены, большие раковины и слегка оттопырены, но при этом не быть лопоухим. Правда, форма немного деформирована, в юности занимался борьбой.

Руки обычные, руки не трудового человека. Чеченские мозоли сошли. На запястье левой руки большой коллоидный шрам. Браслет часов частично закрывает его.

Одним слово, Леха, не получится из тебя разведчика-нелегала. Ты - одна сплошная примета, может в обычной, нормальной жизни, все это было бы нормально, а здесь и сейчас, и впереди - все это плохо, очень ненормально.

Покрутился перед зеркалом. Как сидит одежда, обувь. Не топорщится ли где, не задирается. Вроде нет, но новая одежда - новая одежда, она даже не пахнет тобой, а несет от нее магазином, заводом, заморскими странами, где никогда не бывал и не бывать.

Страх то всплывает, то проходит.

Обувь тоже вызывающе новая. Но все устранимо. Легко устранимо.

Пока одежда стиралась, я принялся за обувь. Взял молоток и разбил задники ботинок, с одной стороны, уже видно, что не новая обувь, а с другой - никогда не натрет ноги. Потом мелкой наждачной бумагой потер носки ботинок и наружную часть. Почистил кремом. Пойдет.

Так, теперь начнем тренироваться в вытаскивании ножей. Тренировался, пока не сумел это делать с закрытыми глазами, наощупь и почти мгновенно. С балкона принес широкую доску, попробовал метать ножи. Раньше у меня это получалось неплохо.

Во второй командировке был вместе с бригадой спецназа ГРУ из Бердска. Мужики научили нескольким своим премудростям. Умение стрелять мне сейчас ни к чему, а вот метать ножи, глядишь, и пригодится.

Потом дошла очередь до пряжки ремня. Я научился вынимать остро заточенную пластину и метать ее. С пластиной получалось почему-то гораздо лучше.

Потом сел в свое любимое кресло, закурил. М-да. Все мои выкрутасы ничего не стоят, если против меня будет хоть один ствол. Я все это прекрасно осознавал. С одной стороны ФСБ, с другой - чеченские бандиты, а между ними с миллионом долларов - я. Забыл еще про евреев с их спецслужбами.

В идеале, конечно, хотелось и Андрюху вытащить, и миллион себе припрятать. И если будет такая возможность, уж я-то ею воспользуюсь!

Но это бывает в боевиках. Герой убил пару десятков плохих парней, на шее автомат, в руке чемодан долларов - эта сумма действует на психику обывателя. Рядом с героем - блондинка, и они летят на Багамы или на Гавайи. На психику действует безотказно. Обыватель писает паром от такой концовки, и ощущает себя и ассоциирует вместе с этим чудо-героем-мачо, без страха и упрека.

Поставил пепельницу на подлокотник. Откинулся, дым пускаю в потолок. Вечно бы так сидел! Жена никогда не согласилась бы купить такое кресло, уж больно непрезентабельный был вид у него, но оно было удобным, можно было откинуть голову, можно было в нем и спать, при этом тело не затекало. Есть некоторые преимущества в холостяцкой жизни. Вот купил кресло, которое мне нравится. Могу курить в комнате. Все имеет две стороны. Все абсолютно.

Начал вспоминать Рабиновича.

С самого начала он выделялся из толпы только что отштампованных лейтенантов. Рост метр семьдесят, шапка кучерявых волос выбивалась из-под фуражки. Лицо несло на себе отпечатки спортивной карьеры. Поломанные уши, смещенные надбровные дуги, нос смещен, лицо покрыто мелкими шрамами, бровь зашита. У Андрея был один пунктик. Он отращивал и тщательно ухаживал за ногтем левого мизинца. При этом еще умудрялся работать по второму классу на аппаратуре.

Его быстро прозвали Рабиндратом Тагором. Как раз тогда был популярен анекдот: "Организовали колхоз, всех согнали в клуб и решают, как назваться. Перебрали все благозвучные названия, оказалось, что соседние колхозы так уже назвали. Тут дедок поднимается: "А давайте назовем именем Рабиндраната

Тагора!" Все хлопают. В честь индийского поэта - лауреата Нобелевской премии! "А почему именно так, дедушка?" "Да, уж больно на итит твою мать смахивает!"

Так и прилипла к нему эта кличка. В 1992 году мы с ним попали в Приднестровье. Потом быстро ретировались из Молдавии. Я в Россию, а он на Украину, в славный город Одессу. А оттуда уже, видимо, в Израиль. Только за каким бесом его в Чечню понесло? Я же помню, что у него в роте были чечены солдаты. Самые хреновые солдаты в части. Потом они сбежали. М-да! Андрей немало с ними горя хлебнул. Хотя до этого отчаянно защищал их перед другими офицерами.

У Андрея была еще одна маленькая особенность. Он легко обучался языкам. Через год он уже бегло разговаривал по-молдавски. Мы же ничего не знали кроме матов и вывесок на магазинах. Полиглот хренов! Какого черта его принесло в Россию, сидел бы в своем Израиле и не высовывался, гуманист-заложник!

Теперь давай анализировать ситуацию. Я затушил сигарету в пепельнице и тут же прикурил вторую. Итак, начали. Что мы имеем. Группа иностранцев прибыла в Чечню с гуманитарной миссией. Раз.

Прибыла в тот момент, когда российских войск на территории Чечни уже не было. Это два.

В-третьих, их "благодарное" чеченское население захватило в плен.

Четверых убили. Это в-четвертых, извините за каламбур.

Цели прибытия? Цели захвата в плен? В Чечне много "диких" полевых командиров, которым глубоко наплевать на руководство республики, они остались без куска трубы, не допущенными к распределению бюджетных и пенсионных денег, вот и промышляют "бедолаги" работорговлей. Но, по идее, Чечня сейчас заинтересована в красивой глянцевой обложке, но никак не в киднеппинге. Непонятно.

Уравнение со многими неизвестными. Много факторов не известно. М-да, в жизни всегда не хватает патронов, денег, времени и информации.

И все-таки, какой черт дернул Андрея Рабиновича ехать в Чечню? На гуманиста он никогда не был похож, воевал отчаянно, да, и в Израиле, думаю, тоже воевал. Возраст подходящий, опыт, образование соответствует. И чтобы вот так поехать с грузом и сомнительной миссией. Стоп, Алексей, стоп, машины. Ты же опер, пусть и бывший, но опер.

Возьмем морально-деловые качества Андрея. Он не любит чеченов, он не любит националистов. Не исключено, что Рабинович прибыл с разведывательной миссией, под видом

гуманитария. Хм! Значит, мои бывшие коллеги правы, и Андрей либо агент, либо сотрудник спецслужб. А также мог быть охранником или другим узким специалистом при них.

Миллион долларов и шпион. Все как в дешевом детективе. Это звучит безумно, но может и сработать. А может и не сработать. Итак, карты легли таким образом: чечены, ФСБ, Моссад, шпион и миллион долларов, и каждый из этой "теплой" компании желает меня использовать по-своему. А я? Чего хочу я?

Первое - выжить.

Второе - остаться на свободе.

Третье - сохранить миллион.

Четвертое - вытащить Андрея.

И пятое. Не попасть в руки ни чеченцев, ни Моссада.

Шансы? Тают на глазах. Если раньше был один из ста, то теперь один из двухсот, если не меньше... Скажем так - один из двухсот миллионов...

М-да. Шпион и миллион. Миллион и шпион. Друг и шпион. Моссад и чечены. Коллеги бывшие и ФСБ -Контора...

Какого черта потянуло Андрея в шпионы? Хотя, сам такой же. Какого черта сам пошел в шпионоловы? Прошло чуть более шести лет, а смотри, какие фортеля жизнь выкинула! А как будто вчера все это было. Дела чудны твои, Господи!

Израиль не работал против нас. Для них территория СССР, а затем и России -табу. И это был непреложный закон! По крайней мере, к военным не лезли. У них работы хватает со своими арабскими террористами. Стоп, стоп. Может здесь и зарыта собака? Чечня полна террористическими бандерлогами различных мастей. Скорее всего, и Андрюха прибыл в поисках информации о "своих" террористах. Не исключено, что кто-нибудь, кого ищут евреи прячутся у нас - в Чечне. Ликвидировать, а затем просто выйти: вряд ли. Захватить и эвакуировать - тоже из очередной серии Рэмбо, только на еврейский манер. Информация, видимо, информация. Интересно, а как по-еврейски звучит Рэмбо?

Так, здесь более-менее понятно. Группа "гуманитариев" попала в руки духов. Те по очереди четверых пустил в распыл. Тоже понятно.

Что делают евреи? Они сами не подставляются, и так уже упаковали четверых, Андрей под "колпаком", а может и в живых его нет уже. Отправлять еще одного своего сотрудника - возможная гибель. А евреи своих не бросают. У них даже в Уставе записано, что при попадании в плен разрешается сообщить все сведения, которые тебе известны, в целях сохранения своей жизни.

А можно дать миллион долларов. Зато вернется подготовленный сотрудник, вернется со знаниями, с информацией.

Своего подставлять не хочется. Поэтому подставим лучше "лопушка" - то есть меня. Сгинет - невелика потеря! Парень опытный. Опыт боевой и оперативной работы. Тщеславен, обижен на "контору". Браво, браво, все просчитали. И платить ему много не надо. Он ведь "лопушок", плюс к работе относится ответственно. Душу вкладывает в работу.

Я вытер пот со лба. Влип, очкарик!

Есть еще время выйти из игры. Время еще есть. Хотя... Хотя и деньги очень нужны, и с другой стороны уж больно хочется бывшим коллегам нос утереть! Ребята, заберите меня к себе! Я больше не буду! Я - хороший! Я отдам вам Рабиновича! Я курю уже фильтр сигареты. Резкий запах режет ноздри. Тушу тлеющий фильтр, закуриваю еще одну сигарету.

Тут есть еще форс-мажорные обстоятельства - чечены. Они теперь, вроде, снова получили независимость. Снова получили возможность заняться своим любимым делом - бандитизмом.

К чеченской народности не имею ни малейших симпатий. Звучит, конечно, отвратительно, но ничего не могу с собой поделать. Слишком лютую смерть принимали от чеченских бандитов мои товарищи. Пытки, изуверства. Наверное, есть среди них хорошие, порядочные люди, но что-то они мне не попадались. Значит, просто не везло...

На душе стало тоскливо. Расклад стал более-менее понятен, но лучше мне от этого не стало. Может позвонить мужикам и заказать эту суперплоскую "Беретту"? Заманчиво, ой, как заманчиво, но лучше не искушать судьбу. Все предметы лишь двойного назначения. Твержу я себе как заклинание. А "Беретта"? Можно, конечно, использовать как молоток, но не поверят. Ни духи не поверят, ни бывшие друзья-коллеги. Сам бы тоже не поверил.

Буду мирным журналистом. Как их там называют? "Стингерами"? Нет это штатовский переносной зенитно-ракетный комплекс. "Стрингер"? Вроде бы. Хотя суть вроде одна - "торпеда" одноразового действия. Презерватив. Ладно буду этим... Военным журналистом по найму.

Остальное время я посвятил подготовке. Как физической, так и морально-психологической. Должен быть готов к вопросам.

Прорабатывал сам с собой "легенду". Пару десятков вопросов зазубрил, какие, на мой взгляд, надо задавать "мирным" чеченским жителям, если меня все-таки занесет на территорию независимой Ичкерии. И много чего еще.

Теперь я журналист, который интересуется поведением федеральных войск на чеченской территории в годы первой военной кампании.

3.

Раньше приходилось готовить и внедрять агентов в различные организации, маршрутировать их, но все равно, одно дело готовить агента, другое - самому влезать в его шкуру.

И главное, что посоветоваться не с кем, никто не послушает легенду, не укажет на ее слабые стороны. Поэтому я садился перед зеркалом в ванной, другого зеркала дома не было, и сам себе задавал шепотом вопросы, потом сам на них отвечал. Смотрел при этом в зеркало, вырабатывал мимику, тембр голоса, положение тела, рук. Тяжело это. Общаться со вчерашним противником и улыбаться ему. Тяжело. И убить же нельзя!

Во время ответа ни в коем случае, пусть даже нос, глаза чешутся, нельзя трогать их! Это закон! Руки не прятать, не скрещивать, ничего не теребить. Смотреть в глаза и уметь сочувствовать! Я должен научится сочувствовать собеседнику.

И так много раз. Перерыв на кофе и снова к зеркалу! Чтобы на заданный вопрос отвечать не задумываясь.

Ключи решил отдать своему соседу капитану Никольскому. Он частенько брал у меня ключи - приводил дам сердца, а у него было их много.

Жил тот на площадку выше, нарушал заповедь, что нельзя гулять там, где живешь, но, видимо, ему это доставляло удовольствие. У него было два своих комплекта постельного белья, они лежали в моей прикроватной тумбочке.

Сказал ему, что нашел работу и уезжаю в командировку, и чтобы он присмотрел за квартирой. У Димки Никольского глаза вспыхнули безумной радостью. Я тут же предупредил его, чтобы диван не разломал, и мое белье не смел трогать. Тот лишь промычал что-то невразумительное, очень смахивающее на брачное хрюканье бабуина, долго тряс мою руку и заверял меня, что все будет тип-топ.

Интересно, а мои бывшие коллеги снимут аппаратуру, или так и будут развлекаться слушая и просматривая оргии Никольского?

Была мысль предупредить Диму, но передумал. Просто представил, как на стол начальника ложатся сводки с расшифровкой аудио- и видеозаписей похождений соседа сверху в моей квартире.

Эх, жаль, буду лишен этого удовольствия лицезреть подобную картину!

Но, зная неуемный пыл Никольского, даже предупрежденный

Дима старался бы показать всю технику и свою энергию в полную силу, и вот тогда он точно бы разломал бы мой старенький диванчик.

И снова к зеркалу, мимика, легенда. Пишу на бумаге легенду, откладываю в сторону. Курю, думаю. Потом перечитываю, правлю, запоминаю. В ванной сжигаю, пепел смываю в раковину. Попрыгайте, ребята. Понервничайте, что я же там пишу! Подергайтесь! Все как в боевиках. И курю, курю много, сигарету не выпускаю изо рта. И думаю. И боюсь. Потею от страха. Заглушаю страх отжиманием от пола. И гантелями до третьего пота, до изнеможения. Все, устал.

И вот он настал. День "Х" и час "Ч".

Я собрался. Сел, закурил. На дорожку полагается посидеть. Сердце защемило. Страх перед неизвестностью. Перекрестился, трижды сплюнул через левое плечо. Снизу просигналила машина. Пора.

У подъезда меня ждал микроавтобус. Коган передал мне удостоверения пары редакций газет, все они были крайне либерального толка, командировочное удостоверение, диктофон, фотоаппарат. Точно такие же удостоверения, только на Рабиновича и Коэна лежали в отдельном конверте. Пригодится, тут лишнего ничего не бывает.. Номер телефона, по которому я должен был позвонить по прибытию. Также Лазарь Моисеевич познакомил меня с двумя здоровыми мужиками - моя охрана.

Ее же можно рассматривать и как конвой и как палачей - при моей попытке увести у них из-под носа миллион долларов. Будем надеяться, что они не захотят присвоить его себе, отправив меня к праотцам. Когда ставки в игре так велики, то ничего нельзя исключать и скидывать со счетов.

Ребята были лет двадцати пяти-тридцати. Лица спортсменов, только повадки не спортивные, взгляд, выправка, внешне расслабленные, но собранные как пружина. Очень уж они мне напоминали спецназовцев из Бердской бригады. С одной лишь разницей - у наших не было легкого акцента. Но с учетом того, что они почти молчали, то это и не было заметно и не бросалось в глаза.

Они представились. Тот, что постарше, был Борис, второй - Иван. Ага, я тогда Фрэнк Синатра, если они Борис и Иван. Но это меня мало интересовало. Важнее - где был миллион. Такую сумму я видел только в кино.

У обоих "спортсменов" были спортивные сумки, одеты были тоже по-спортивному, кожаные куртки. Обычный прикид "торпед" а ля начала 90-х. Бритые затылки дополняли имидж. Только не было на них ни золотых цепей, ни колец, ни перстней. А то менты

на хвост сядут сами по себе, из голого энтузиазма.

- Лазарь Моисеевич, - обратился я к раввину, - я с ними не поеду.

- Почему? - удивился Лазарь, а парни набычились.

- В Моздоке их первый же мент "заметет". Морды бандитские, - парни, не обижайтесь, - одеты как спортсмены-боевики. Все полетит к черту. Документы проверят, в сумочки заглянут.

- Не переживайте, Алексей Михайлович! Их задача проста. Довезти вас в целости и сохранности, а там вы уж сами разберетесь. Деньги передадут перед высадкой, - объяснял он по дороге на вокзал.

- А где гарантия, что деньги настоящие? - любопытствовал я.

- Проверено. Мин нет! - раввин лишь усмехнулся. - Кстати, вчера был контрольный звонок. Мы сказали, что выезжаем, они от нас ждут через неделю перезвон... Мы за это время навели о вас множество справок. Только положительные отзывы. Надеюсь, что вы не попытаетесь скрыться с деньгами?

- Зачем, чтобы всю оставшуюся жизнь прятаться от "Моссада"? Разве это жизнь? У вас же длинные руки. Евреи живут по всему миру.

- Я верил, что вы разумный человек.

Чем ближе мы подъезжали к вокзалу, тем сильнее мне хотелось выпрыгнуть из машины и рвануть куда глаза глядят. Сердце колотилось, по спине тек пот. Я закурил и уставился в окно.

Спортсмены брезгливо махали руками, стараясь разогнать клубы сигаретного дыма. Ничего, парни, ничего, должны же быть у меня недостатки!

Вот и приехали. На поезде до Краснодара, потом пересадка. Итого пять дней в дороге. Не страдаю клаустрофобией, но не люблю поездов. Хотя миллион самолетом не потащишь.

Я попрощался с Лазарем. Отошел в сторону, закурил. Лазарь что-то говорил охранникам, они периодически смотрели на меня. Мальчишество, но меня так и подмывало показать им средний палец, нервы сдают, нервы.

Спокойнее, Алексей, спокойнее. Бизнес есть бизнес, кроме денег никакой заинтересованности. Затянись поглубже, задержи дым и спокойненько выпусти через ноздри. Потом посмотри на девочек, ух, какие ножки пошли! Морду поворачивай, и хоть тебе сейчас не до этой старлетки, но все должны видеть, что ты нормальный мужик, и у тебя нормальна реакция, положительная эрекция. И нервы. Нервы у тебя не ходят ходуном, а ты железобетонный. Спокойный и равнодушный как сарай.

Эх, жаль, в соседний вагон! Странно, а в наш вагон мало кто

садится. Ба, так это спальный вагон! Двухместные купе. Надеюсь, что без подселения.

Ну, вроде инструктаж закончился. Я затянулся, и щелчком швырнул окурок под вагон, - рассыпался сноп искр, когда он ударился о колесо.

В горле все пересохло, я облизал губы. Надо попить водички. С пьянкой я завязал до конца "командировки". Вперед!

- Алексей Михайлович, - начал раввин, - вы поедете один в купе, в соседнем поедут ваши ангелы-хранители. Так же поедете и после пересадки в Краснодаре. Если что надо - они помогут. Не будете скучать?

- Я отосплюсь, - горло пересохло, и поэтому говорил я невнятно.

Я прошел в свое купе. Хорошо! Без соседей, новый вагон. Потрогал простыни - сухие. Бывает же такое! На столике в пакете свежие газеты, журналы, печенье, сахар, минеральная вода! Живем!

Я быстро переоделся, спортивный костюм, кроссовки. Постучался в соседнее купе, где разместились "гоблины".

- Кто там? - раздалось из-за двери.

- Я.

- Чего надо?

- Просто. Узнать как устроились, - я опешил.

Тон был грубый. Даже вызывающий.

- Не ходи к нам. Если что понадобится - мы сами придем.

- Ну, ясно.

С обиженным видом я пошел курить. От злости меня подбрасывало. Ладно, ребята, ладно. Там будет видно. Тоже мне. Корчат из себя "красных дипкурьеров". Таким поведением они привлекают к себе внимание. Ежу понятно, что в поезде, а может и в вагоне едут мои бывшие коллеги-чекисты.

В лучшем случае примут за двух гомосексуалов, которые так любят друг друга, что времени в туалет сходить нет. Я улыбнулся, представив, как эти два слоноподобных перекачанных субъекта целуются в засос. Тьфу, гадость. Таких у нас называли "членоголовыми".

Ладно, пойдем к себе. В купе я первым делом обратил внимание на то, что туфли сдвинуты в сторону. Немного, самую малость, постель немного смещена. Так. Гости были. Коллеги или охранники? Ни тем ни другим я не доверял.

Ну, что же, за дело.

Достал сканер. Настроил, начал свистеть. Просто насвистывать. Включил сканер. Хорошо, что в вагоне стены металлические. Внешние радиоволны не могут проникнуть

внутрь.

Шкала на сканере показывала, как скачут цифры. Пару раз гонка цифр прекращалась. Я слышал в гарнитуре-наушнике треск, шум, устойчивые помехи.

Едем дальше. Губы уже устали свистеть. Цифры вновь начали свою гонку. Но вот они остановились, в наушнике послышался мой собственный свист. Значит, у меня завелись насекомые - "жучки". Теперь вынимаем вещи. Их не так много. Куртка. Остальные вещи в железном рундуке под лежаком. Радиоволны там не проходят. Благо, что первое образование - связист.

Смотрим. Идиотский свист. Горло пересохло. Открываю бутылку с минералкой. Глоток. Свист. В наушнике тишина.

Куртку - в рундук, с вешалки достаю костюмчик для ношения денежек. Даже не верится, что скоро я буду стоить один миллион долларов. Как звучит-то! Я стою один миллион долларов! Миллион!

Мой фальшивый свист костюмчик улавливает сразу. Теперь детально, шов за швом осматриваю его. Все банально, хотя я тоже разместил бы радиозакладку в воротнике. Но также я бы разместил контрольную закладку.

Вторую закладку я обнаружил на левом рукаве, в районе плеча. Проверил остальные вещи. Не обнаружил больше ничего. Хотя, в принципе, это ни о чем еще не говорит. Есть масса "хитрушек", которые находятся в "спящем" режиме и включаются по радиосигналу. Так что обольщаться особо не стоит.

Закладки были стандартными. Наша промышленность их выпускала в большом количестве, и на вооружении они стояли как в ФСБ, так и МВД. А также этих "игрушек" было много и в частных фирмах. Поэтому, как и перевозчики денег, сидящие за стенкой, так и граждане-начальники, находящиеся, по-видимому, недалеко от меня, находятся под моим подозрением. И тем и другим интересно мое поведение, мои шаги, мои действия.

Я покрутил в пальцах оба "клопа". А, ладно! Плевать!

Я снова вышел покурить, и выбросил одну радиозакладку на пути, в переходе между вагонами. Пусть ищут. Если это мои бывшие товарищи по "оружию" устанавливали, то им придется попотеть, чтобы списать государственное имущество. А если они напишут, что я обнаружил закладки, то по голове их не погладят. Расшифровка! ЧП! Объяснения, проверки, взыскания, лишение премии, могут и затормозить в продвижении по службе. Я докурил и со злобой отправил окурок вслед за шпионскими штучками. Вот так бы спустить под колеса поезда тех, кто произвел закладку! Твари!

Сволочи! Я же всего месяц был с ними в одних окопах, а

потом вот так... Мордой об стену! Свиньи! Я снова закурил сигарету. Свиньи! Свиньи! Я делал большие затяжки. Сначала они меня выбрасывают на свалку, а потом начинают за мной слежку. Им плевать на все! Что было бы проще - примите меня снова на службу. Так нет, они захотели войну. Желаете - получите! Окурок исчез под колесами поезда. Подобно этому окурку меня вышибли из органов.

Придет время - вышибут и тех, кто сейчас рвет себе внутренние органы, пытаясь меня поймать. И будут они подобно мне сейчас обижаться на весь белый свет и своих бывших коллег. Но это будет у вас потом, ребята, потом. А сейчас не выйдет, ребята. Не выйдет! Я так этого хочу!

Остальные дни я провел отсыпаясь, читая и размышляя. Братьев-гоблинов я не видел и не слышал.

Самое главное - мне ни за что нельзя заходить на чеченскую территорию, пусть и нет на мне большой крови, но с другой стороны, у них сейчас там шариатские законы. Могут голову как барану отрезать, запросто, с них станется.

Хотя осталась у меня в Чечне агентурная сеть. Только где гарантия, что когда я появлюсь, они тут же не сдадут меня? Гарантии нет никакой. Чеченам верить - себя не уважать. Даже во время боевой работы я прекрасно понимал, что когда мне дух давал ценную информацию, он тут же мог помчаться к соплеменникам и сообщить им о планах федералов.

Мне везло, для реализации информации я не заводил людей на минные поля, а также в засады. Может быть потому что всегда был честен с источниками и выполнял свою часть договоренности? Кто знает, а может просто улыбалась оперская удача.

В мире есть несколько систем разведок.

Первая - английская. Ничего не фиксируется, Джентльмену верят на слово. Вместе с уходом или гибелью разведчика теряется вся агентурная сеть.

Вторая - немецкая. Фиксируется все. Агентурная сеть - проверяется и перепроверяется.

Третья - японская. Там все построено на клановости, семейственности, на самурайских традициях.

Но есть четвертая - русская, которая впитывает в себя черты трех предыдущих.

Забавно, но тем не менее русская разведка признана самой лучшей в мире. Чтобы там не говорили про технические разработки американцев, но вся эта техника не идет ни в какое сравнение с агентурной разведкой. Техника хорошо, а человек - лучше! Все совсем как в песне про чукчу: "Самолет - хорошо, а

олени - лучше"!

Только вот теперь мои коллеги, пардон бывшие коллеги, пишут по мне планы разработки моей персоны, планируют комплекс оперативных, оперативно-технических мероприятий. Активно идет опрос моих знакомых, сослуживцев, источников. Стоп, а ведь всех своих источников я забрал с собой, всю документацию на них успел уничтожить. Свои люди мне всегда пригодятся.

В Чечне мне удалось переиграть чеченскую разведку и контрразведку. Были и "игры", когда проталкивал "дезу" духам. А они шли к нам в руки или на минные поля, в засады, под артналеты. Эх, были времена, были. Вот именно, что были!

Но тогда за мной была мощь армии, и все мне помогали или не мешали. А сейчас мне необходимо было переиграть и свою контрразведку, а может и разведку, Моссад и чеченцев. Да при этом было бы неплохо еще и остаться в живых.

Главное в Чечню не попасть! Это самое главное. Не думаю, что духи не знают про мои спецоперации, в результате которых удалось накрыть артналетом банду, а во время второй почти без боя и с минимальными потерями с нашей стороны мы взяли один из хорошо укрепленных пунктов Ичкерии. Когда уходил, то никто не знал мою агентуру. В отчетах я указывал несуществующих или погибших граждан. Тут я действовал как англичане - не отдавал сеть никому.

4.

Теперь, когда я выходил покурить, выкладывал оставшуюся радиозакладку, а сканер брал с собой. Слушал якобы музыку, на самом деле - звуки в купе. Но пока провокаций не было. Периодически, по возвращению, устраивал концерт художественного свиста. Дилетантство, конечно, с моей стороны, но хоть как-то страховался. Пытался страховаться.

Был еще один важный пункт, как обменять Андрея на деньги. Духи знали, что курьер с деньгами уже выехал - это я. Значит, если они намерены произвести обмен, то должны привезти Рабиновича на сопредельную с Чечней территорию. Это в идеале. Мой звонок. Они называют, где передать деньги, я забираю бывшего сослуживца.

Если мне не отдают Андрея или предлагают ехать в Чечню, то здесь возможен вариант, когда я разворачиваюсь, и еду в обговоренный с Коганом населенный пункт, там сдаю валюту и убываю назад.

Можно и сообщить, что доллары я передал, а сам отбываю куда-нибудь в район Канарских островов. Там вместе с мулатками занимаюсь отловом канареек и поставляю их в Россию. Если

Рабинович мертв, что тоже возможно, деньги на карман - и тоже ходу.

Короче, решил я для себя, не будет Андрея - израильтяне деньги не получат, равно как и чечены.

Я закрывал глаза, и под мерный стук колес погружался в полудрему и медитировал, представлял, что именно я буду делать с целым миллионом американских зеленных рублей!

Тук-тук, стучат колеса. Тук-тук - миллион, тук-тук - долларов, тук-тук - я богат, тук-тук - я сказочно богат!

Вот только анализ событий и развивающейся ситуации показывает, что как только я сойду с поезда, за мной будут следить, толкаясь тощими задами, как российские контрразведчики, так и израильские агенты, а может - и чеченские.

Всем нужен и Рабинович и миллион. Рабинович и миллион. Миллион и Рабинович. Говорим Ленин - подразумеваем Партия, говорим Рабинович, подразумеваем Миллион, и наоборот.

Вот только вопрос еще осложняется тем, что не хотят они, чтобы я вытащил Рабиновича в Москву и передал в посольство Израиля. Они также не хотят приехать сюда с дипломатическим паспортом и забрать Андрея. Не хотят, не желают. Кинули Андрея, кинули - как меня кинули, так и его. Вроде как братья по несчастью. Ему только сильнее досталось.

Думай, Алексей, думай, анализируй. Почему же. Почему? Отчего они не хотят вполне легально спасти гражданина своей страны, и при этом с помпой заявить на весь мир, что чеченские боевики - козлы конченые? Почему? А все потому, что Рабинович - шпион, или знает что-то о шпионских делах. И они знают, что российские контрразведчики в курсе его похождений.

А поэтому, Алексей Михайлович, шансов уцелеть у тебя с каждым часом меньше. И контрразведка наша не сомневается, что возьмет нас. Может, поэтому они не хотят меня восстанавливать на службе. Возьмут обоих. Мне припишут сотрудничество с иностранной разведкой: прощай, свобода, на восемь-десять-пятнадцать лет. Клеймо на всю жизнь, на моих родителей. Жена бывшая будет кричать, что постоянно меня подозревала, и поэтому ушла от меня.

Рабиновича выпотрошат и обменяют на пару наших разведчиков. Все довольны и смеются, за исключением меня. Контрразведка махом получает сведения, которыми располагает израильский шпион Рабинович, попутно разоблачает этого же шпиона, я - его пособник.

За такую операцию награждают званиями и именным оружием, а может быть и государственной наградой, затем

обменивают на кого-нибудь. Возвращают на Родину двух провалившихся героев. За это тоже награды положены.

Израильтяне, будь они неладны, получают Рабиновича, нафаршированного сведениями о чеченах и контрразведке России. Почести, награды, типа "Почетного моссадовца" или "Борца с терроризмом". А меня под славный город Пермь в колонию строго режима. Бр-р-р-р!

Холодный пот течет ручьем. Не здорово все это, очень не здорово. Шансы мои таят с каждым стуком колес, приближающим меня к конечному пункту. Я лежу поверх одеяла и вытираю об него мокрые от пота ладони. Жаль, что в купе курить нельзя.

Так-то оно так, а если вот так, а если так. Варианты, варианты, анализ, разбор этих вариантов, моделирование ситуаций, моделирование причинно-следственных связей. Многие отбрасываю в сторону. Думай, Леша, думай, а то будет больно, очень больно, если не сказать больше.

Но вот, на мой взгляд, забрезжил свет в конце тоннеля. Новый вариант. Неожиданный, дерзкий. Наступательный, и поэтому неожиданный. Исход, который никто не ждет. Пожалуй, единственный вариант, который дает мне шанс выбраться из переделки. Он дает шанс и Андрею. Я несколько раз бегал курить. Потом в туалет, обмывал лицо холодной водой и подмигивал своему отображению в зеркале. Прорвемся, прорвемся, Андрюха! Я умный, хотя и самонадеянный болван, потому что влез в эту каку, но я умный!

Я передаю эти деньги, жаль, но посмотрим, а вдруг Рабинович попадает ко мне мертвым? Я получаю труп, который не обвинишь в том, что он шпион. Денег нет, я передал их. На руках зловонный труп, который можно отправить в Израиль, и с воинскими почестями закопать в землю обетованную...

Тогда все, кроме меня, в проигрыше. Меня наши потрошат пару месяцев, но я чист. Я передал деньги, живого Рабиновича хотел отдать в руки сурового, но справедливого российского правосудия. Не получилось. Миль пардон. Хотели как лучше, но не вышло, вернее получилось как всегда.

Думай, Леша, думай. Анализируй. Работай. Работай. Ты всегда гордился своими мозгами. Думай, работай. Без импровизации здесь не обойтись. Но нужно подготовиться. Желательно найти труп. Где же его взять.

Вариант первый - стащить в морге.

Вариант второй - организовать труп, то есть кого-нибудь прибить. М-да, ситуация. Во время войны в Чечне от трупного запаха некуда было деваться, казалось, что кожа, одежда пропитывались этим запахом, и ты сам был живым трупом.

Помню, как в бане отчаянно шоркал себя мочалкой, чтобы смыть этот тлен. Трупов было много, даже чересчур. А вот когда нужен подходящий труп, его нет. Не убивать же Рабиновича или случайного прохожего. Хотя - можно, но это не выход.

И третий вариант. Можно показать всем и вся смерть Рабиновича. Чтобы все видели, как погиб Рабинович. Геройской смертью пал от подлых бандитов, или же от тех же самых контрразведчиков. Но так, чтобы трупа не было. Думай, Леша, думай. Работай! Видишь, когда не пьешь и выспался - какие умные мысли тебе в голову приходят. Умница, да и только.

Обычно, когда я рассуждаю, я черчу графические схемы, но нет гарантии, что мне не засунули в купе оптического "жука", и поэтому, как бы мне ни хотелось порисовать квадратики и кружочки со стрелочками, придется потерпеть. Это может дорогого стоить. Тоже мне, Шишкин нашелся! Потерпим.

План понемногу складывался в голове, но было много неизвестного, очень много. Много "если"...

Город для меня чужой. Никого я не знаю. Ни из правоохранительных органов, ни из криминальных структур. Можно рассчитывать лишь на собственные силы. Сорвется - в тюрьму не пойду! Лучше руки на себя наложить. Что же дальше? Что дальше?

Попутно обдумывал и положение Рабиновича. Не был Андрей никаким "гуманитарием". И миссия у него одна - Чечня. Слава богу, что хоть в другой регион России он не сунулся. Как бы мне ни нравилась моя бывшая контора, но страну свою я любил.

Сопоставляя полученную информацию с собственными выводами, я пришел к мысли, что скорее всего Тагор и его бригада собирались работать по своим арабам - террористам. По информации, много этих "посланцев Бога" осело в Чечне. По официальным каналам их бы никто не пропустил для проведения спецоперации.

Есть хорошая старая поговорка: "Есть разведки дружественных стран, но нет двух дружественных разведок". Это аксиома, принятая во всем мире. Но, видать, игра стоила свеч, если Моссад пошел ва-банк. И сейчас они пытаются достойно закончить эту игру. Моими руками закончить.

Когда на Мюнхенской Олимпиаде арабами была убита практически вся делегация Израиля, Моссад почти всех отловил и прикончил всю террористическую группировку. При этом не считались особо, в какой стране это происходит. Здесь события повторялись. Государство посылает свою группу под хилым прикрытием за головой какого-нибудь знаменитого террориста. Вывести его из России практически невозможно. Значит - акция

возмездия, устрашения, попутно разведсбор, разведдопрос. И самое забавное, что Израиль не входит в Международную организацию "Красный Крест".

Если бы я, не дай бог, конечно, попал к духам в руки, то сомневаюсь, что за меня заплатили бы миллион долларов.

Зачисли бы в списки пропавших без вести, после подтверждения моей смерти - прощальный залп над могилой. Коллеги, смахивая слезы, пили бы водку и клялись отомстить за меня.

Потом, вопреки приказу, разгромили бы какую-нибудь банду. Сейчас они сами устроили на меня охоту. И банду из-за меня они громить уже не будут. Могут с большой радостью засадить на много лет в тюрьму. Или могут всадить несколько пуль "при попытке к бегству".

Рабиновичу повезло с коллегами. Но опять же, до конца они не искренни. Могли бы организовать миссию спасения. Выходил же на Красный Крест, связывался с ним, хотя и не входит Израиль в эту организацию. А был ли Красный Крест? Может очередная "миссия Моссада"? Только без права вмешиваться. Лишь фиксация и связь с узником? От этих всего можно ждать.

М-да! Андрея мне тоже стало жаль. Он такой же заложник ситуации. У меня есть возможность рвануть в сторону с миллионом долларов в чемодане, Израиль найдет еще миллион для выкупа своего ценного сотрудника.

Но вот будет ли запас времени и возможности у Андрея? Вот в чем вопрос. Значит, у Андрея я единственная возможность на спасение. И при этом спасти его нужно так, чтобы не он попал в руки моих коллег по бывшей конторе.

Оставшуюся дорогу я ломал голову, но ничего нового не придумал. Незнание и неопределенность меня бесили, пугали. Я - дичь, я - дичь! Не хочу быть дичью! Хочу быть хищником!

За три часа до прибытия поезда в купе постучали - вошли гориллы-охранники. Вид у них был помятый, уставший. Приложили палец к губам и поманили пальцем. Мы зашли в их купе.

- У тебя "жучки", - шепотом и хором сказали они.

- Удивили. Я знаю, и пару обнаружил и уничтожил. Могли бы раньше предупредить, умники, - я фыркнул.

- У нас задача одна - доставить деньги до Моздока, а остальное - не наша забота, - пробормотали они.

- Охраннички, мать вашу! Давайте деньги. Мне их еще пристроить надо.

Они передали спортивную сумку. Я прикинул в руке. Нехило. Тяжелая. Спортсмены, глядя на мои упражнения, сообщили:

- Около пятнадцати килограмм. Почти пуд денег. Будешь проверять?

- Конечно!

Я расстегнул сумку. Там ровными рядами были уложены пачки денег. Тут же вспомнился детский анекдот. Так вот ты какой, северный олень! Так вот ты какой, миллион долларов! Красив, нечего сказать! Из-за жары в вагоне от сумки сразу пошел запах новых денег. Самый приятный запах. Запах новых денег и новой машины. Так пахнет миллион. По сравнению с десятью-двадцатью тысячами долларов - так, пшик. А густой запах миллиона кружил голову. К нему не надо принюхиваться. Он сам шибал в нос, уносил далеко-далеко, за синие моря и все океаны. Поднимал над Землей, а я смотрел сверху вниз. И все снизу вверх на меня - и у них капала слюна от зависти! И плевать мне на весь мир с высоты в один миллион долларов.

Протяни руку - и весь мир у твоих ног. Это безбедная жизнь до конца жизни. Не надо думать о том, как прожить от получки до получки! Это миллион долларов, который, как известно, и в Африке является миллионом долларов. Я поглубже втянул ноздрями этот запах, и начал выкладывать деньги на стол. А голова-то кружится!

Сейчас самое время, как в дешевых боевиках, вломиться сотрудникам спецслужб и правоохранительных органов, заорать: "Всем стоять!" Автоматы, наручники, маски на лицах. Шум, гам, весь вагон на ушах, понятые, описание, фотографирование, видеосъемка.

От представленной картины ладони вспотели. А может они вспотели от того, что я вот так, спокойно выкладываю миллион долларов на стол купейного вагона Он, наверное, кроме водки, пива, жаренной курицы, голого женского зада - больше ничего не видел в своей жизни.

Выкладывал и считал. В каждой пачке было по десять тысяч долларов. Так: миллион, а это шесть нулей, делим на десять тысяч, а это четыре нуля. Получается сто пачек. Сначала считаем количество пачек. Сто.

Теперь беру две пачки, тру пальцами бумагу, там, где должны быть выпуклости, они присутствуют. Нюхаю пальцы. Пахнут деньгами. Пахнут властью, почетом, богатством, пахнут мечтой.

Сытой жизнью.

В обеих пачках, не разрывая их, считаю деньги. Американскую банковскую упаковку сдвигаю на один конец, пересчитываю. Сто купюр, во второй тоже. Вроде, все в порядке.

Все это время охрана с тревогой наблюдала за моими действиями.

- Расписку напиши, - выдавил из себя один из гоблинов.

- А может, тебе бабу сюда заказать? - съехидничал я.

- Тогда мы не отдадим тебе деньги! - они уже не говорили, а рычали.

В замкнутом пространстве шансов уцелеть у меня не было.

- Мы должны привезти расписку! - они надвигались на меня.

- Хорошо. - Я сел. - Сейчас мы возвращаемся назад, и я рассказываю, как все было, Когану, что все мероприятие было сорвано из-за двух тупорылых баранов - это его проблемы.

- Да я тебя... - они сделали еще четверть шага. Больше нельзя. А то упрутся в меня.

- Вам команда была брать с меня расписку?

- Вроде бы нет, - они почесали головы .

- Так вот - выполняйте ту работу, за которую вы отвечаете, и которую вам оплачивают. Инициатива наказуема, пора бы знать. Вы же не местные? последний вопрос я задал, не меняя интонации, позы, выражения лица.

- Да, - ответ последовал машинально. - То есть мы местные, но здесь, на Кавказе, не живем.

Поправка тоже выглядела смущенно. Поняли, что попались.

- Так ты хочешь сказать, что вот так, возьмешь миллион и просто уйдешь от нас? - ребята нормальные, любят деньги, как все смертные.

- Именно! - я также неспешно начал укладывать деньги назад в сумку.

- Э, ты хоть сумку-то оставь!

- Сейчас, разбежался! Коган вам компенсирует все потери. У вас на Родине этих сумок полно, а здесь нет, и она мне нравится. - Я застегнул сумку. - Привет семье! - взялся за ручку двери.

- Ну, ты это...

- Чего? - я повернулся.

- Удачи! И Андрею привет передавай.

- Спасибо, передам, - я улыбнулся.

Не такими уж они и сволочами оказались. Мелочь, но приятно.

В купе я переложил деньги в свою одежду-контейнер. Журналы "Новый мир перечитал за поездку, самые любимые места перечитал. Жаль, но придется их оставить в рундуке. После

моего ухода бригада экспертов осмотрит очень тщательно все купе, задокументирует. Журналы подвергнут всем мыслимым анализам, в том числе и на тайнопись, и не использовал ли я их для шифрования или дешифрования. И все это ляжет в толстое дело под условным наименованием. А также эксперты-психологи изучат те места, которые я особенно много читал, и сделают пару штрихов к моему психологическому портрету.

Покрутился перед зеркалом, помахал руками. Застегнулся, расстегнулся. Вроде обычная куртка. Немного толстовата для погоды. Но осень - даже на Северном Кавказе - осень. Сойдет. Снаружи и внутри обычная, как много тысяч, куртка. А между тканью слой из тонкой, прочной проволоки, из непромокаемого материала сшит жилет с большими карманами. Вот в них я и уложил весь этот миллион долларов. Пытался как-то отрешится и воспринимать эти деньги просто как неодушевленный предмет, ну, например, как кирпичи или журналы, которые только что выложил. Кстати, в банках пачки долларов по десять тысяч так и называют "кирпич".

Не получается. Этот проклятый миллион завораживал, притягивал, оттягивал плечи. Надо привыкать ходить по улицам с миллионом. Все нормальные люди носят в карманах и кошельках ровно столько чтобы купить продуктов на сутки-двое, а я вот - целый миллион. Ну, не доверяю я банкам, не доверяю.

Показался город. Я посмотрелся в зеркало. Ну что, миллионер Салтымаков, пошли. Твой выход. Начали работать! Работаем. Работаем. Пот по спине. Руки вытираю об одеяло. Напоследок.

Все эмоции - по боку. Я снова на войне. В груди как бы повернулся выключатель. Душа умерла, уснула. Я сжался как пружина. Клич "Работаем" мы кричали, когда шли в бой, на спецоперацию.

Ничего личного, только работа. Работаем! Работаем! Поезд остановился. Пестрая толпа встречающих бежит вдоль вагонов, машет руками. Меня тоже встречают мужики из "наружки". Будут фиксировать каждый мой шаг, отслеживать все мои контакты, проверять их. Значит, побольше контактов. Прямых и косвенных, подозрительных и не очень. Пусть побегают, попотеют.

Я вышел из вагона. Вперед, вперед, работаем, Алексей Михайлович, работаем! Вперед! Фас! Ату!

Вот и небольшой город Моздок. Во время первой войны этот город стал опорной базой для Ставки группировки. Здесь же располагалась крупная авиабаза.

Раньше, в годы "холодной войны", здесь базировались стратегические бомбардировщики. Сейчас они могли бы нанести

удар по любой точке, расположенной в южной части Земного шара.

Милиция здесь выдрессирована на запах оружия, боеприпасов, денег. Поэтому я должен быть обычным гражданином. Приезжий корреспондент. Такого добра здесь всегда было много. Сейчас чуть поменьше, но тоже болтаются без дела, выспрашивая о делах минувших.

Здесь же отирается масса криминального люда. Мошенники, бандиты. Все тут. Здесь можно купить и продать все что угодно. Начиная от ведра патронов, и заканчивая танком, рабом, рабыней.

Не исключено, что этот преступный телеграф уже донес, что в город прибывает гонец с миллионом долларов. Уж им-то точно плевать на эмоции. Сумма как меня завораживала, а этих маргиналов и подавно. Новый фактор, который я раньше не брал в расчет. Внимание и еще раз внимание. Ушки на макушке!

Новая одежда, отягощенная грузом денег, мешала спокойному и свободному перемещению. Походка изменилась. Это плохо. Надо попривыкнуть. К журналам привык, надо побыстрее и к деньгам адаптироваться.

Первым делом пошел в привокзальное кафе, пообедал. Сел у окна. Привокзальная площадь. Много народа. Кто-то ждал поезд, кто-то таксовал, много народу, много. Это хорошо. Столбы обклеены объявлениями. А там написано, что сдается комната, дом, в гостиницу нельзя.

Я вышел. Сытой, размеренной походкой, сигарета в зубах. Солнышко в лицо - очки на глаза. Заодно и не очень видно, куда я смотрю. Спина расслаблена. Так, турист, знакомится с местным бытом. Сумка болтается за спиной. Фраерок, пижон, лох.

Подхожу к столбу, читаю внимательно. Зная повадки бывшей конторы, можно рассчитывать, что за ночь они могли обклеить все эти столбы своими объявлениями. Чтобы, куда я не пошел, а все равно пришел к ним. Все возможно. Но надо рисковать.

Демонстративно срываю несколько отрывных листочков. Там указаны телефоны. Несколько телефонов запоминаю. Повторяю про себя. И только когда убеждаюсь, что запомнил, перехожу к другому столбу, там ситуация повторяется.

Здесь же на площади несколько таксофонов, покупаю жетоны и звоню. Смотрю в оторванные бумажки и звоню по объявлениям. Подробненько выспрашиваю про удобства, здесь большой процент частного сектора, какой этаж, стоимость и прочее. Некоторые бумажки рву и нагло мусорю, некоторые демонстративно складываю в карман. Один адрес находится недалеко от вокзала. С него и начнем.

Пятиэтажка - "хрущевка". Третий этаж. Трехкомнатная квартира. Готовы сдать всю. Беру. Годится.

Ванная, горячая вода, чай, телевизор. Что там нового в мире? Не началась новая война в Чечне? Телефон стоит в квартире, но звонить отсюда по поводу обмена бессмысленно и крайне неразумно. Думаю, что через час "участковый" опросил владельцев квартиры, и телефон уже поставлен на контроль.

Засыпаю, мне ночью предстоит еще работа. Жетонов для таксофона я набрал достаточно. В зале оставляю работающий телевизор. Входная дверь открывается внутрь, подпираю ее табуретом. От штурмующего спецназа не спасет, но зато загремит и будет помехой при проникновении. Куртка с деньгами лежит рядом, нож-тесак с хозяйской кухни тоже рядышком.

Проснулся уже часов в семь вечера. Поужинал, поотжимался, взбодрился, душ, сигарета. Кофе, еще кофе. Очень хочется коньячку рюмашку, но пока воздержимся. Главное - дело. Работаем, Леха, работаем. Вперед.

Вытягиваю руки, кисти предательски дрожат, нервы ни к черту. А ведь еще ничего не началось. Это только так, прелюдия. Пролог!

Включаю сканер, прохожу всю квартиру, включая и туалет с ванной. Вроде чисто, но успокаиваться рано.

В двадцать три ноль-ноль выключаю свет во всей квартире, выключаю телевизор, сижу в кресле и курю. Напротив нет домов, поэтому следить в окно не будут. Думаю. Нет информации, нет выводов, так - одни предположения. Этого мало.

В час тридцать осторожно смотрю в щель между шторами. Война приучила народ не блудить по ночным улицам. Риск есть, но делать нечего. С миллионом не пойдешь гулять по ночному городу. Скручиваю куртку с деньгами, в пакет ее - и под ванну. Спереди старые банки с краской. Оставляю каплю краски на полу в ванной, она маленькая, вот только форму я ей придал экзотическую.

Аккуратно выхожу из подъезда. Тихо. Наружка, по своему опыту знаю, сидит и сторожит часов до двенадцати ночи, потом по домам или по знакомым женщинам. Часов с полседьмого - на боевом посту. Но бывали и твердолобые, особенно среди новичков, те сидели сутками. Со мной работали или очень опытные профессионалы, либо просто уже уехали. Никого я не увидел ни возле подъезда, ни на улице. Стоят машины, но без людей. Не заглядывать же в темные окна машин!

Когда шел сюда, приметил на соседней улице пару таксофонов. Так и тянуло меня к ним. Нет, прогуляемся пару кварталов. Заслышав шум подъезжающего автомобиля, я

становился в тень деревьев. Реклама и встречи мне ни к чему. Сегодня и последующие дни я работаю соло и только соло. Работаем, работаем.

Через два квартала натыкаюсь на телефонную будку.

В память врезался телефон, который мне показал Коган. Набираю номер. Фраза, конечно, дурацкая (видимо, кто-то из боевиков ее придумал), но была не лишена чувства юмора.

Гудок, один, второй, третий, четвертый, понятно, люди спят, но в ожидании миллиона долларов могли бы и бессонницей помаяться. Взяли трубку. Сонный мужской голос с сильным акцентом:

- Алло!

- Это посольства Израиля? - идиотская условная фраза-пароль.

- Нэт! Это консульство Кытая.

Обмен паролями состоялся.

- Вы привезли?

- Привез. У вас товар, у нас купец.

- Оставите дэнги... - начал он.

- Э, нет, любезный! Сначала я должен убедиться, что клиент живой и в порядке, а то боюсь, что вы мне подсунете уши дохлого осла, - я перебил его на полуслове.

- Мнэ нужно посовещаться, - голос был недоволен. - Позвоны завтра, но пораньше.

- Спокойно ночи, - я был сама любезность.

Точно так же, со всеми предосторожностями я пробирался в свою квартиру. Меня бил озноб, зубы лязгали. Спина мокрая, по животу пот струился, стекая в трусы.

Капля краски на месте. Включаю сканер. Вроде ничего. Спать. Работы завтра много. Проспали меня, или работали асы? Все возможно, все возможно.

А теперь спать, спать. Не могу уснуть, нервы расшалились, но надо спать! Надо спать! Спать, ЛJха, сокровища в размере одного миллиона долларов. Сокровища республики спать!

Наутро я пошел знакомиться с городом. В руках сумка, в которой в поезде были деньги. Там же фотоаппарат. Пусть все видят сумку, с которой спортсмены сели в поезд, потом вышли без нее, и вот теперь она оказалась у меня. Путем несложных умозаключений можно предположить, что там и спрятаны израильские деньги.

Мне необходимо подальше держаться от военных и милиции. А также посмотрим, как местные комитетчики работают. Хоть и знаю я местных особистов.

Взять хотя бы Виктора - старшего опера на этой базе ВВС,

знаю, что может помочь, мужик отчаянный, вопреки всем существующим инструкциям и приказам, но зачем его подставлять?

Недалеко от подъезда стояла машина "Жигули" шестой модели. Там сидело трое. Двое мужчин и одна женщина. Обычное дело. Машина забрызгана грязью, все-таки осень, а вот номер сияет первозданной чистотой. Может быть, хозяин законопослушный гражданин и следит за чистотой государственного номера. Кто знает. Кто знает. Смотрим дальше.

Город небольшой, большую часть пути будем гулять пешком, заодно и посмотрим на здоровье и физическую подготовку местных "топтунов". Работаем, работаем, Алексей! Вперед!

Первый визит на рынок. Тут нужно прикупить чего-нибудь покушать и кое-что из хозяйственных мелочей.

План уже начал сформироваться в голове. Есть общие перспективы и много неясностей. Импровизируем. Импровизируем. Думаем, модулируем.

Ходим спокойно, приценяемся, пробуем на вкус. А также смотрим на лица, вернее, на глаза. Одежду, головные уборы можно изменить, а вот глаза, как бы тебя не учили, не изменишь, очки тоже лишь искажают глаза, но не могут их полностью заменить.

С годами у опера взгляд становится как бы осязаемым, его называют "липким". С этим ничего поделать нельзя, недостатки профессии.

Наблюдателей должно быть минимум трое, и снаружи трое-четверо. Это по минимуму. Ничего страшного, ты знал, Алексей, что все именно так и будет. Работаем, работаем. Работаем. Спина предательски потеет. Нельзя горбиться. Ведь ты же турист, корреспондент без совести, тебя интересует лишь материал и гонорар за него. И все. Ничего личного, лишь работа. И эти аборигены для меня лишь средство для заработка.

Взял немного фруктов, колбасы, вяленого мяса, зелени, литровую бутылку домашнего подсолнечного масла, хлеба домашнего, соуса. Масло мне надо было для освобождения Рабиновича. Все покупки двойного назначения нельзя делать сразу и в одном месте. Составил список и держу его в голове. Только в голове. Работаем.

С той же целью купил два метра медного провода, две пачки сухой краски "серебрянки". Можно было бы здесь же на базаре купить пару гранат, но нельзя рисковать, нельзя. Местные комитетчики только и ждут, чтобы я совершил ошибку. Только предметы двойного назначения.

А вот теперь надо рисковать, - купил пакет натриевой

селитры. Для освобождения Рабиновича почти все готово, надо лишь поговорить с ним самим. Может, это удастся сегодня ночью, а может и нет. Все зыбко и призрачно в этом мире спецслужб и больших денег. Рахат-лукум с порцией цианида.

Даже если какой-нибудь болван и остановит меня для досмотра, то найдет лишь продукты, селитру, - скажу, что это для проявки пленки, придает особый оттенок фотографиям. Краска "серебрянка" тоже для этих же целей. Чушь, конечно, но попробуй докажи обратное.

А теперь пообедаем дома. Все на скорую руку, для холостяка не привыкать.

5.

Сигарету в зубы. Часы показывают начало третьего. У дяди было достаточно времени, чтобы связаться со своими. Пока гулял по городу, план сформировался, правда, в нем было многое пробелов и изъянов, многое, очень многое зависело от слова "если". Если произойдет это, то будет так. Мне необходимо наступление причинно-следственной связи. И самое забавное, что для этого мне нужно, чтобы в этом принимали участие мои бывшие коллеги. Самое непосредственное участие. А поэтому, коль телефон на контроле, приглашаем к беседе и "слухачей". Я решил разговаривать стоя. Выпил воды, прокашлялся. Пару раз рявкнул в пустоту "Р-а-а-вняйсь! Смир-р-р-но! Равнение на середину!" Пусть кто слушает, оглохнет, а психологи подумают, что я спятил. Еще раз прокашлялся. Командирский голос в норме. Говорить буду стоя. Тембр голоса другой. И легче управлять интонациями.

- Алло, это посольство Израиля? - голос звенит как натянутая струна.

Тон не терпит возражений. Если я звоню в посольство Израиля, значит, так оно и должно быть, и никак иначе.

- А, это ты. - Даже не удосужился назвать отзыв. Дилетанты. - Твоего друга - еврея Рабиновича здесь нет, но ты отдашь деньги и мы привезем его тебе.

- Нет, - голос я сделал как можно тверже.

- Мы пришлем тебе его пальчик, и ты поймешь, что он у нас.

- А теперь послушай меня, дядя, - я начинал злиться, поэтому в голосе у меня начали звучать металлические командирские нотки, раньше мне это мешало, а сейчас пригодится. - Если ты выкинешь что-нибудь подобное, то каждый палец заложника или его другое повреждение оценивается в сто тысяч. Ты, понял, дядя?

- Ты будешь мне говорить, что делать? - собеседник тоже кипел от злости.

- Я покупаю товар, и если он будет подпорчен, цена

уменьшается. Так где мой Рабинович?

На той стороне было слышно лишь сопение. Потом говоривший закрыл трубку рукой и что-то сказал товарищу. Пауза явно затягивалась.

Потом он сказал:

- Поедешь в Ставропольский край. На границе с Чечней стоит деревня Красново (название изменено. Прим. автора), там позвонишь по телефону...

Я записал.

- Какой район то? Деревень таких много.

Снова затыкает трубку рукой. Совещается.

- Она там одна. Из Ставрополя ходят автобусы. Это конечная остановка. Быть там через пять дней. Все остальное скажут на месте. И чтобы был один.

- Буду. И сами чтобы без фокусов. А то останетесь без своей доли.

Потом начались угрозы в мой адрес и в адрес Рабиновича. Пой, ласточка, пой, весь наш разговор пишется. Тебя возьмут на заметку, и кто знает, может через три-четыре месяца быстро открутят голову. Пой, ласточка, пой. Я затушил сигарету, прикурил другую. Того времени, пока он говорил, хватит, чтобы засечь, откуда ведется разговор, установить владельца квартирного телефона, и еще много чего.

Этот говорун, полагающий, что нагнал на меня жути своими угрозами, лишь мелкая сошка, а вот с кем он советовался - более солидная фигура.

Делать мне здесь больше нечего. Я позвонил в справочное бюро железнодорожного вокзала, узнал, как можно добраться до Ставрополя. Достал сканер, начал обследовать квартиру. Через час нашел первую радиозакладку, она была спрятана в розетке, вторую обнаружил на кухне, и еще одну - в ванной комнате. Все снял и добросовестно спустил в унитаз. Эта игра с "жуками" меня начинала забавлять.

Звонок владельцам квартиры. Сообщаю, что завтра выезжаю после обеда, оплатил гостиницу я за неделю вперед, деньги назад не требую. У людей праздник. Я богатый человек, могу позволить себе такие щедрые жесты.

Для окончания задуманного абсурдного плана мне не хватало еще нескольких мелочей. После очередной вылазки в город я приобрел маленький детский брелочек с десятью кнопочками различных цветов. При нажатии кнопочки раздавалась мелодия. Каждой кнопке соответствовала своя мелодия. Маленькая лазерная указка тоже пригодится.

На следующий день я погрузился в плацкартный вагон, -

купейных не было, и отправился я в Ставрополь.

Сумку держал на виду, я же должен был показать, что она мне ценна. Куртку снял и положил в металлический рундук.

В вагоне было много казаков. Раньше я относился скептически к этим ребятам, носившим форму образца прошлого века. Порой даже посмеивался, не понимал их. Это было до тех пор, пока не увидел, как эти мужики дерутся в Приднестровье и Чечне.

Оставили свои дома, семьи, работу и поехали на войну. Совершенно добровольно. Им никто за это не платил ни копейки, и военные использовали их на всю катушку.

Кидали их на самые тяжелые участки. Многие гибли. Потери казачьи не входили в официальные отчеты. Но они спасали солдатские жизни. Так было и в Приднестровье, и в Чечне. Им не надо было объяснять, зачем они воюют. Они не скулили, не жаловались на жизнь. Они просто воевали за Россию, за Родину.

А если гибли, то не входили в официальную статистику. Они гибли за солдат.

Вот и сейчас из их разговоров я понял, что они ехали на помощь своим собратьям - казакам в Ставропольский край, обустраивать границы с Чечней. И разговор шел о том, что надо отрывать рвы, возводить большие земляные насыпи. И что надо вооружаться.

Здесь же ехали ходоки из Ставрополья. Они рассказывали, что как только в августе подписали мир-капитуляцию, так тут же начался угон скота, воровство.

Воровали все. И технику и детей и мужиков и женщин. Очень много женщин было изнасиловано, а затем убито.

Часто требовали выкуп за похищенных. Скидывались всем миром, чтобы выкупить земляка. Но было и так, что деньги забирали, а пленного не возвращали, или сообщали, где труп, или возвращали инвалида.

Много народу за два месяца сгинуло в тех краях. Милиция ничего поделать не могла. Как только бандиты скрывались на чеченской территории, так погоня тут же прекращалась.

Были и стихийные митинги, казаки требовали оружия, писали письма Президенту. Приезжали краевые власти, качали головой, обещали помочь, но все оставалось по-прежнему. Когда же казаки пытались самостоятельно вооружится, кто чем мог, милиция отбирала оружие, но никого, слава богу, в тюрьму не сажала.

Кто возвращался из плена, рассказывал, что много там наших сидит. И гражданских и военных.

Со всеми бандиты обращались как с животными. Работали

пленные по четырнадцать-шестнадцать часов в день. Кормили горячей водой с хлебом. Тех, кто слабел, и за кого не приносили выкуп - убивали. Трупы часто просто выбрасывали в реку или в лес. Их клевали птицы, терзали бродячие собаки, они разлагались неделями. Пленным не позволяли хоронить своих товарищей. Власти безмолвствовали, правозащитники хлопали в ладоши. Империя была побеждена. Плевать на ее граждан. Главное - Идея, на остальное - плевать. Совсем как коммунисты после революции. Главное - пожар Всемирной революции. А люди дрова для нее. То же самое и здесь. Безумство приобретает новые формы.

Вот и ехали на помощь к своим братьям казаки. Под перестук колес шел неспешный разговор, чувствовалось, что все это обсуждалось не раз, не было особых эмоций, все уже было выплеснуто.

Натруженные руки, с мозолями больше, чем у меня на пятках, пытались рисовать предполагаемые фортификационные сооружения для отпора чеченским бандитам.

И мне хотелось с ними поговорить, сказать, что я свой, что я тоже воевал в Чечне, что знаю, какие среди чеченских бандитов законченные гады. Выпить с ними стопку водку, плюнуть на все эти игры в шпионов и поехать с ними. Все понятно. Вот ров, по ту сторону - враг, по эту - свои братья. Хоть и не занимался я крестьянским трудом, но может, сгожусь на что-нибудь. Там все понятно, все как на войне. Есть свои и чужие и нет серых теней, которые следят за каждым твоим шагом, чтобы воткнуть тебе нож в спину.

А может рискнуть, и поговорить с мужиками. Они тоже могут пригодиться? Опасно.

Во-первых, я могу их "засветить" - будут их потом таскать на беседы в местное Управление ФСБ.

Во-вторых, и это тоже нельзя скидывать со счетов, что среди них есть агент или сотрудник спецслужбы. Тогда я сам положу голову в пасть льву.

Когда ходил курить в тамбур, познакомился со старшим среди казаков. Ездил он по Северному Кавказу, звал на помощь казакам. Черепанов Виталий Витальевич.

Матерый мужичина. С него только портреты казаков да богатырей былинных писать. Рост под метр девяносто, широк в плечах, огромные ручища, перевитые венами, а пальцы, казалось, способны были разогнуть подкову.

Иссине-голубые глаза, шапка рано поседевших кучерявых волос, борода и усы с проседью, широкие крепкие зубы. Красавец. Оказалось, что в прошлом был он был заместителем командира полка. Проходил службу в Германии. Вывели в Союз. Попал под

сокращение, хоть пенсия была.

Жена умерла, дочери вышли замуж. Оставил им квартиру в Туле, а сам поехал к матери в Ставропольский край.

Тут и начал он хозяйствовать. Живет с русской женщиной - беженкой из Чечни. Ее сын живет в этой же станице. Виталий вступил в казачье войско. Когда началась чеченская компания, пришел в военкомат, попросился на службу. Не взяли, сказали, что стар уже. А ему было на ту пору всего-то сорок четыре года. Вот и пошел подполковник Черепанов добровольцем с казаками в Чечню.

Воевали, по его словам, в Грозном, в Аргуне, в Веденском районе. Потом пришлось срочно эвакуироваться из Чечни. Очень он сокрушался по поводу подписанного мира-капитуляции.

Я обратил внимание, что у него на плечах погоны были не обычного общевойскового образца, а с голубыми просветами. Звание - подполковник, на груди - орденские планки: "Орден Красной Звезды", медали "За Отвагу", "За Боевые Заслуги", "За безупречную службу" всех трех степеней, "От благодарного афганского народа", слева - знак "Воина-Интернационалиста", значок парашютиста. Значок старого образца, эмаль на значке потерлась, местами потрескалась. Оказалось, что Черепанов служил в ВДВ, окончил Рязанское училище ВДВ, до этого прошел Афганистан.

Вроде - свой.

Не выдержал я, и рассказал, что тоже воевал. Пара-тройка контрольных вопросов с его стороны. Проверка. Выдержал, все правильно ответил. Только скромно я умолчал о том, чем занимался. Подробности ни к чему.

Попросил его не упоминать при остальных обо мне. Попутно выяснил, что живет он в пяти километрах от чудного местечка под названием "деревня Красново". Со слов Черепанова оказалось, что это вовсе не деревня, а тоже станица.

Стоит на самой границе с Чечней. Немало местный народ хлебнул там лиха от чеченских бандитов. Набеги совершались регулярно. В том числе были и убийства тех хозяев, кто вставал на защиту своего добра. И в плен уводили, и просто народ пропадал.

Подполковник ВДВ запаса отчаянно курил, сплевывал в на пол тамбура, лицо покрылось красными пятнами.

Я внимательно смотрел за выражением его глаз, мимикой, жестикуляцией, дыханием. Пока все выглядело очень убедительно. Или сама удача мне улыбалась или хорошо организованная провокация - спецоперация.

Бывшие коллеги могли при желании полвагона насадить

своих сотрудников и их родственников. И все, что я здесь слышал - спектакль, организованный лишь для одного зрителя.

Есть спектакль одного актера, а есть спектакль одного зрителя. И этот красавец-богатырь на самом деле заслуженный артист России, работает в Ставропольском театре юного зрителя, и играет он там двадцать лет одну роль - Ильи Муромца. Все может быть. А может это просто шизофрения, и я до конца уже никому не доверяю, и мне нужно не в Красново, а в краевой психоневрологический диспансер?

И пока я общался с красавцем-богатырем, его коллеги могли элементарно слямзить миллион долларов, подсунуть какую-нибудь гадость в виде пакетика с героином, гранаты или еще чего-нибудь. Сейчас заорут, что украли миллион долларов, начнется всеобщий шмон, и я буду передан в руки блюстителей порядка.

Когда мы вновь вернулись на свои места после выкуренных трех сигарет, я сел на место, потом нырнул в рундук, посмотрел: вроде бы куртку никто не трогал, хлебная крошка лежит на месте. Пощупал подклад, денежные "кирпичины" на месте, достал свою снедь и предложил всем угоститься.

Казаки тоже вновь достали, что бог послал, и непрекращающийся обед продолжился.

Вот только не ел я из предложенного, только свое. Боялся элементарного расстройства желудка и прочего. Могут подсыпать чего-нибудь. Но все было тихо. Поезд мчался вперед, бутылочка ходила по кругу, бурлили вагонные разговоры и никто не кричал "караул". И деньги мои лежали на своем месте. Только вот надо будет проверить на наличие радиозакладок свой багаж и одежду.

И сейчас мужики, что сидели вокруг меня, рассказывали друг другу истории из недавно закончившейся войны. Каждая из них была достойна постановки хорошего кинофильма и американские боевики не могли стоять рядом с ними.

Я заснул. Сквозь полудрему слышал как казаки разговаривали вполголоса, потом угомонились.

Наутро показался Ставрополь. Только встретил он нас нудным моросящим дождиком, да холодным ветром.

Хороший южный город, в таких хорошо жить на пенсии. Тихо, неспешно текла жизнь, что-то галдела вокзальная толпа. Говор у них был особенный. Твердые звуки были смягчены. Хороший город. Для меня слишком тихо, слишком спокойно. Хотя я прекрасно понимаю, что под всей этой видимой спокойствием кипела бурная жизнь.

Казаки выгрузились и пошли гурьбой в автобус, стоявший у вокзала. Старый потрепанный "ПАЗ" стоял с распахнутой дверью.

Черепанов командирским голосом поторапливал своих товарищей побыстрее грузиться.

Можно было и проехаться с ними, а там уже до Красново добраться, но зачем мужиков подставлять? Если только они настоящие, а не бутафорские, подставленные мне Конторой. Дай бог, чтобы настоящие, - я, Черепанов, имею на тебя далеко идущие планы. Дай бог!

Мое прибытие сопровождалось большим внимание. Не знаю, что рассказали из Моздока, но здесь, на вокзале, казалось, что дышали мне в затылок. Боялись потерять. Интересно, а опознавателей привезли? Может и Сергуня Толстых здесь рядом трется, тыча в мою сторону пальцем? Эх, Контора, Контора!

Видимо рассказали, что я ушел из-под их наблюдения и сделал неконтролируемый звонок. Наверное, рассказали, что я мастер перевоплощения и кудесник маскировки. Могу как Гудини растворяться в воздухе и проходить сквозь стены.

Поэтому и слышны были шаги сопровождающих, и буравящие спину взгляды грели спину. Эти ребята получили команду не отпускать меня дальше трех метров. И они ее должны были выполнять, если даже им придется приковать себя ко мне цепью.

Вот и автовокзал. Взял билет до станицы Красново. Времени до отправления было еще более трех часов. Я вышел покурить на улицу. Ветер с дождем не прекращался. Плотная ткань куртки не пропускала воду, а американские деньги грели тело. Оказывается, что деньги не только пахнут, но еще и тело греют.

Я стоял у ближайшего фонарного столба и по привычке, приобретенной в Моздоке, читал объявления. Везде то же самое. Сдам квартиру, куплю квартиру, сниму комнату, продам картошку, продам зерно, продам свинью.

Подошли два милиционера, козырнули, попросили показать документы.

Началось. Ну, блин, сейчас начнут досматривать. Спорить и доказывать, что они не имеют права - будет еще хуже. Достал паспорт. Показал билет.

Цель прибытия? Командировка. Не стали уточнять. Козырнули, развернулись ушли.

Когда милиционеры подходили, а подходили они именно ко мне, народу вокруг стояло прилично, но проверили лишь меня, проверили и ушли в здание автовокзала, что-то говоря по радиостанции, а трое молодых людей стали выдвигаться на исходные позиции.

Один вдруг под дождем пошел к фонарному столбу и начал с интересом рассматривать объявления, другой - задрав голову рассматривал что-то на фасаде здания, придерживая рукой кепку,

третий просто вышел на дорогу и курил. Этот на тот случай, если я вдруг по тупости рвану с места.

Ну, это уже или наглость или тупость, или решили ни в коем случае не выпускать меня из виду. Обычно "конторские" никогда так грубо не работали. Тут ясно только одно - Москва "накрутила" им хвосты, чтобы не вздумали оставить меня хоть на секунду без контроля. А коль операция московская, то и выполняют ее с завидным рвением. Времени на ее подготовку и проработку было мало, вот и действуют так топорно.

В киоске я набрал газет местного "разлива". Ехать несколько часов, ждать еще тоже немало.

Когда подошел автобус, я пытался угадать, кто из пассажиров приставлен приглядывать за мной. За автобусом как привязанная двигалась "Волга". Когда движение было оживленным, она приближалась и держалась на минимальном расстоянии, прикрываясь двумя-тремя машинами, когда дорога пустела, то следовала на расстоянии около километра.

На очередной остановке, я пошел быстрым шагом в туалет. За мной сразу устремилось трое "страждущих", до этого они усиленно разминали спины и потирали отсиженные места.

Ничего, ребята, я сейчас вам адреналинчику в кровь плесну. Еще в автобусе я запомнил телефон объявления этого района, там продавали дом.

Я с наглым видом подошел к телефону-автомату, тут же купил побольше жетонов и, прикрывая рукой диск, набрал номер. Прикрывая рукой губы, чтобы не читали по губам, вполголоса расспросил, что за дом, где находится и сколько хотят за него.

Двое пассажиров стояли со мной рядом. Казалось, что они готовы продать душу дьяволу, лишь бы узнать о чем я говорю. Еще один из "пассажиров" быстрым шагом пошел к служебному входу. Эх, ребята, мне всего-то надо было купить местных жетонов для телефона.

Теперь работы будет у вас на полдня. Сначала установить, кому я звонил, потом "пробить" по всем учетам хозяев, имеется ли на них компрометирующие материалы и так далее. Работы я всем задал одним пустяковым звонком, - тут же полетит шифровка в Москву, что "объект" звонил по такому-то телефону с соблюдением мер конспирации. Конечно, если попаду к вам в руки, вы мне припомните все, и этот звонок тоже. Но пока я банкую, пока "моя игра".

Станица Красново была конечным пунктом. До нее доехало всего пять человек. Я, трое "засвеченных пассажиров", да мужик лет пятидесяти пяти. В пределах прямой видимости маячила "Волга". До контрольного звонка оставалось менее суток. Надо

было остановится на постой. Гостиницы я сразу отмел. Не в моем положении пользоваться услугами официальных учреждений. Поэтому я обратился за помощью к этому пожилому мужику.

- Отец, не подскажешь где можно остановится на несколько дней?

- А, что в гостинице не хочешь? - мужик хитро поглядывал на меня.

- Не люблю я гостиницы. У меня приятель однажды переночевал в гостинице и триппер подхватил, - пояснил я.

- Так он с бабой, небось, шуры-муры крутил, - предположил дедок.

- Да нет, говорит, что просто так, в постели, видать плохо простирали, - врал я. - А потом и доказывай жене, что ты не верблюд.

- А платить будешь?

- Буду.

- Ну, коль будешь платить, то можно и у меня. Только не обессудь - в доме места мало, да и не знаю я тебя, а вот в баньке - постелю. На пару дней. А там посмотрим. Пойдет?

- Пойдет.

- За столование будешь платить по отдельному счету, - предупредил дед.

- Ух и жадный ты, дед! - не выдержал я.

- А что делать-то. Заработка нет, жить как-то надо. Вот к старшему сыну в город ездил, продуктов им отвез пожрать, так и самому надо на что-то с младшим сыном жить.

- Понятно, дед, понятно.

- Ну, пошли что ли?

- Пошли.

6.

Мои сопровождающие "пассажиры" со скучающим видом прохаживались рядом с нами, "мазали" взглядами.

Когда пошли по улице, дед приветствовал всех встречных, заодно выпытывал меня:

- А зачем приехал к нам-то?

- Журналист я, дед, журналист.

- Да ну? - дед посмотрел на меня прищуренным взглядом.

- А что, непохож?

- Непохож. Тут много журналистов побывало. И столичных и заграничных. Только заграничные больше не ездят к нам.

- А что такое?

- Да уворовали тут двоих, прямо днем из гостиницы уворовали. Приехали на трех "Нивах", засунули и увезли в Чечню. Говорят, что много денег за них заплатили, чтобы вызволить из

плена горемык. Вот с тех пор и не ездят больше они к нам. А ты, значит "стингером" будешь?

- Стрингером, дед, стри-н-гером. - по слогам я произнес иностранное слово.

- А мне без разницы, лишь бы человек хороший был. А интервью будешь брать-то? - продолжал расспрашивать меня дед.

- Буду.

- А деньги будешь платить-то?

- Буду.

- Ну, тогда ты меня расспроси, я тебе все что хочешь расскажу. А мало еще людей приведу, только ты мне за знакомство с ними тоже заплати. Хорошо?

- Хорошо, хорошо, - я рассмеялся. Дедовская немудреная жадность меня от души забавляла.

- Сумки у тебя вон какие тяжелые - давай понесу.

- На, - я отдал сумку с одеждой и аппаратурой, а "вагонную" нес сам. Только осторожнее. Там фотоаппаратура.

- Больших денег, небось, стоит? - дед с уважением посмотрел на сумку.

- Больших, дед, больших.

Я по старой привычке изучал внешность деда, стараясь по внешним признакам побольше разузнать, понять человека. То, что жизнь человека прошла в трудовых буднях, в работе на земле, это было понятно. Не надо иметь семи пядей во лбу.

Руки были темно-коричневого цвета, узловатые, шишковатые мозолистые пальцы и ладони. Лицо было тоже коричневого цвета, загар въелся в задубевшую кожу. Лицо было изборождено глубокими морщинами. Дед ходил мелкими шагами, семеня, мало размахивал руками. В основном смотрел под ноги, только иногда быстро, почти мгновенно смотрел снизу вверх на меня, склоняя голову набок.

Дед был выбрит хорошо, надушен "Тройным" одеколоном. Давно я такого не нюхал.

Одет был в старый пиджак, который уже потерял форму, с обвисшими карманами. Стоптанные, но начищенные солдатские ботинки. На голове белая сетчатая шляпа.

Хорошее впечатление на меня произвел этот дед. Только вот его неуемная жадность, которая сквозила в каждом жесте, взгляде, эти быстрые, кинжальные, и в то же время до боли знакомые "мазучие" взгляды настораживали, очень настораживали.

Конечно, я видел в каждом встречном противника, и могли мне натурально подсунуть этого дедка. Особенно тревожили его взгляды. Они не давали мне покоя. Такие глаза я видел у многих

агентов, которые уже несколько десятков лет работали на органы безопасности. Как правило, их вербовали еще в лагерях, и они с энтузиазмом и ради собственного выживания раскалывали своих сокамерников и сообщали обо всем курирующему оперу. Жизнь их научила многому, в том числе, что надо выполнять все задания точно и в срок.

Помню, когда только пришел молодым опером, меня взяли на контрольную встречу со старым источником, немцем по национальности. Он был завербован еще в лагере, когда там сидел как военнопленный. Потом отпустили на свободу, никуда не поехал, женился, обрусел.

И вот заходит этот старый, древний агент, мы все ему во внуки годимся. Встали, поздоровались, мы сели. Агент стоит и сообщает о выполненном задании. Вернее, даже не сообщает, а докладывает. Четко, понятно, по пунктам. Все как в учебнике.

И при этом стоит. Ему предлагают присесть, он отказывается и продолжает дальше чеканить. Потом написал все, что сообщил. И все стоя. Потом рассказали, что он в лагере присел на стул без разрешения опера. Опер выбил ему зуб. С тех пор агент исправно сотрудничал с органами безопасности, но на стул в присутствии начальства больше никогда не садился.

Так вот этот дед бросал точно такие же взгляды на меня, как тот агент. У того тоже была простецкая, добродушная рожа, все хи-хи, да ха-ха. Прибауточки, шуточки. А внутри, может, - волчара с огромными зубами. Мягко стелет, да жестко спать. Немало он пользы органам безопасности принес. И никто его не расколол. Класс. Такую агентуру берегут, поощряют, оберегают, пылинки с него сдувают.

Пока шли, я дорогой отслеживал, что двое "пассажиров" держатся за нами на прямой видимости.

Может и мой словоохотливый попутчик тоже из этой породы. Кто знает, кто знает. Я сейчас "в загоне", поэтому надо остерегаться всего и вся. Всех!

Так, разговаривая, мы дошли до дедовского дома. Я, честно, говоря, ожидал увидеть покосившуюся хибару, вросшую по самые окна в землю. Оказался огромный двухэтажный домина, с огромным двором. Здесь же был большой каменный сарай с живностью.

В Сибири это небольшие сарайчики, их называют "стайка". А тут было три коровы, штук семь свиней, птицы - без счета. Огромный огород и сад. Если здесь так живут нищие, то что говорить про наших сибиряков. Хотя я заметил, что не все так жили. Дома по соседству с дедом были куда плоше и беднее.

Значит, работает старик. Молодец. Сын его оказался очень

похожим на отца. На вид лет двадцать пяти, повыше будет, чем отец. Но тот же взгляд, слегка наклонив голову, из-под бровей. Из-под низа, мазуче по лицу. Глазам собеседника. Мазнет и смотрит под ноги. Руки тоже все в мозолях трудовых. А вот волосы русые, длинные, нечесаные. И пахло от сына гораздо чем от отца. Зубы гнилые - одни пеньки. Сынок постоянно кривил губы в усмешке, демонстрируя зубы. Взгляд, кривая усмешка, тлетворное дыхание.

Деда звали Константином Сергеевичем, а сына - Иваном. Договорились о цене. За два дня они просили сначала десять долларов, но сошлись на двух. За питание еще два доллара в сутки. Быстро дед соображает, что если стрингер, то есть валюта.

Оказывается, у деда был дома телефон. Почти во всех домах были телефоны. Раньше это был колхоз-миллионер, да и сейчас люди жили неплохо. В станице был большой Дом культуры, своя больница, свой стационар, детский сад, средняя школа, свой универмаг, много магазинчиков, отдельно стояла библиотека, гостиница, дороги были асфальтированные. Цивилизация. Нам, в Сибири, далеко еще до этого.

Поужинали плотно и рано. Дед вытащил бутыль домашнего вина, я вежливо отказался, сослался на внутреннее заболевание. Отец с сыном употребили по стакану и спрятали вино в подполье.

Банька тоже оказалось такой, что отличается от тех, к которым я привык в Сибири. Огромный, метров десять предбанник. Он же и комната для чаепития. Сама парилка была побольше тех, к которым я привык, дрова в печь закладывались из специального помещения, обитого жестью. Грамотно, ничего не скажешь.

Составили две широкие лавки, что стояли в комнате для чаепития и постелили матрас. Хорошая постель.

Легли рано. Не сомневаюсь, что "пассажиры" тоже устраивались на ночлег рядом, попутно изучая подступы к дому. Завтра или сегодня ночью прибудет подкрепление. Спать, завтра будет много работы. Но только последние дни лишили они меня сна. Так, короткое забытье, потом переворачиваюсь на другой бок, комкаю простыни, мну подушку. Сна-забвенья нет. На войне и то спал лучше. Обстрелы вражеских позиций укрепляют сон лучше снотворного и водки.

Только солнце появилось над горизонтом, я уже был на ногах. Отец с сыном вовсю трудились на своем огромном хозяйстве. Оба доили коров, выгоняли их в общее стадо, чистили загон, кормили свиней и многочисленную стаю пернатых.

Где-то через час сели завтракать. Предложили парного молока. Я отказался. Слишком все это жирное, а мне

расстройства желудка не надо, мне работать надо.

Потом дед принялся меня пытать насчет интервью. Начали со ста баксов, сошлись на десяти. И по доллару за каждого, кто мне согласится дать интервью из соседей.

Константин Сергеевич рассказывал довольно интересные вещи. Как воровали людей среди белого дня. Как угнали часть общественного стада, у него самого угнали с этим стадом корову.

Граница с мятежной Чечней начиналась сразу за Сухой балкой. Это большой овраг, который начинался Чеченской земле и приходил в Ставрополье. Перед ним было большое колхозное поле. Около трех километров, там сеяли пшеницу. Этой осенью украли комбайнера и водителя грузовика с зерном. Пропали люди и ни слуху ни духу.

Мужики было подрядились сами охранять поле во время работы, от милиции все равно никакого толка. Но приехали из района. Отобрали у мужиков оружие, а сами постояли на поле один день и уехали.

Я все это записывал на диктофон. Потом, может, действительно. напишу статью, да и надо же мне было оправдывать свое прикрытие. Потом дед привел еще пять человек.

Их судьбы были трагичны и ужасны. Один из пришедших полгода был в плену. Его держали на положении раба, он строил дома для чеченцев. Все чеченские дома, в которых ему приходилось бывать, были оборудованы камерами для новых рабов.

Издевались чеченские бандиты просто так, потому что русский. Могли по своей прихоти убить. За малейшую провинность секли плетьми, постоянно орали, что русские - свиньи.

Еще у чеченских бандитов появилась мода травить людей огромными кавказскими овчарками. До смерти травить. Особенно больных или обессилевших. Очень наглядно и доходчиво для остальных бедолаг. И часто до смерти. Опять же - развлекуха-веселуха. Они же тоже люди, им нужны развлечения.

Мужику удалось бежать. Выбирался около месяца. Потом здесь его долго допрашивали, сначала в ФСБ, затем в милиции, а не участвовал ли он в банде. И все, кто приходил и рассказывал свою незатейливую, но страшную историю, были уверены в одном, что в станице живет кто-то, кто наводит бандитов.

А также все, с кем мы беседовали, были уверены, что я своей статьей помогу их горю. Что власти прочитают эту статью, и тут же исправят положение. Поставят забор на границе с Чечней. Вызволят из плена их родственников. Помогут отыскать тела погибших, замученных. Привезут их на родную землю. Чтобы

похоронить достойно, чтобы можно было приходить на могилу близкого человека.

Мне было стыдно, что я обманываю их. Никакой я не корреспондент, просто очередной шакал, который использует их в своих интересах. И никто никогда не опубликует мое интервью с ними. Никому это не интересно. Вот если бы они рассказывали сказки про войска... Но люди почему-то говорили лишь про чеченских бандитов. И все хотели и желали смерти бандитам, и призывали все мыслимые проклятья на головы людей, находившихся в всего-то в пяти километрах от них.

Была женщина, рассказавшая, что ее сына попытались также захватить, когда он пас общественное стадо, тот попытался отбиться бичом, за что его просто пристрелили, а коня угнали. И вот теперь она живет одна.

Каждый короткий рассказ был достоин отдельной книги, сердце разрывалось от боли и сострадания к этим людям, потерявшим своих близких.

Еще у одной женщины сын был в казаках и воевал в Чечне. После подписания "мира" он вернулся домой. Но пришли ночью бандиты и вырезали всю его семью, не пощадили даже трехлетнею внучку. А на стене написали кровью убитых: "Собаке собачья смерть!" и "Аллах акбар!"

И очень обижало всех этих людей, что по телевизору после Хасавьюрта только и говорили, о том какие хорошие чечены, и что надо с ними жить в мире. И что все приезжие журналисты искали положительные стороны лишь в чеченской стороне.

Как и обещал, я расплатился с каждым. С дедом тоже. Потом пошел позвонить с дедовского телефона.

Достал бумажку с номером - он был местный, этого района.

- Алло, это посольство Израиля?
- Нет, это консульство Китая.
- Ну, и что? Где пленник?
- Здесь.
- Так дай поговорить.
- Сейчас, только быстро!
- Алло, Андрей, это ты?
- Я. Леха, ты?
- Я. Какая у тебя была кличка в Кишиневе?
- Рабиндранат Тагор. Тебя звали Салтым - по фамилии.
- А комбата как звали?
- Подполковник КлJнов.
- А прозвища какие были у него?
- Дед и дядя Толя.
- Андрей, а что ты делал в Приднестровье, когда начинался

обстрел?

- Падал и откатывался.

- Точно, метров на пятьсот на восток, - нашел в себе силы пошутить я. Как ты?

- Хреново, Леха, плохо мне, - по голосу было слышно, что Андрей на грани срыва.

- Все будет хорошо, я привез, что они хотели, если все пойдет как надо, то скоро ты будешь на свободе. Пальцы целы?

- Целы. Кости вроде тоже, но все остальное, Леха...

- Ну, все - убедился? - у Андрея вырвали трубку.

- Да. Порядок, где меняться будем?

- Завтра в полночь за Сухой балкой.

- А почему не сегодня?

- Я сказал завтра! Придешь туда один. Тебя встретят двое, отдашь им деньги...

- Нет, только в обмен на Андрея Ивановича, - я подчеркнуто уважительно назвал Андрея по отчеству, чтобы берегли его.

- Хорошо, получишь своего вонючего еврея, только один и без фокусов.

- И вы тоже без фокусов! Я буду должен убедится, что вы мне отдадите именно его. Понятно?

- А как ты убедишься?

- Пощупаю, посмотрю.

- А если не он будет? Что ты нам сделаешь? Деньги что ли не отдашь? голос в трубке звучал ехидно.

- Нет, просто взорву деньги. И каждый останется при своем интересе. Понял?

- Ты не шути так, - голос сразу стал серьезным. - Человек, способный уничтожить миллион долларов, внушал страх и уважение.

- Я не шучу, я просто предупредил вас.

- Ну, все, ждем завтра.

Значит, они находятся где-то неподалеку. Скорее всего стоит радиотелефонная вставка.

А то, что они осторожничают и не хотят проводить обмен сегодня, это мне даже очень на руку. В станице у них свой сто процентов свой человек (а может и не один), он будет снимать информацию: как я себя веду, а так же не прибывают ли в населенный пункт или его окрестности большие силы военных или правоохранительных органов.

Разговор зафиксирован спецслужбой, они тоже будут являться свидетелями большого шоу. Еще нужно ввести еще один элемент в подготавливаемый спектакль - и все готово. А потом уже как карты лягут. Или мы с Рабиновичем идем по самому

безвыигрышному варианту - попадаем на "конвейер" коллег и становимся заложниками большой политической игры, или срываем крупный банк, играя на "мизере", или чеченские духи развешивают наши кишки по ветвям деревьев. Медленно и аккуратно, и так чтобы это еще и видели. Они мастаки на такие вещи. Б-р-р-р! Меня передернуло от таких мыслей.

Остаток дня я провел, беседуя с дедом. Также попросил его провести меня к Сухой балке. Посмотрел на Чечню. Заодно наметил ориентиры, по которым можно выйти в темноте на место встречи. Тут и бинокль пригодился. Молодцы японцы. Сделал несколько снимков сопредельной территории. Земли Зла.

Грамотно придумано. По полю, по пахоте идти около трех километров. За это время можно определится, один я иду или нет. По краям поля редкий кустарник, там будет сидеть группа захвата из числа спецназа. Очень надеюсь, что несильно мне они бока намнут. А вот на территории соседней республики есть, где укрыться.

Ну, ладно, с Богом!

Ужин, потом пошел спать. Крутился, ворочался, сбивая постель в один большой комок. Потом будильник, стоявший на "вибраторе", затряс мне руку. Я посмотрел на часы. Все правильно - два часа ночи. Вперед. Работаем, Леха, работаем!

Меня не было около трех часов. Тихо, тайно, с соблюдением всех мыслимых и немыслимых мер конспирации, ходил к казаку Черепанову. К тому самому красавцу-богатырю, с кем познакомились в поезде. Был, конечно, великий риск, что это "подставной". "Контора" еще и не на такие "шалости" способна.

Эх, были времена!..

Теперь, вроде все готово, и лишь Бог или Судьба, или "Контора" могли нам помочь или помешать.

Встал поздно, около десяти часов, шел дождь. Остаток ночи я снова не спал, ворочался. Какой тут сон! Снова и снова я мысленно прогонял предстоящие события, рассматривал и менял мелочи. Но слишком много зависело от фактора случайности.

Некоторые пороки человека мне помогут, но некоторые могут и помешать. Дождь вносит свои коррективы. Чечены могут заметить присутствие спецназа ФСБ. Это плохо.

Надеюсь, что будет спецназ. У нас в Сибири его надо за две недели надо заказывать, - пришлют через месяц, пока все согласуют и подпишут... А тут, коль дело на контроле Москвы, да район в приграничной зоне, миллион долларов, шпион еврейский на кону. Будет спецназ, будет. Не может не быть!

Голова болит как с похмелья, в животе урчит от волнения, во рту сухо, зато руки потеют, я постоянно вытираю их о брюки.

Неэстетично, но скоро от моей одежды останется лишь груда бесформенных тряпок.

Хочется все бросить, включая этот поганый миллион не наших денег и удрать. Сдерживаю себя, с потугами, с трудом сдерживаю.

Дед с сыном меня накормили, что-то спрашивали, я отвечал невпопад.

Дождь то утихал, то вновь начинался. Остаток дня просидел дома. Обед и ужин ел механически, не ощущая вкуса еды. Темнело рано. Надо быть джентльменом, знаю, что не будет меня завтра у деда, рассчитался с ним, поблагодарил за кров и пищу.

Из-за ожидания и проработки событий внутри начала бить мелкая дрожь. Посмотрел на руки - дрожат. Это состояние мне понадобится через несколько часов, надо его запомнить, быстро вернутся в него. Запоминаем состояние. Запоминаем. Сел, расслабился. Раз расслабился. Вдох, отпустило немного внутри. Два, расслабился. Выдох. Представил собачонку, забитую, запуганную, под дождем, под крылечком. Ее трясет, это собачка - я. Запоминаем эту собачку. Картинка ясная, я проникаю внутрь этой собаки, она - это я, я - это она. Теперь мой страх полностью ушел в эту собаку, и когда я захочу вновь вернуться в это состояние, мне надо лишь вновь представить эту дрожащую собачку, стать ею.

Открыл глаза. На часах было 22.50. Идти в темноте, по размокшей почве минут сорок. Значит, пора!

Еще немного посидел "на дорожку", встал, перекрестился, сплюнул трижды через левое плечо, вперед! Вперед, Леха! Работаем! Сумку "поездную" не забыть! Вперед! С Богом!

На улице темно, как в глазах шахтера после получки. Включил фонарик. Только бы не сидел на чеченской стороне шальной снайпер, отрабатывающий упражнение "отработка стрельбы по целям в условиях плохой и ограниченной видимости".

Звезд и луны на небе нет, все затянуто тучами.

Изображать из себя придурка-журналиста уже бессмысленно, сейчас малейшая случайность в лице участкового милиционера или группы казаков-дружинников могла сорвать все. Надеюсь, что мои бывшие коллеги проработали этот вариант, и расчистили мне дорогу.

Я нисколько не сомневался, что сейчас за моей спиной шепчут: "Объект (если не дали какой-нибудь опознавательный псевдоним), прошел в сторону места встречи". Или просто дают тоновый вызов. Духи на той стороне тоже могут слушать эфир и излишняя суматоха в радиообмене может сорвать всю

задуманную и проработанную мной операцию.

Ну же, коллеги, черт бы вас подрал, продумывайте, прорабатывайте операцию! Думайте, просчитывайте различные варианты. В Москве потом за срыв операции могут и по голове надавать, и на пенсию выгнать за некомпетентность! Вы в моей пьесе сначала зрители, потом массовка. А потом главные герои! Вот тут-то и поковбойствуете!

Дошел до поля. Ноги вязнут в доброкачественном мокром кавказском черноземе! Не могли эти чечены назначить место встречи в Поволжье, там грунт песчаный. Вода сразу уходит, и идешь, не проваливаясь.

Пару раз я упал. Ну вот, теперь я еще и грязный. Одним словом - лицо штатской наружности! Пока падал, стекло фонаря испачкал, оттирал о брюки. Один черт, они грязные. Вперед.

Добрался до места встречи. До полуночи оставалось еще пятнадцать минут. Подождем. Присел на корточки. Закурил. По фронтовой привычке прячу огонек сигареты в кулак.

Я сейчас снова на войне. И с территории Чечни веет войной. Может это разыгралось мое воображение, но если всякие там поля, типа ауры, энергетические, то с земли, на которой я воевал так и несло злобой и смертью.

Где-то там, в темноте, сейчас Рабинович-Коэн. У которого надежда только на меня, не более того. Если все сорвется, то его в худшем случае убьют духи-работорговцы, второй вариант - он попадает в руки отечественных спецслужб и правосудия, а вот третий, самый лучший, но и самый рискованный, который задумал я - Андрей на свободе, и я выступаю в роли героя-освободителя. Сдираю еще с государства Израиль тысяч двадцать-тридцать, - в качестве компенсации за моральные и физические неудобства - и счастлив до безумия, что целый и на свободе.

7.

Сигарета быстро заканчивается, в ход идет вторая. Слышу шорох за спиной. Будем надеяться, что это посредники, а не спецназовцы, которые решили ограничиться моей персоной и миллионом долларов. Тогда все пойдет прахом, и Андрюха Рабинович - труп. Сижу, разыгрываю идиота-корреспондента.

- Эй, студент, долго будешь сидеть в грязи?! - слышу за спиной.

Поднимаюсь. Ба, знакомые лица! Дедок и его сынок. У обоих автоматы. И почему я не удивляюсь? С самой первой встречи я подозревал, что меня будут "пасти" не только сотрудники "наружки", но и "чехи". Правда, я считал, что Константин Сергеевич - агент спецслужб. Хотя, одно другому не мешает.

Ну что же, тем лучше. Делаю крайне изумленное лицо. Ведь я

же шпак-репортер, и насчет опыта в боевых операциях знаю лишь из книг про уличных каратистов. Они удовлетворены. Стволы автоматов опускаются вниз.

- Ну что, милок, не ожидал? - в голосе деда-презерватива сквозь самодовольство - презрение к моей персоне и самолюбование собственной. Мол, провел всех, я самый умный. Не угадал, дед, не угадал. Посмотрим, как карты лягут.

- Нет, - выдавливаю из себя.

- Ну, давай деньги и разбежимся, - это уже сынок заговорил.

- Э-э-э, нет, - я выбрасываю сигарету, прикуриваю следующую. - Сначала человек, потом денежки. Откуда я знаю, что вы мне какого-нибудь чечена не подбросите!

- Деньги давай! - сынок начинает нервничать. Правой рукой поднял ствол автомата, а левую протягивает за сумкой.

Эх, велик был соблазн врезать ему в пах, расплющить и сделать яичницу-болтунью из его промежности тяжелым, мокрым и грязным ботинком, рвануть ствол на себя. Прикрыться его обмякшим телом от дедовских пуль, а потом расстрелять дедка. А потом сынуле шейку свернуть. Нельзя.

- Сначала заложник. Может вы и не имеете никакого отношения к обмену, а так, что-то где-то слышали!

- А не боишься, что мы тебя сейчас просто убьем и заберем деньги? дедок насмешлив, куражится.

- Боюсь. Поэтому и сделал одну вещицу, она вас позабавит, - я медленно и осторожно опускаю сумку перед собой. Потом медленно достаю детский брелок с множеством кнопочек и нажимаю на одну. Раздается какая-то визгливая мелодия. В ночи ее слышно далеко и хорошо.

Дедок с сынком сразу нацелили автоматы на меня.

- Это что ты, мил человек, задумал? - нет уже прежнего куража и елея в голосе деда.

- Это я бомбу поставил на боевой взвод. Теперь, если сумку раскрыть, разрезать, будет маленький "Бум". Человеку ничего, а вот денежки тю-тю. Сгорят, а что не сгорит, то можно будет просто выбросить, потому что даже в туалет не сходишь, не подотрешься. Слишком маленькие бумажки останутся. Не хватит. Пальцы испачкаешь, - пояснил я и плюнул им под ноги.

Теперь я уже курил не кулак, а держал руку на отлете. Мой черед куражится. Ну, думайте, пособники бандитов, думайте. Казалось, что через несколько секунд у них из ушей повалит дым. Мозги у них соображали в нестандартных ситуациях медленно. Даже крайне медленно.

Есть деньги, но взять их нельзя. Самое главное, чтобы они были на самом деле пособниками бандитов, чтобы они были

посредниками при обмене, а не просто желающими хапнуть кучу денег на халяву. Я ждал. Надо их поторопить, направить мыслительный процесс в нужное русло.

- Так где состоится обмен?

- Хорошо! - с ненавистью в голосе выдавил из себя дед. - Пойдешь с сыном к чеченам, там и посмотришь. А сумочку оставишь здесь. Я ее посторожу.

Пока все идет по задуманному, даже лучше чем задумано. Тьфу, тьфу, тьфу.

Дед достал радиостанцию, отвернулся от меня и зашептал что-то. Станция сначала ответила шумным шорохом атмосферных помех, потом четко по-русски с чеченским акцентом.

- Ты штучку-то оставь, чтобы бомбу разрядить-то, - заявил дед.

- А зачем? Вернусь и разряжу. Не вернусь - не будет денежек. Или все довольны, или все остаются при своем интересе.

- Ну, смотри, щенок, если обманешь, то будешь молить о смерти. - Нет в голосе его прежнего меда. Волк, просто волк. Не ошибся я в породе этого зверя, не ошибся.

- Пошли, - сын толкнул больно в бок стволом автомата.

- Пошли, - я вздохнул и отправился на российскую, но чужую территорию.

Шли минут пятнадцать, ноги вязли в грязи, не побегаешь. Из кустов поднялись две фигуры.

- Ну, молись теперь, гад, чтобы живым ушел, - вполголоса сказал мне сопровождающий.

- Господа, - голос мой был полон испуга, - покажите мне заложника.

- А может тебе еще показать х... и дать полизать? - голос из темноты с чеченским акцентом.

- Это предложение для меня неприемлемо, - стараюсь говорить как можно тверже, но не резко.

В этой почти кромешной темноте только голос может выразить все твои эмоции, - ни выражения лиц, ни позы тел не видно, только размытые пятна.

- Ладно. Покажи. - Имен не называют, опытные гады!

Из темноты подводят еще одну фигуру. Она спотыкается на каждом шагу, ее поддерживают. Я подхожу ближе. Вокруг нас скучиваются бандиты, поговорить нормально не дадут.

- Андрей, ты?

- Я, Леха, я, - голос слаб - не знаю сможет ли Андрей выполнить то, что я задумал.

- Какой у нас был позывной на узле связи?

- "Каскад".

- А когда все отдали молдаванам?

- "Кодру".

- Пальцы покажи.

- Да целые, целые! - гогочут чечены.

- Я хочу сам посмотреть! - беру руки Андрея, ничего не видно, ощупываю пальцы. Все на месте. Руками ощупываю голову - уши тоже месте. Потом поворачиваю ему голову до тех пор, пока он может терпеть.

- Э, больно! - Андрей вскрикнул.

- Если хочешь ему голову оторвать, так скажи, мы это сами сделаем! Деньги только отдай!- ржание вокруг нас усиливается.

- Ладно, где деньги?

- А где гарантия, что мы уйдем целыми?

- Хотели бы убить, давно бы это сделали!

- Логично! - я расстегиваю куртку, снимаю ее. - На, подержи, протягиваю ближайшему бандиту. Потом отстегиваю подклад и вынимаю оттуда жилет с деньгами, передаю его, подклад - на место.

- Ух ты! - зажигаются фонари и спички, бандиты осматривают жилет, расстегивают его, достают деньги. - Тут все правильно?

- Все правильно, - подтверждаю я.

- А в сумке? - не выдерживает сынуля.

- Ничего, хлам.

- Ну, ты гад! - в голосе его чувствуется и уважение и ненависть одновременно.

- Я забираю заложника и мы уходим. Вы получили деньги, я - человека, все справедливо.

- Он пойдет в пяти метрах за вами. Если что не так, то первым мы убьем его.

- Я не против, - пожимаю плечами.

Мне вообще сегодня умирать не хочется.

Вышли в обратный путь, я подсвечиваю фонариком дорогу, постоянно оглядываюсь назад, Андрей плетется сзади. Ему тяжело. Прошли больше половины пути. Жду Андрея. Вот он уже на подходе. Я закуриваю, машу фонарем, зажигалкой.

- Ты чего? - спросил "сынуля".

- Не хочу чтобы твой папаша нас пристрелил.

- Так в сумке-то что у тебя?

- От дохлого осла уши, - поясняю я.

Он достал радиостанцию, вызвал отца и сообщил ему эту новость. Пока он разговаривал с отцом и объяснял ему, как их облапошили, я снимал часы, и трансформировал застежку часов в нож. Андрей подошел.

Ну же, сейчас!

- Андрей, как только ты падаешь - катишься вправо. Пароль - узлы связи. Не бойся! - шепчу я ему.

- Вы что там удумали? - голос насторожен. - О, J! А это что?

В этот же момент там, где мы оставили деда, раздается небольшой взрыв, и дед превращается в факел. В ночи хорошо видно, как он горит, но только мне некогда смотреть! Правой рукой, в которой зажат нож, бью в горло противника. У меня не будет другого шанса.

Нож входит по самую рукоятку, я выдергиваю его и падаю. Андрея рядом нет. Откатываюсь в сторону и ползу в сторону нашей территории. По пути чищу нож о землю, траву, вытираю от грязи о куртку, складываю на место. Часы обратно на руку.

Чечены стреляют в нашу сторону, оттуда им отвечают спецназовцы. На месте, родимые, на месте.

Все как на настоящей войне. Я доползаю до какой-то ямки и лежу, не поднимая головы. Не хочется схлопотать пулю.

За спиной начинают рваться гранаты. По звуку - от подствольника. Не хватало еще, чтобы из-за меня началась вторая чеченская война. Глубже вдавливаюсь в землю. За спиной стрельба стихла. Зато впереди меня "спецы" не могут еще минут десять успокоиться.

Я закладываю руки за голову. Слышу топанье тяжелых ботинок. Сначала удар в бок. Сильный удар, сознание мутнеет, но не уходит, а вот дыхание перебивает. Браслеты захлопываются на кистях. Захлопываются "с разбегу", то есть через пять-десять минут кровь перестанет поступать в кисти. Это больно.

Тут вновь возобновляется стрельба с территории противника, извините, вероятного противника.

Меня тащат по земле. Сами ползут, и двое тащат меня. Спасибо, что не мордой вниз, то бы захлебнулся грязью.

Рывком поднимают, руки вверх. Ноги пинком по внутренней части стопы. По косточке, больно, очень больно, ноги раздвигают на немыслимую ширину. Не дай бог, в пах стукнут. Освещают лицо фонарем. Сами в масках. Обычное дело. Ты же сам рассчитал всю эту операцию.

- Он, - слышу незнакомый голос из темноты.

- Где Рабинович-Коэн? - другой голос, обращенный ко мне.

- Не знаю, - я пожимаю плечами. С поднятыми руками и с раздвинутыми ногами это не очень хорошо получается. - Был рядом, началась заваруха, он исчез.

- Где деньги?

- Отдал за еврея.

- Искать Рабиновича!

Через несколько минут стрельба стихла. Я уже на нашей земле.

- К чехам идти?

- Приказа не было!

- Черт!

Слышу невнятный спор, идет на повышенных тонах, в основном обычный мат.

- Уходим! В машину! Группу оставить здесь до рассвета, если кто будет на поле - забрать!

Загнув голову чуть не до земли, больно уперев ствол пистолета в между лопаток, иногда подпинывая сзади, меня полубегом ведут в сторону машины. Микроавтобус. Швыряют на пол, сверху ноги, ствол автомата в шею.

Поехали. Машину подбрасывает на кочках, голова бьется о металлический пол, автомат сильнее вдавливается в шею. Руки за головой.

Пока получается все как надо. Все видели, как я отдал деньги, мне передали заложника; кстати, этого заложника я хотел передать в органы правосудия, тем самым выторговывал себе прежнею работу. Но тут что-то случилось с дедом, если бы не было деда, то сумку мне пришлось расстегнуть самому.

Там было самодельное взрывное устройство, даже не столько взрывное, сколько зажигательное. Все примитивно, по-детски. Но надежно. Устройство безоболочное, собрать по фрагментам почти невозможно. Ну, были там бутылки с бензином и маслом. Это запрещено законом? Нет!

Ладно, меня сейчас будут "прессовать". Надо отдохнуть. Видимо, тащат меня в столицу Ставрополья - Ставрополь. Надо беречь силы, в том числе и эмоциональные.

Сначала будет сокрушающий натиск, потом изнуряющие опросы, допросы, угрозы, посулы. Следователи и опера будут меняться, потом потащат на полиграф. Потом все сначала, и снова полиграф. Надеюсь, что не отойдут от привычной схемы.

Я раздавлен, я сломлен. Мне страшно, я плачу от страха и случившегося, я снова та самая собачка, что была в моем сознании несколько часов назад. И теперь выдержать этот

эмоциональный фон страха нужно до самого конца. Это очень важно.

Полиграф невозможно обмануть, при условии, конечно, что тебя не готовят все детство в "нелегалы", простому смертному это невозможно. Но его показания можно "смазать" постоянной картиной страха или боли. Причинять себе боль не хотелось.

"Спецы" курили и пепел стряхивали прямо под ноги, на меня. Еще способ психологического давления. Ничего, я сам недавно был таким же. И "давил" я похлеще этого пепла.

"И аз воздам!" - вдруг вспомнилась мне цитата из Библии. Евреи написали, потом греки подключились. Евреи, евреи, евреи, кругом одни евреи.

Будем думать, что Рабинович все сделал как надо. Я же по телефону ему сказал то, чего он никогда не делал. Чтобы при начале перестрелки он откатывался на пятьсот метров. Не знаю, понял он или нет.

Но когда я увидел, в каком он состоянии, то продублировал это прямым объяснением. Не понял или не сделал - сам дурак! Как только меня потащили: Черепанов - тот самый казак из поезда, и его приемный сын, они должны были найти Рабиновича, спросить пароль (узлы связи) и эвакуировать Андрея к себе.

Я сильно рисковал. Очень сильно. Но другого выбора у меня не было. Оставил ему все свое снаряжение, даже ножи из подошв ботинок вытащил. Тот, что в часах остался - ерунда. Была типичная самозащита, а дедок сам себя рванул, сжег.

8.

Судя по тому, что стали чаще останавливаться, понял - приехали в город.

Даже на посту ГАИ остановили.

- Документы. Машину к досмотру!

Старший машины показал документы.

- Счастливого пути! - поехали дальше.

Минут через двадцать добрались до места. Все тело затекло, я не чувствовал его. Пинками выкинули из машины и, низко пригибая мне голову, потащили в какое-то солидного вида здание. Затолкали в одну из комнат.

- Раздевайся!

- Полностью?

Удар по почкам был ответом. Я упал на колени.

- Браслеты снимите, я не могу расстегнуться.

- Сними, - по-прежнему вокруг меня маски-шоу.

Я начал растирать запястья. Кисти опухли и потемнели. Больно, чувствую, как кровь побежала по венам.

- Быстрее!

- Сейчас. Сейчас! - я раздавлен, растоптан, мне страшно и больно.

Суетливо, негнущимися пальцами пытаюсь расстегнуть пуговицы. Не получается.

- Быстрее! - меня несильно толкают пристегнутым рожком автомата.

Я падаю, ударяюсь плечом о стену.

- Стоять!

- Да сейчас, сейчас! Пальцы затекли! - я продолжаю бороться с пуговицами, "молниями".

На пол летят куртка, свитер, рубашка, майка; присаживаюсь на самый краешек стула, развязываю шнурки на ботинках, снимаю их, потом брюки. Грязь на них засохла и они "стоят колом". Остался в одних трусах. Потираю плечи. Холодно. Но моих конвоиров это не волнует. На руках вновь защелкивают браслеты и, толкая вперед, ведут по длинным коридорам. Я бос, пол мраморный, очень холодный. Видимо, дорожки ковровые у них только там, где большие начальники ходят.

Заталкивают в просторный кабинет. Верхнее освещение не включено, горит лишь настольная лампа на столе, светит прямо на стул. Меня подводят к этому стулу и швыряют на него. Я закрываюсь скованными руками от слепящего света.

- Смотреть прямо! - голос из темноты, из-за лампы

- Свет! Больно! - выдавливаю из себя.

Мне уже не надо притворяться. Холод и страх делают свое дело. Кожа покрывается пупырышками, меня бьет мелкая дрожь.

- Фамилия, имя, отчество, убрать руки от лица!

- Салтымаков Алексей Михайлович.

- Убрать руки!

Я убираю. Свет слепит глаза, я закрываю веки. Лампу направляют немного в сторону. Записывают. Слышно как шариковая ручка скребет по бумаге. Рядом вспыхивает еще одна яркая лампа - снимают на видеокамеру. Психолог тоже здесь. Он потом будет много раз прокручивать пленку и сверять реакцию на вопросы. Адекватно или вру.

Теперь надо довести себя до исступления. Это важно. Страх "смажет" реакцию. Я начинаю сильнее трястись телом. Лицо делаю более испуганным, взгляд встревоженным. Бегаю глазами, пытаясь увидеть собеседников.

Следуют автобиографические вопросы. Еще вопросы. И плевать, что я сижу перед ними в трусах, и мне очень холодно.

- Цель прибытия в Ставропольский край?

- Обмен.

- Какой обмен?

- Выкуп заложника, находящегося в плену у преступников, на чеченской территории.

- Зачем?

- Чтобы передать его в руки сотрудников ФСБ.

- Ложь!

- Я клянусь! Мне это предложил капитан Толстых! Он сказал, что Рабинович шпион! Я хочу восстановится на службе! А он был моим пропуском. Гарантом!

- Почему не выходил на связь с органами безопасности здесь в Ставрополье, Моздоке?

- Так я же не знал, что вы в курсе событий и за мной могли следить бандиты!

Все это я проговорил скороговоркой, не задумываясь, смотрел только прямо, сквозь лампу.

Потом начались новые вопросы, но к ним я был готов. И вот настало время очень важного вопроса. Я давно его ждал, очень ждал.

- Зачем сигнализировал зажигалкой и фонарем?

- Вам и сигнализировал, что Рабинович у меня.

- Откуда ты знал, что мы находимся при обмене?

- В автобусе я срисовал всю вашу бригаду "наружки", потом специально звонил из хозяйского дома, знал же, что телефон на контроле, вы все и узнали. Я же говорю, что вел Рабиновича к вам.

- Врешь ты все! - раздался новый голос из темноты. - Сейчас я тебя по Указу Президента на месяцок в СИЗО оттартаю, и засуну не в "БС", а в "пресс", там из тебя мигом "Машку" сделают. Как тебе такой расклад?

На языке нормальных людей это означает, что меня хотят отправить следственный изолятор временного содержания и определить там не в камеру бывших сотрудников, а в пресс-камеру, где из меня по заказу моих же бывших коллег сделают пассивного педераста. И все это будет продолжаться, согласно новому Указу Президента, вопреки уголовно-процессуального кодекса не три дня и не десять, а целый месяц.

Коллеги, язви их в душу, могли это устроить. Я учитывал и этот вариант, но тогда я из тюряги не выйду. Чтобы я - боевой офицер позволил уголовникам надругаться над собой?! Не удержусь - придушу, а там и меня кончат...

Тут мне уже не надо было разыгрывать ужас, он и так пJр из меня. Все тело била уже не мелкая, а крупная дрожь, подбородок дрожал, челюсти лязгали помимо моей воли. По всему телу прокатывались волны.

Все, терять нечего. В бой! Вперед! У-хо-о! Я вскочил со стула

и, пока меня не усадили назад, отшвырнул лампу, она грохнулась об пол и разбилась. Темнота полнейшая. Сбоку вновь вспыхнул прожектор видеокамеры.

- Тебя бы гада самого в "иваси"! - заорал я.

Голос дрожал и вибрировал от страха.

- За что меня в пресс-хату?! За то, что я рисковал и вытаскивал Рабиновича с чеченской территории?! А ты здесь планы писал! Какого х... ты не послал людей за этим евреем пархатым?!

Тут мне врезали по темени, в глазах потемнело, я рухнул на пол и потерял сознание. А может, сначала потерял сознание, а потом рухнул. Не помню. Да и не важно это.

Очнулся я от резкого запаха нашатыря, на полу. Башка раскалывалась. Меня стало рвать. Тело скручивали и отпускали судороги. Крепко же они меня приложили! Сотрясение остатков мозгов обеспечено. Ничего страшного, одним больше, одним меньше.

Откинулся на спину и понял, что башка-то у меня действительно сильно болит.

- Вы можете передвигаться? - голос незнакомый.

- Да, - выдавил я.

- Помогите ему подняться, принесите одежду. Поговорим завтра, а сейчас мы вас отвезем. Отдохнете.

- В тюрьму? - я хоть и был слаб, но напрягся.

- Нет, на квартиру, там будет все необходимое, отдохнете, потом мы с вами встретимся и зададим несколько вопросов.

Принесли мой спортивный костюм, я его оставлял вместе с другими вещами в доме у деда-покойника. Медленно оделся. Потом в сопровождении трех дюжих молодцов меня посадили в микроавтобус и повезли. Город я не знал абсолютно, и запоминать дороги не стал, меня все равно привезут назад, когда им это надо будет.

Дом типичной "сталинской" постройки. Жилой дом. Люди живут и не подозревают, что в их подъезде расположена конспиративная квартира. На явочную меня не потащат, а вот на конспиративную - самое время.

Высокие потолки, широкие коридоры. Мебель образца шестидесятых. Меня поместили в спальню, из нее был выход в зал. Там разместилась охрана. На окне решетка. В комнате двуспальная кровать, шкаф для одежды, пара стульев. Пыли нет, видимо убирают постоянно. Но и жилым духом особо не пахнет. Казенщина она и есть казенщина.

- Умыться можно?

Ни слова не говоря меня провели в ванную комнату, где под

чутким взглядом конвоя я умылся, побрился, потом принял душ. Часы у меня отобрали при задержании, но настенные в зале показывали 06:07. Длинный денек у меня выдался. Лег спать. Встал уже после обеда. Меня разбудил запах яичницы с колбасой и кофе. И опять все молча.

Затем меня повезли снова в Управление. Опрос проходил уже в освещенной комнате, я был без браслетов, за столом сидели двое сотрудников, перед ним лежали листы опросника, по углам еще четверо. Они тоже шуршали бумажками. Видеооператор молча сновал по комнате, снимая меня со всех возможных ракурсов.

Несложные были вопросы, - в основном дублировали вчерашние, только иногда просили уточнить кое-какие детали. Потом вновь возвращались к вопросам, что были ране, только задавали их по-иному.

Позволили курить. Передо мной стоял чай и минеральная вода. Ну прямо кино - сотрудник вернулся с тяжелого, опасного задания, ему до конца не доверяют и идет опрос, как задание проведено; при этом допускается возможность, что опер был завербован противоположной стороной.

Судя по вопросам, Рабинович им не достался. Это хорошо. На руках у них кроме бешенного желания сделать меня козлом отпущения ничего нет. Теперь все зависит от меня. Если они привезли мои вещи, то шмон у деда делали, наверное, нашли много интересного. Но это не мое. У них под носом сидели пособники бандитов, а они их проморгали. А также на руках у них два трупа. Оба - мои. В том, что дед сгорел заживо, я не сомневался. И мне его не жалко, точно так же как и его сынка. Эксперты найдут на спрятанном ноже остатки крови, как бы я его ни чистил, найдут. Ребята злятся, перед Москвой отчитываться нечем. Шпион пропал, может убит, а может и нет. И миллион, миллион долларов ушел. Бывший сотрудник говорит, что шел на встречу с сотрудниками, и вел шпиона, а мы его по голове прикладом. Башка-то еще болит.

Что еще? Ах да, миллион долларов, который мог пойти в консолидированный федеральный бюджет, тоже пропал. Остались хотя бы деньги, их можно было показать по телевизору, торжественно передать в казначейство и получить за эти деньги грамоту, а то и звезду на погон. Ничего нет, кроме трясущегося от страха придурка, то есть меня.

Потом предложили мне пройти тест на полиграфе. Началось! Я снова представил себя той самой белой собачкой с черными пятнами, которая лежит под крыльцом, трясется от холода и страха, хвост зажат между ног. Хочется выть. Вздрагиваю от

каждого шага, от каждого звука, прикосновения.

Меня опутали датчиками. На голову, грудь, живот, на пальцы. Мне страшно, хоть и говорят, чтобы я не боялся, а мне страшно, они сейчас меня снимут с кресла - и в тюрьму!

Они задают обычные автобиографические вопросы, надо отвечать только "да" или "нет". Я отвечаю быстро. На мониторе рисуются графики правды на фоне страха. Раньше были полиграфы с бумажными лентами, так те хоть шуршали, а теперь лишь изредка пощелкивает клавиатуры. Понапридумывал же человек технику на мою голову!

Потом последовали новые вопросы, очень неприятные вопросы. Я к ним готовился, но одно дело, когда тебе задают вопросы за чашкой кофе, рюмочкой коньяка с дорогой сигаретой, и совсем другое - когда ты опутан проводами, и от твоих ответов зависит как минимум твоя свобода. Это минимум.

Сейчас не 37-й год (и слава богу!), но закатать в момент в тюрягу из-за того, что я "случайно" сорвал операцию, могут запросто, а мне не хочется. Ой как не хочется.

- У вас есть помощники?

- Нет.

- Вы связывались с кем-нибудь в станице, за исключением названных вами ранее?

- Нет.

- Рабинович жив?

- Не знаю.

- Отвечайте только "да" или "нет". Рабинович жив?

- Не знаю!

- Вы думаете, что Рабинович жив?

- Нет.

- Вы не любите ФСБ?

- Да.

И много что еще. Я не знаю, сколько часов мне задавали эти много раз повторяющиеся - в разных вариациях - вопросы. Сколько килобайтов памяти полиграфа они использовали, мне тоже неизвестно. Все устали, пришла смена. Только один я остался. Разрешили сходить в туалет, перекурить, и не более того. Ни обеда, ни чая, ни кофе.

Я устал, так и хочется успокоится, откинутся в этом удобном кресле. И пусть задают свои вопросы. Они повторяются уже по пятому или шестому кругу. Только иногда появляются новые, типа "Вы завербованы иностранной разведкой?" Я засмеялся. Не знаю, может они рассчитывали именно на такую реакцию, чтобы я расслабился, не знаю. Потом последовали вопросы по иностранным разведкам. Перечислили все известные.

Может это были просто контрольные вопросы, не знаю. Логически просчитать действия Конторы невозможно, а если невозможно, то не стоит ломать голову и тратить силы. Вот только этот образ собачки, что под крылечком мерзнет, трясется от холода, голода... Усталость замещает страх, и вместе с апатией вступает в свои владения.

Хочется спать. Время идет. Как ужасно не знать сколько времени. Может они что-нибудь подсыпали в сигареты? Вряд ли. Ведь при желании и с санкции Москвы могли просто вколоть какую-нибудь дрянь типа пентотала натрия. И не париться с детектором лжи. Не знаю, не знаю. Я просто хочу спать. Я устал.

После многих часов сидения за полиграфом меня потащили на очередные "собеседования". Этот переход я использовал максимально. Надо ломать структуру моего допроса, надо ломать. Я остановился в коридоре, три сопровождающих меня сотрудника напряглись.

- Спокойно, мужики! Ноги затекли! Спину не чувствую.

И под их удивленные взгляды я начал приседать, а затем отжиматься. Народ стоял с выпученными глазами. Потом самый сообразительный легонько коснулся меня носком ботинка:

- Хватит физкультурой заниматься! Нас ждут!

- Хватит так хватит, - я вскочил на ноги, энергично замахал руками, потом закурил, что в коридорах ФСБ считалось неслыханной наглостью!

Ну ничего, я еще войду в историю. Сон прогнал. Что меня ждет дальше?

- Проходите, Алексей Михайлович! Садитесь!

- Я лучше присяду.

- Присядьте, присядьте. А то, может, скоро вам придется сесть на несколько лет. По минимуму - за превышение самообороны, на год-полтора, а вот за убийство - по максимуму - на все пятнадцать-двадцать лет.

- Вы мне должны.

- За что, позвольте у вас спросить, Алексей Михайлович?

- За то, что у вас под носом работала группа пособников чеченских террористов, а вы себя ушами по щекам хлестали.

- Кстати, а как погиб отец семейства?

- Не знаю.

- Но вы же оставили ему свою сумку.

- Я ему ничего не оставлял, он сам забрал мою сумку. Полагаю, ваши сотрудники это зафиксировали.

- Хорошо, что у вас было в сумке?

- Ничего, обычные вещи. Те, что берут в командировку.

- А вот акт экспертизы, - он протянул мне лист бумаги.

Ясно, решили ловить на противоречиях, долбить меня экспертизами. Сознаешься - дадут меньше, а не сознаешься - ничего не дадут. Я закурил.

- Не курите, пожалуйста, - попросил меня собеседник, забывший представиться.

- Я уж как-нибудь покурю, а то как-то неловко себя чувствую.

В воздухе просто витает недоверие к моим показаниям.

- И что же насчет экспертизы?

- Здесь много написано, вкратце не могли бы пояснить?

- На останках сумки обнаружены следы бензина, масла растительного, селитры, алюминиевой крошки-порошка, батареек - предположительно все перечисленное являлось составляющим СВУ (самодельное взрывное устройство).

- Интересная гипотеза, только ко мне она не имеет никакого отношения. Там были вещи?

- Да, спортивный костюм, нательное нижнее белье и еще бритвенные принадлежности.

- Вот последние - это мое, а все ранее перечисленное - увы, мимо.

- А как вы можете пояснить, что человек открыл вашу сумку и взорвался, сгорел?

- Этого я объяснить не могу, зато могу объяснить другое. Он пытался заложить в мою сумку СВУ, но что-то не получилось, и устройство сработало у него в руках. Видимо, он хотел меня убить. Другого разумного объяснения у меня нет. На остатках емкостей, где были масло, бензин, на батарейках есть отпечатки моих пальцев?

- Все сгорело, и вы это прекрасно знаете!

- Ну вот видите.

- В вашей куртке обнаружены следы ношения валюты. Газоанализатор и спектральный анализ показывают, что у вас там хранились значительные суммы валюты, предположительно доллары. Это так?

- Именно. Я об этом информацию никогда не скрывал. Там был миллион долларов. Его я передал похитителям за Рабиновича. Рабиновича я хотел передать в ваши руки. Но не получилось. В частности, по вашей вине тоже.

- Ты долго будешь еще ваньку валять?! - послышался голос за спиной.

А вот и "злой" следователь. Классический вариант. Тут и до физического насилия недалеко.

- А что мне валять? - я вскочил на ноги и развернулся к "злому". - Вы операцию прое.., шпиона упустили, "лимон" гринов прое.., банду, что работала в станице - прое.., одним словом, все -

прое.., а из меня хотите крайнего, козла отпущения сделать!

- Вот вам так пятьдесят процентов, - я сделал характерный жест рукой, согнутой в локте, - а вот так сто процентов! - Левая рука вытянута, кисть правой - на плече левой.

- Ты руками не маши, а то мы тебе их быстро обломаем.

- Значит так, ребята, - я посмотрел сначала на одного, потом на другого. - Ничего нового у вас для меня нет, а у меня для вас. На полиграфе вы меня укатали. Занимайтесь расшифровкой записей. Будут вопросы - зададите, а сейчас я устал как собака. Дайте команду - пусть меня отвезут.

- Я сам тебя отвезу, - почти дружелюбно сказал "злой".

Мы поехали вдвоем. Но поехали не в ту сторону, куда меня возили вчера. Меня начали терзать смутные подозрения. Остановились возле огромного серого здания. Во всех городах и во всех странах - это тюрьма.

- Ну что, страшно? - он смотрел на меня с плотоядной улыбкой.

- Страшно. Тебе доставляет наслаждение смотреть на страх человеческий? Наверное, в детстве любил убивать животных?

- Еще слово - и я тебя упеку туда.

- Молчу. Считай, что я сильно испуган. Что дальше будешь делать?

Я на самом деле испугался. Очень испугался.

- Ничего, - он почему-то обиделся, откинулся на сиденье, так молча мы просидели в машине еще минут пятнадцать, я выкурил две сигареты. Потом он завел мотор и также молча отвез меня на квартиру.

9.

Первым делом я принял ванну. Долго плескался. Казалось, что тот гель, которым мне смазывали руки, живот, голову въелся в меня намертво, а также, что сам я пропитался запахом страха. Я ожесточенно терся, скреб кожу ногтями. Дверь в ванную охранники оставили полуоткрытой, сидели на стуле и вдвоем разгадывали кроссворд.

Потом в сопровождении охраны я сходил в магазин, и на те деньги, которые мне оставили, купил две бутылки крепленного красного вина местного разлива. Не выдержал, хоть и говорил себе, что не буду пить до конца операции, но эта поездка к тюрьме выбила меня из колеи.

Тут даже если и сдам Рабиновича, это меня уже не спасет. М-да, ситуация. Будем ждать. Охрана вежливо отказалась от выпивки. Теперь мне нужно напиться и разыграть нервный срыв.

Играть было не так уж и сложно, я и так за последние дни был на грани его. Алкоголь лишь ускорил выход эмоций наружу.

Я пьяно бил себя кулаком в грудь и кричал, что я свой, и что начальники моей охраны козлы. Что они забоялись пойти на чеченскую территорию, всего на пару километров, чтобы захватить шпиона и пару-тройку духов на память. А теперь я буду крайним. А ведь свой! Я служил таким же опером, воевал в Чечне!

Охрана молчала. Я-то знал, что квартира "пишется", и завтра все будет доложено руководству несколькими подробными рапортами и справками.

На следующий день меня никуда не водили, я был предоставлен сам себе, после завтрака попросил отвезти меня в парикмахерскую, купил несколько местных газет, пару дешевых детективов.

Во всех местных газетах было опубликовано сообщение пресс-группы местного Управления ФСБ. В нем говорилось, что такого-то числа в районе станицы Красново была пресечена попытка прорыва банды с территории Чеченской Республики. В результате перестрелки двое из нападавших были убиты. Прорыв был предотвращен в результате реализации полученной ранее оперативной информации, также в станице ликвидированы пособники чеченских бандитов. Ни про меня, ни про Рабиновича ни слова. Это добрый знак. Если сообщили общественности о победах, это уже славно, очень славно. Есть шанс, что меня оставят в покое.

На следующий день меня вновь отвезли в Управление. В течении часа расспрашивали про мелочи при обмене. Я добросовестно пересказал в сотый раз. Потом набрался наглости и спросил:

- Что с полиграфом?

- Тебе интересно?

- Интересно, не был никогда под техникой.

- Ничего, еще раз попадешься - будешь всю жизнь жить на больничной койке под проводами, - мрачно пообещали они мне.

Я сам люблю черный юмор, но почему-то в тот момент я им поверил.

Через час вернули сумку с фотоаппаратом, документы, личные вещи. Охрана проводила на вокзал, под пристальным наблюдением взял билет до Краснодара. Снова вагон спальный, тут я не поскупился. Свобода, бля, свобода! Свобода! Я могу спокойно передвигаться по стране! Свобода! Ах, как дышится, как дышится! Свобода!

Я сунул проводнице купюру, чтобы соседей не подсаживала. Хоть и не было наплыва пассажиров, не сезон, но хочется мне комфортно покататься.

Бригада наружного наблюдения ехала в соседнем вагоне, а

может и в этом. Еще минимум год будут за мной наблюдать. И в плане наружного наблюдения и в плане оперативного наблюдения. Дело мое перешлют по месту жительства, теперь даже переход улицы в неположенном месте будут фиксировать, а затем анализировать, а не подавал ли я кому-нибудь знак тайный. Сам занимался этим онанизмом не один год. Но все это будет потом, все потом, а сейчас свобода!

Я валялся на постели и смотрел в потолок. Теперь надо вытаскивать Рабиновича. Наружка будет меня "пасти" до тех пор, пока не выведу их на этого еврея. Усыпить бдительность наружки, сделать так, чтобы они поверили, что я пай-мальчик, не получится, для этого необходимо год-три. Их у меня нет. А это значит, что надо делать рывок. Большой рывок, большой отрыв. Значит так, в вагон-ресторан.

Там я поужинал плотненько, выпил сто пятьдесят водочки. Тут же сидела девочка-нимфеточка. Я рассказал пару историй, представился корреспондентом. Оказалось студенткой второго курса. Я осведомился, есть ли ей восемнадцать. Совершеннолетняя. Это уже приятно. Хоть не обвинят, что я пытался изнасиловать, или изнасиловал малолетнюю. А также хочется надеяться, что она не клофелинщица. Пуганая ворона куста боится.

Я угостил даму ужином, вино она тоже любит, и от водочки не отказывается. Наши люди!

Потом мы проследовали в мое купе. Когда шли, я изображал, что изрядно выпил. Девчонку тоже штормило. Кстати, звали ее Ангелиной. Одно их моих любимых имен. Что это - простое совпадение, или продолжение игры моих бывших? В паспорт к девочке не заглянешь.

Пробыли мы у меня в купе до полуночи, потом я вежливо ее выпроводил. Все было хорошо, и мне и ей понравилось. Думаю, тому, кто слушал - тоже. Одежда была нашпигована "жуками". Одного я нашел просто пальцами, когда ощупывал ворот куртки. Не мог же я просто уничтожить одежду!

Я запомнил расписание. Через пятнадцать минут станция. Стоим минуту. Курить на перрон пассажиры выходить не будут. Значит - рывок. Работаем, Алексей, работаем!

Пьяной походкой с плотоядной улыбкой довольного самца иду умываться. Все порядочные граждане уже спят. А соседям, наверное, порядком надоели кошачьи вопли Ангелины и мое громкое сопение.

В нерабочем тамбуре никого. Покурил, умылся, лицо холодной водой сполоснул. Быстро в купе. Оделся. Проводнице - денежку в лапу. Тихо. Никому ни слова, не видела, где вышел.

Слабая надежда, что она уже не проинструктирована. Конечно, хотелось бы на полном ходу выскочить из поезда, кубарем под откос, потом встать и уходить от погони. Но это не по мне. Не обучен.

Вышел на перрон. Встал в тень, никуда не бегу, смотрю. Никто не выскакивает из вагонов не бежит вслед за мной. Усыпил я их девочкой. Усыпил! Есть отрыв, есть! Вперед, Алексей. Вперед, работаем по полной программе!

Надеюсь, что не засунули они мне навигационное оборудование. И не расставили по маршруту следования поезда своих сотрудников. Кажется у меня начинается паранойя.

Когда шел поезд, заметил, что параллельно железной дороге идет автотрасса. Вот туда мне и надо. Постоял в кустах, покурил, понаблюдал за интенсивностью движения. Нормально. Одна машина в пять минут. Годится для ночи.

Вышел на свет фар. Поднял руку. Поехали. Забрался на заднее сиденье, откинулся, сквозь приспущенные веки смотрю, как водитель рассматривает меня в зеркало заднего вида.

Смотрит и прикидывает что-то в уме. Очень надеюсь, что нет у него ничего плохого на уме. Но вот он полез зачем-то под сиденье.

- Дядя, не делай этого! - предупредил я его.

- Да я ничего! - пробормотал он и начал выруливать на обочину.

- Дядя, я очень устал, не заставляй брать грех на душу! Я просто хочу доехать без приключений, - я придвинулся к водительскому затылку.

- Я ничего, только бензина долью.

- Бензина полный бак.

- Датчик врет.

- Тебе что-то не нравится? - тем временем машина остановилась.

- Да, - он резко развернулся, и в лицо мне уставился ствол пистолета.

Я успел автоматически убрать голову. Левой рукой схватил запястье водителя, правой ударил по стволу пистолета. Пистолет упал на пол машины. Тут же я начал удушение водителя "замком".

- В чем дело?! -спросил я.

- Ни в чем, просто куртка мне понравилась твоя и обувь, - прохрипел "дядя".

- И все?

- В таких куртках деньги возят.

- Ха-ха-ха! - меня пробил смех, я отпустил шею. - Опоздал,

мужик. Федот, да не тот. Поехали. Откуда знаешь про куртки?

- Было дело - сам возил в Москву, - водитель потирал шею.

- Ствол не бери - пусть валяется, - предупредил я. - Давно мышкуешь таким макаром?

- Недавно. Ты первый.

- Ладно, будешь бабушке об этом рассказывать. Ствол-то хоть настоящий?

- Настоящий. Тут этого добра после чеченской войны навалом. Надо? Могу достать.

- Спасибо, не интересуюсь. Кстати, останови машину, - он только начал снова выруливать на трассу.

Водитель остановился и недоуменно посмотрел на меня. Я вышел, снял куртку, проверил карманы, скомкал ее и зашвырнул далеко в придорожные кусты. Так же молча достал свитер из сумки, натянул. Сел на заднее сиденье.

- Поехали.

- Ты чего, парень? - водитель был ошарашен моим поступком. - Не нравится тебе куртка - отдай. Зачем вещами кидаться-то?

- Ты прав, приметная она уж больно, да и "насекомыми" богата дюже.

Водитель лишь покачал головой и посмотрел на меня как на умалишенного.

- Так тебе ничего не надо? Может квартирку? Девочек? Марафета? водитель был явно заинтересован в продолжении нашего знакомства, мне же это были ни к чему.

- Нет, довези до переговорного пункта, а там мы с тобой расстанемся? И никогда не вспомним друг друга. Я не буду вспоминать, что ты пытался совершить вооруженное нападение на меня, а ты, что видел меня. Годится?

- А ты заплатишь?

- Мы же договорились.

- А ты, парень, в бегах?

- Тебя это сильно волнует?

- Вообще-то нет. Но ведешь себя странно.

- Просто я сегодня не выспался и голова плохо работает, отсюда и неадекватные поступки. Так, например, я не стану орать и сдавать тебя ментам на въезде в город. Сбрось скорость.

Мы спокойно миновали милицейский пост на въезде в Ставрополь. Через несколько минут были возле переговорного пункта. Я рассчитался, посмотрел на часы. Два часа ночи. Неплохо, неплохо. Не думаю, что меня будут искать в городе.

Я прошел в зал. Пара человек сидели, клевали носом. В углу спал бродяга, от него несло потом и мочой. На меня никто не обратил внимания. За колонной стоял телефон-автомат. Вот и

пригодились жетоны. И никто не видит меня. Теперь можно позвонить. Прикрывая диск, я набрал код и номер Черепанова - казака-красавца из поезда. Конечно, риск был, как в ту ночь, когда я шел к Черепанову накануне обмена. Но после моей встречи с раввином, я ежеминутно рисковал.

- Да, - голос сонный.

- Это эскорт услуги?

- Вы с ума сошли... Пальцы правильно на клавиши ставь, идиот!

- Пардон, пардон! - я повесил трубку.

Теперь надо определится с ночлегом. Вышел на улицу. Недалеко стояли "ночные феи". То, что доктор прописал.

- Эй, девчонки! Не холодно?

- А что, можете согреть? - они обратили на меня внимание.

Мне всегда нравилось, что путаны такие вежливые. Это еще раз подтверждает истину, что на работе хамить не надо.

- Почему не согреть таких милашек!

Быстро договорились о цене. В стоимость входило, помимо страстной, но продажной любви, ночлег и завтрак. Сто пятьдесят долларов. Конечно, дороговато, но выбор был небольшой. Мне нужно было продержаться двенадцать часов. Потом мы встретимся с Черепановым.

В десять часов утра я поцеловал мою временную спутницу и вышел на улицу. Времени было еще достаточно, но надо было провериться.

Я походил по городу, покатался на общественном транспорте. Сделал около десятка пересадок. Менял направление, заходил в магазины. Пару раз мне удалось спокойно выйти через запасные выходы. А теперь на рынок. Вот и мясные ряды.

С умным видом рачительного хозяина я ходил и приценивался к мясным продуктам. Купил колбаски сырокопченой, немного вяленного мяса. Головой сильно не кручу. Так, высматриваю товар.

Вот и Виталя Черепанов. Стоит казак, смотрит на мясо, ножом тыкает. Качает головой, идет дальше. Поднял глаза, увидел меня, чуть кивнул головой. Чуть спустя пошел на выход, я за ним. За рынком стояла "Нива" с тонированными стеклами. Он сел, я присоединился через десять минут. Смотрел, тихо ли вокруг. Вроде бы тихо. Кто знает, кто знает.

- Здорово, казак! - я протянул руку. Хоть одно приятное лицо за несколько последних дней.

- Здрав буде, боярин! - шуткой ответил Черепанов.

- Встретил?

- Рабиновича-Коэна?

- Его.

- Подобрали твоего доходягу. Досталось человеку, не приведи Господь, он перекрестился.

- Тебя не трясли?

- Нет, все по-тихому сработали, - Черепанов усмехнулся в бороду, они-то может и спецназ, только мы знаем все стежки-дорожки, на пузе исползали. В засадах раньше сидели, ждали, когда чечены полезут грабить. Поэтому и никто нас не заметил. А когда бомба твоя зажигательная рванула, мы сразу засекли куда твой Рабинович покатился. Потом перестрелка началась. Мы тем временем подползли к пленнику. Пароль-отзыв, все как ты говорил. Он худющий, кожа да кости, мы его на себя - и потащили, пока мужики в перестрелку играли. Ох и нравится им это! - казак улыбнулся: - Тут один дух нас увидал, давай по нам шмалять, пришлось уговорить его, - все это он рассказывал спокойно, обстоятельно.

Не верилось, что он бывший военный. Не было в его лексиконе военных оборотов. Только чувствовалась какая-то обстоятельность, надежность что ли. Знает человек, для чего живет, работает, воюет. Не мотает его, не штормит. Не играет он в игры с ФСБ и Моссадом. И как-то спокойно с ним, надежностью от него веет. С таким не страшно и в огонь и в воду. Тут понимаешь выражение "Как за каменной стеной".

- Притащили мы, значит, Андрюху на нашу землю. Лежим, ждем, может погоня. Ан нет. Пошумели, постреляли, но к духам не пошли. Видели, как тебя мордой по траве возили. Сильно досталось?

- Могло быть хуже, - я усмехнулся.

- А как вырвался?

- Дуракам и пьяницам везет. У них против меня ничего не было. Ни денег, ни Рабиновича. Кровушки попили вдосталь, и отпустили, потом пришлось уходить. Кстати, если вдруг будут брать меня сейчас, то ты ничего не знаешь. Я просто попросил тебя подвезти меня. Увидел знакомое лицо на рынке и попросил подбросить. Ты понял?

- Досталось же тебе, Алексей, коли так говоришь, - он покачал головой.

- Денег хватило? - в нашу последнюю встречу я оставлял Черепанову пятьсот долларов на лечение Рабиновича.

- А на что они? На лекарства только потратили, а так я тебе все верну, - он говорил про деньги спокойно, как про какой-то инструмент, топор, например.

- Оставь себе. Что доктор сказал? Рабинович в городе?

- Сломано два ребра, но уже почти срослись. Правда,

неправильно, но уже что либо поздно исправлять. Увеличена печень, видимо от побоев. Ну, сотрясение мозга - это естественно, откуда он пришел, иначе и не могло быть. Был сломан нос, вроде как зарос. Зубов многих нет - вставит, это дело поправимое. Что еще? А, да, крайнее физическое и нервное истощение. Нужен покой и питание. Витаминов побольше. Сам понимаешь, более подробного обследования я провести не мог. Не в больницу же его везти. А насчет доктора, не волнуйся - человек надежный. Мы его из чеченского плена полгода назад сами доставали. Как рассказал ему, что пациент тоже в плену у "чехов" был, так он ночью примчался. Когда спросили менты на посту, сказал, что на роды спешит. Денег ни копейки не взял. Сам настрадался, горемыка!

- Ясно. Так Рабинович в городе или у себя оставил?

- В городе. К нему и везу. У меня знакомые уехали к родственникам в Мурманск, матушка захворала, вот ключи и оставили. Будут через месяц, а может и позже. Как будут выезжать - позвонят. Я сообщу, живите. Только не гадьте.

- Обижаешь. Мы с Андреем тебе жизнью обязаны. Так сказать, кровники, только в хорошем смысле этого слова. Кабы не ты, так Рабиновича уже допрашивали бы без перерыва на перекур.

- И дернула же его нелегкая к чеченам в зубы переться. Хотя знаешь, Алексей, я может ничего не соображаю в ваших оперативных делах, но уж больно все это дело попахивает шпионажем.

- Я тоже так думаю, только мне глубоко наплевать. Я вытаскивал своего сослуживца, с которым мы вместе усерались от страха под молдавскими обстрелами. Андрей со своим взводом помог нам выйти из-под минометного обстрела в Дубоссарах. На следующий день там ополченцев человек тридцать за пару минут положили. Сейчас на том месте обелиск стоит, а мог и я там остаться. Поэтому пусть он шпион всех разведок мира, я в эти игры больше не играю. Думаю, что и Рабиновичу этой экспедиции хватило тоже на всю оставшуюся жизнь.

- Наверное, ты прав. Я поговорил с ним, знаешь, в нем жидовского меньше чем в нас с тобой. Нормальный русский мужик, если не фамилия, так и не сказал бы, что еврей. Вот ты говоришь, что и офицер он нормальный. На войне сразу видно, человек ты или дерьмо собачье.

Потом я попросил его выкопать деньги и привезти их мне. Аппаратуру, приемник, сканеры, радиозакладки тоже. Мои наличные запасы быстро иссякнут, коли Рабиновичу нужны медицинский уход и усиленное питание.

Теперь осталось дело за малым. Нужно его вывезти в Москву

и передать в посольство Израиля, пусть они как хотят его вывозят из страны. Это их еврейские заморочки.

Вот и приехали. Почти окраина. Тихий двор. Летом здесь хорошо. Много деревьев, много кустарников. Мамаши сидят с колясочками, рядом бабульки обсуждают самые свежие новости двора и мировой политики. Хорошо им, знают ответы на все вопросы. И как ребенка воспитать и как мировые проблемы разрешить. Если бы молодость знала, а старость могла!

10.

Третий этаж обычной "хрущобы". Дверь отперли ключом, заходим.

- Андрей, свои, - негромко окликнул его Черепанов.

Из-за угла, что вел на кухню вышел Рабинович. В правой руке отвинченная ножка от табурета, в левой - кухонный нож.

- Леха! -тихо произнес он, потом обнял меня.

Обнял, не выпуская из рук ни ножа ни табуреточной ножки.

- Леха! - его сотрясали рыдания.

Он плакал, его слезы текли мне за воротник.

- Ну, что ты, Андрей, что ты! Все позади, все хорошо.

Я отстранил его, было такое ощущение, что я обнимаю скелет. Выпускник Бухенвальда. У самого перехватило горло. Помог Андрею сесть на диван. Он держался за бок.

- Ладно, Алексей, я поехал. Буду через пару дней.

Черепанов попрощался, сам выглядел смущенно. Я закрыл за ним дверь. На всякий случай дверь подпер стулом.

Одно дело просто слышать, что человек истощен, другое - видеть этого человека. Казалось, что ключицы прорвут кожу. Не голова, а череп. Только огромные черные глаза, полные слез, длинный нос, и большие уши. И, глядя ему в глаза, я понял, что правильно сделал - не передал Рабиновича Андрея в руки российских спецслужб, а может и правосудия. Свои интересы я, впрочем, тоже преследовал, но как-то не думал тогда об этом.

Я посмотрел на руки Андрея. Руки старика, а не мужика среднего возраста - веревки вен, темные пятна, шрамы. Пальцы как каминные спички, черные обломанные ногти.

Шея, казалось, не превышала толщины шариковой ручки. Андрей сидел и смотрел на меня. "О, эти печальные огромные еврейские глаза!" - в голове всплыла идиотская фраза, вычитанная где-то когда-то.

Вся наша жизнь была где-то и когда-то. Мы сидели и молчали. Теперь осталось лишь выбраться. Но когда я увидел Андрея, понял, что наша задача усложняется. Сейчас Рабинович не в состоянии быстро перемещаться, доведен до крайней степени истощения. Да и моя физиономия есть в розыске, пока

оперативном, но долго ли объявить, что я подозреваюсь в растлении малолетних, попытке подрыва Мавзолея или краже золота партии, мало ли в чем меня можно обвинить, но то, что я подозреваюсь в связях с иностранной разведкой - факт. Теперь я, глядя в эти печальные глаза, осознал, в какие большие фекалии я наступил. Влип, очкарик! Хотя и не ношу очков, но уж больно фраза подходила к моей ситуации.

Я хотел есть, открыл холодильник, спасибо Черепанову, холодильник был набит едой. Достал купленную колбаску, вяленое мясо. Накрыл стол. В холодильнике я обнаружил литровую бутылочку домашнего вина. Здорово! Теперь надо уточнить, как Андрей стал шпионом. И вообще, за каким бесом его понесло в бандитскую республику Чечня. И что он стал за человек? С годами только коньяк становится лучше, чего не скажешь про людей.

Налил вина, протянул Андрею полстакана.

- За освобождение, Андрей!

- Спасибо, Алексей, спасибо! - слова его звучали настолько искренне, что сердце щемило. - Я никогда этого не забуду.

- Да ладно, - я был смущен, - давай выпьем! За встречу!

- Выпили.

- Как тебя звать-то сейчас? Тут ты был Андреем, а там стал Ави?

- Зови как удобнее.

- А фамилия? Был Рабинович, а стал Коэн.

- Леха, а тебе не все равно, кто я? Или ты стал антисемитом?

- Я-то нет. А вот ты, Андрюха, похоже, стал настоящим евреем. Вопросом на вопрос отвечаешь.

- Извини. Все время забываю, что среди своих. Извини. Привычка. Плен на пользу не идет. Как сказал Варлаам Шалам: "Тюрьма дает только негативный опыт". Наливай.

- О! Это по-нашему. Поехали.

- За встречу. Когда бы еще свиделись бы?

- Это точно. Жизнь чертовски сложная штука. Цепь закономерных случайностей.

- Может, это и есть судьба?

- Кто знает, Андрей, кто знает. Я вот, например, многого не знаю последнее время... Ладно, все потом, сейчас давай выпьем.

Выпили. Закусили.

- Закусывай, Андрей, закусывай. Только не торопись!

Андрей ел жадно и много, казалось, что он не может насытится. Страшно все это, очень страшно.

- Поаккуратнее, Андрей! Я не доктор, но кажется, что так много есть опасно. Мне не жалко - ешь, но может, ты сделаешь

перерыв. Пойми, что промывание желудка придется делать мне. К доктору мы не сможем обратиться, а все это может закончится фатально. И все труды - коту под хвост. Тебе это надо? - этот монолог я произнес под молчаливое чавканье Андрея. - Как здоровье-то?

- Гораздо лучше. Гораздо. Думал, что сдохну в этой вонючей яме. Спасибо тебе, Алексей, спасибо.

- Хватит благодарить, а то ты меня в краску вгоняешь, - я потрогал щеки.

То ли от выпитого, то ли от смущения, но они горели.

Посмотрел на Андрея, у него глаза осоловели. Понятно, устал человек. На меня столько свалилось, а на него еще больше.

- Давай, Андрей, выпьем еще по одной, и ложись спать. Тебе сейчас надо много спать. У меня к тебе много вопросов, но ты сейчас не в форме, доходяга. Завтра схожу за витаминами. Купим курочку, бульон сварим, поправишься. Потом, когда оклемаешься, шухер вокруг нас уляжется, потихоньку выберемся в столицу или еще куда, и поедешь в свою землю обетованную. И не будет там чеченцев, - я вздохнул.

- Там своих террористов хватает. И неизвестно, Алексей, что лучше, когда вот такая мятежная республика, но тут более-менее все понятно, или там - все скрыто, но люди гибнут почти ежедневно.

- Чего ты хочешь, Андрей, - я разливал вино, - это же Восток. А Восток - дело тонкое. Рахат-лукум с ядом. И сладко и смертельно, кофе с бриллиантовой пылью. Да хрен с ними, с этими гадами. Большая половина сделана, ты на свободе. Я, правда, потерял миллион долларов, но ради тебя не жалко.

- Как выглядит миллион долларов?

- Сладко, Андрей, сладко. Эх, миллион, миллион! - я с сожалением махнул рукой. - Тут можно сделать старый армейский финт.

- Какой?

- Поднять правую руку вверх, сказать: "Да, и хрен с ним!" и резко опустить руку вниз.

- Не жалей денег, Алексей.

- Я и не жалею. Если бы пожалел, то ты бы и не сидел здесь, а твои пальцы рассылали по всяким посольствам и гуманитарным организациям.

- Это точно. Спасибо.

- Что ты как попугай заладил. Спасибо, спасибо. Пожалуйста. Ты бы сделал точно так же для меня. Давай выпьем, - я опрокинул свою порцию спиртного в рот.

- Не знаю, не знаю, - Андрей задумчиво смотрел в стакан,

медленно раскачивая его. - Честно говорю, Алексей, не знаю. Ладно, давай выпьем. Извини, я что-то действительно устал, - Рабинович-Коэн выпил, закусил.

Потом он пошел спать, а я стоял на кухне и курил у форточки. Стоял, сначала всматривался в сумерки, старался заметить какое-нибудь подозрительное движение. Но ничего не заметил. Хочется верить, очень хочется, что мне удалось оторваться от своих бывших коллег, но, зная их повадки и волчью хватку, сомневался.

Затем просто стоял и дышал воздухом на балконе. Осень отличается в различных регионах. Если, например, в Сибири нет осени и весны, то есть, снег сошел, вроде и листочки зазеленели, но все равно еще очень холодно, на 9 Мая может и снег пойти, и в июне бывает, что снег идет, а потом раз проснулся утром, а на улице чуть ли не тридцать градусов тепла. Лето очень короткое, месяц. Июнь дождливый, в июле жара - асфальт плавится, в августе по ночам заморозки на почве. Потом затяжные дожди, и в октябре ложится первый снег. Он, конечно, растает, но все - наступила зима.

В средней полосе России зима мягче, а весна очень затяжная. Каждое время года на Волге имеет свои четкие границы. Очень люблю осенью в Поволжье ходить по дубовым рощам, и, зарывшись по щиколотку в опавшую листву, бродить в ней, пиная и подбрасывая листья вверх.

Весна в средней полосе тоже быстрая, спорая. Снега за зиму выпадает ничуть не меньше чем в Сибири, но тепло приходит быстро. Снег тает, ледоход на Волге - замечателен. Огромные льдины, с пушечным грохотом наваливаясь друг на друга, плывут вниз по течению. Весь город выходит на набережную смотреть на начало ледохода. Целую неделю, а то и две, над городом стоит грохот, как будто на окраине идет бой.

Когда был пацаном, чтобы доказать, что ты не трус, с ребятами в заводях, затонах катались на огромных льдинах, отталкиваясь огромными жердинами-шестами от дна. Льдина как живая под тобой, пытается скинуть в ледяную воду, шевелится, наклоняется, колышется. Вспомнилось, как льдина подо мной раскололась. Она начала переворачиваться, становиться на торец. Сначала ужас сковал все тело, но уже через полсекунды я начал действовать, перебежал на другой край, шест использовал как балансир. Знал, что если упаду в воду, то намокшая одежда утянет на дно. И, несмотря на ледяной ветер я вспотел. Потом, когда причалил к берегу, я смотрел на льдину и Волгу, глубоко дышал и был удовлетворен. Я победил.

От нахлынувших воспоминаний бросило в жар. Я вытер пот

со лба тыльной стороной ладони и расстегнул рубашку почти до пояса. Ветер начал остужать тело Хорошо!

А вот зима, весна и осень на юге отличаются и от Сибири и от Поволжья. Когда служил в Кишиневе, то зимой не надо было теплой одежды. Снег может выпасть только раз за зиму, был и такой Новый Год, когда лил проливной дождь. Весна тоже своеобразная. Цветет все, буквально все уже в марте, когда в Сибири еще сугробы и не начинают таять. И запах - опьяняющий, оглушающий запах плывет над землей. Воздух настолько пронизан, пропитан этими запахами цветения, что кажется ты не дышишь им, а пьешь божественный нектар. И хочется жить и любить. Эх, были времена!

Осень же на юге долгая, до ноября природа не желает засыпать, она борется. И трава зеленая. Когда уже и в Сибири и в Поволжье ложится снег, то на юге все только начинает готовиться к зимней спячке. И воздух здесь особенный. Есть в воздухе Ставрополья что-то неуловимое, какой-то флJр, какое-то очарование.

Я закурил, растер грудь. Хорошо. Может, когда сорву с евреев банк, стоит переехать сюда? Не обязательно именно сюда, а просто поближе к морю, купить домик с небольшим садиком, летом сдавать пристройки приезжим, зарабатывать деньги, а самому заняться писательством? Писать книги о войне, о своей жизни, о настоящей дружбе и настоящей любви.

Купить кресло-качалку, клетчатый плед - кутать ноги, курить сигару или трубку, потягивая вино или коньяк возле камина под чуть слышную музыку... Я даже представил эту картину...

А что? Дело почти сделано, осталось переправить Андрея к евреям, взять деньги, продать свою квартиру, помахать "дяде" ручкой и отбыть к морю, зимой как раз и цены на недвижимость упадут. Всех денег должно хватить и на мебель и машину поддержанную. Почему бы и нет?

Вот только летняя жара, которая сушит мои контуженные мозги. Но ведь можно спать на улице ночью, а днем сидеть в тени виноградника и пить разбавленное вино.

Меня в Молдавии научили. На стакан воды - холодной, ледяной, наливаешь тридцать-пятьдесят граммов сухого красного вина. И жажда отступает. Эх, хорошо! Хорошо, чтобы так все получилось!

За спиной раздались тихие шаги. Я обернулся. Андрей шел ко мне, потирая глаза.

- Чего не спишь? Во сне образуется гормон, который восстанавливает силы. Не подумай, что я такой умный, это в одной передаче случайно увидел. Иди спи, тебе поправляться

надо.

- Я боюсь спать. Нам не давали спать. От этого сходишь с ума. Тебя не кормят, бьют почти постоянно, не дают спать. В яму, в которой мы сидели вываливали отходы - мы это ели, на нас опорожнялись, на нас просто гадили. Дай сигарету.

Мы молча стояли и курили. Андрей меня вырвал из моей мечты. Так хорошо было, а теперь надо возвращаться к реалиям. Бандиты, разведки, раненые, смерть. Очень хочется в этот домик к камину в кресле-качалке, и пусть все проносится мимо меня. Мой дом - моя крепость. Я понял только сейчас смысл этой фразы.

В принципе, по большому счету, какой ерундой мы занимаемся, и тратим всю свою жизнь на все эти погони, шпионаж, контршпионаж, жуликов, подставы, провокации. Онанизм, а не работа, а жизнь никуда не годится. Нужны лишь две вещи - здоровье и деньги. Все остальное - шелуха луковая. Ну и, конечно, друзья.

Хотя тебе, Леха, уже тридцать годов, а где твои друзья? Много ли ты их нажил за всю жизнь? Нет. Друзей нет, жены нет. Дочь считает тебя монстром. И квартира для тебя только место, где ты спишь, иногда приводишь к себе женщин, которых ты не любишь, и ждешь от них лишь одного.

Ну вот, сам себя загнал в угол. Дерьмо! Я со злостью выбросил сигарету на улицу и сплюнул вслед. А так хорошо начиналось! А потом пришел Рабинович и все испортил. Анекдот, да и только! Пришел поручик Ржевский и все опошлил!

Мы молча стояли. Андрей тоже молчал. С ним надо что-то делать. Без психического здоровья нет физического, а вот как подлечить его нервную систему? Можно попробовать тот курс, что мне прописывали. Название препаратов я помню. Сосудорасширяющие, успокаивающие. Проще всего посадить его на легкие наркотики типа марихуаны, но не хотелось. Тогда мозги вообще могут съехать. Не стоит. Завтра же схожу в аптеку и наберу всего, что вспомню. Уколы тоже неплохо, но я их делать не умею. Это же не тюбик с промедлом - в любую мышцу коли на здоровье, тут надо по-другому. Как - не знаю.

Можно было бы и не стараться, я же выполняю свою работу. Доставил Андрея - заработал деньги. Слупить бы с них еще тысяч тридцать долларов. Жадные, не дадут!

- Что делать, Андрей, будем? Так ты совсем с ума сойдешь. Посттравматический синдром, так, кажется, называется?

- Так. Не знаю. Меня всего как бы выворачивает наизнанку. Боюсь замкнутого пространства, боюсь темноты, боюсь всего. Прямо не человек, а затравленное животное.

- Это чеченцы умеют делать. У них это на конвейер поставлено, прямо как государственная политика. Рабовладение - государственная политика накануне 21 века. Все повторяется в этой жизни, истории, только на новом витке спирали.

- А ведь мы им привезли гуманитарную помощь! И вляпались во все это!.. - Андрей тяжело вздохнул. - Пойдем выпьем, коли я все равно не могу заснуть, так хоть отвлечься.

- Пойдем. Расскажи, как все было. И вообще про себя немного.

Мы сели за неубранный стол, я достал свою бутылку вина. Не убрал в холодильник, придется пить теплое. Понюхал, нормально, пойдет.

- Леха, давай молча выпьем. Помянем тех, кто не дошел со мной. Ты их не знал, но поверь, это были очень достойные люди. Тебе было бы интересно с ними пообщаться. Неординарные личности. Давай за них.

- Давай! - мы выпили молча, стоя.

- Рассказывай.

- Откуда начинать?

- С мая 1992. Тогда наши дороги разошлись, а сейчас вновь переплелись. Забавна человеческая судьба. Кстати, дети есть?

- Есть. Двое мальчишек. Иван и Сергей. В честь дедов назвали. В честь моего отца и отца жены. Правда, у них сейчас другие имена. Пойми правильно...

- Да хрен с ним. Понимаю, иначе нельзя было.

- Вот именно, нельзя.

- Как-то не по-еврейски.

- Что ты заладил - еврей, не еврей! Я - наполовину русский. Мать русская, отец тоже наполовину еврей. У жены батя украинец, а мать - еврейка. Девичья фамилия матери Хомайко. Так кто мои дети? Евреи? Мы их учим трем языкам: русскому, украинскому и ивриту. Там - Вавилон. Смешение рас и народностей. Как в России: от чисто нордической внешности до азиатской - и все русские. Там то же самое. От негров до норвежцев - все евреи. Так что мы во многом похожи. Россия и Израиль - братья навек! Смешно, правда?

- Ладно, рассказывай.

- Помнишь, как в мае 92-го мы все дружно драпали из Молдавии? - Андрей перестал глотать слезы и сопли, "дальние" воспоминания вытеснили "ближние".

- Нас тогда всех объявили военными преступниками, и оставаться в Кишиневе было бы глупо и самоубийственно, - я сделал большой глоток вина, затянулся сигаретой. - Я, как и многие, бросил там квартиру со всем нажитым барахлом. Потом

начинал с нуля. Как после пожара.

- Ты эвакуировался куда?

- Сначала до Москвы, затем в Челябинск, потом - Новосибирск, Омск.

- А я сначала в Одессу, потом в Киев перевели. Поступил на службу в украинскую армию. Но там уровень антисемитизма был такой, что пришлось срочно увольняться.

- Ты что, серьезно? В хреновой Советской армии было всем все равно, какой ты национальности, главное, как служишь. Конечно, не без зубоскальства, но национализма не было. Помнишь старую песенку:

"Кто не знает пятый батальон?
По всему Союзу ездит он,
грузит ящики в вагоны, тормозит на перегонах,
водку пьет, ворует на ходу.
В нашем батальоне все равны:
Русские, евреи и хохлы!.."

- Помнишь, Андрей? По-моему эта пошлая курсантская полублатная песенка отражала всю суть национальной политики. Пофигу, кто ты, - будь настоящим мужиком!

- Помню. У нас в батальоне офицеры и прапорщики были и болгары и молдаване, и украинцы, гагаузы, грузин, турок, татарин, я - еврей, русские, конечно. Подтрунивали, не без этого, друг над другом. Часто называли наш коллектив "Ноевым ковчегом". Но никто не позволял оскорблять другого по национальному признаку. В украинской армии было совсем иначе. Кроме как "жид" я ничего другого не слышал. Помнишь же как я работал на аппаратуре? Или я хреновым командиром был, Андрей?

- Помню. По первому классу. На "мастера", конечно, не тянул, но рядом с ним был.

- Ну вот, прослужил я там месяц, потом мне было предложено уволиться. Уволится по профессиональной непригодности. Плевать, что я корпел над изучением украинского языка. Помнишь, как я быстро освоил молдавский? Украинский ближе к русскому, поэтому не составило большого труда. И разговаривал я гораздо лучше других "иностранцев". Но все равно - уволили за "профнепригодность".

- А потом?

- Предложили послужить в армии Азербайджана. Сначала инструктором, потом и штатным офицером. Там я сделал головокружительную карьеру. За год дослужился до подполковника.

- Сам что ли себе присваивал? Или звездочки каждую неделю

прилеплял? Погоны не устал перешивать?

- Да нет, хорошо воевал. У них немного офицеров было. Тем более готовых лезть под пули.

- А ты лез?

- Старая привычка.

- Ранен?

- Так, разок - легко, ерунда, спину вскользь зацепило. За месяц все затянулось, только шрам на восемнадцать стежков остался.

- Семья-то где это время была?

- В Баку. Квартиру дали.

- Андрей, по-моему, ты просто врешь. Азербайджанцы мусульмане, а ты тут мне баки забиваешь, что тебя с не совсем, мягко говоря, мусульманской фамилией взяли в азербайджанскую армию.

- Фамилию я изменил. На Украине купил паспорт, сделал себе в строевой части новое удостоверение личности офицера. Личное дело никто не запрашивал, да оно у меня, в принципе, было готово...

- Все признаки агента-нелегала. М-да, в те времена можно было и не такое соорудить. Если простой офицер мог такое сделать, то про спецслужбы я уже и не говорю... В армии России, похоже, немало таких вот шпионов.

- Тебя это волнует?

- Да уже нет, просто привычка. Надо избавляться от нее. Хрен с этими шпионами, пусть хоть всю армию наводнят... Плевать.

- А ты как сам жил?

Я вкратце рассказал ему свою незатейливую историю.

- Жалеешь, что ушел?

- И да и нет. Я привык к системе. Привык к образу жизни, к образу мыслей. Образовался какой-то круг интересов, круг знакомых. Теперь я всего этого лишен. И что делать, честно говоря - не знаю. И теперь полжизни буду под "колпаком". Чую, что не подняться мне в этой жизни выше должности младшего помощника заместителя старшего дворника. Давай выпьем. И хватит из меня информацию вытягивать, морда иезуитская, рассказывай сам про себя. Чем в Азербайджане занимался еще?

- Ничем особенным. Война, она с любой стороны одинаковая. Пот, страх, слезы. Мне повезло, я подготовил своих бойцов. Бились отчаянно. С армянской стороны было много наемников. И русских и белорусов. Украинцев тоже много было.

- Наших не встречал?

- Не доводилось. Может кто-то и бился, но не попадался.

- Попался, отпустил бы?

- Не знаю, смотря при каких обстоятельствах. И какие были бы свидетели. Их же, наверняка, убирать бы пришлось. Сам понимаешь...

- Заматерел ты, Андрюха, заматерел, не ожидал.

- Жизнь заставила. С волками жить...

- Чем служба закончилась?

- Перевели меня в оперативный отдел Министерства обороны Азербайджана. Я тем временем поднатаскался в азербайджанском...

- Ты прямо полиглот! Много языков вообще знаешь?

- Не считал. Самое сложное - освоить два языка, а потом они все родственные. И я же не учил в совершенстве. Так, на бытовом уровне. А там словарный запас большой не нужен.

- Ну, и что дальше?

- А ничего, Алексей. После того как пошли поражения на фронте, экономика полетела к чертовой матери, началась "охота на ведьм". В первую очередь попали под подозрение те, кто не азербайджанец. Были провокации и против меня. В кутузку кидали. Думали, что шпион. Начали проверять мою легенду. Не профессионал я, много слабых мест там было. Ну, я пришел в консульство Израиля в Баку и иммигрировал. Вот и все.

- А потом?

- Безработица. Семья кушать хочет. Был всем и никем одновременно. Хватался за все, что предлагали. Это в СССР хорошо быть евреем. А в Израиле кругом одни евреи. И там я стал чужим. Таких как я называют русскими, а здесь я - еврей. Все как в кино. "Свой среди чужих, чужой среди своих".

- А что в армию не подался?

- У кого двое детей, и старше двадцати шести - не берут. Ходил. Там что-то наподобие русских военкоматов есть.

- Свистишь ты, Андрюха, как Троцкий. Был бы ты простым работягой, то хрен бы за тебя заплатили миллион баксов. Вели бы долгие и нудные переговоры, получали бы твои пальчики по почте. Потом объявили на весь мир, что чеченцы - козлы, и все. Свистишь. Кем ты был в этой группе?

- Никем. Грузчиком, водилой, поднеси-убери. И все.

- А до этого?

- В Египте участвовал в археологической экспедиции. Раскопали мы одно поселение, там жили рабочие, которые строили одну из пирамид.

- Золото было?

- Если бы золото было, то разве я поперся бы в Чечню? Спер бы пару кило и заныкал на заднем дворе. А так пришлось поехать.

- Ладно, а для чего тебя выкупали? Тем более, если ты не

сотрудник спецслужб? Послали бы запрос по линии МИДа и сидели-ждали. И не устраивали такую катавасию со мной. Я, между прочим, в ФСБ на допросах побывал. Под полиграфом посидел. Слыхал о таком?

- Слышал. Газеты и журналы читаю. Постоянно, - Андрей кивнул.

- Поэтому мне твои кореша еще денег должны. Подтвердишь?

- Конечно. Только надо до них сначала добраться.

- Доберемся. Надо просто отлежаться. По опыту прежней работы знаю, что активно ищут два месяца, а потом - пассивно. Да и искать будут только меня. Про тебя у них мало информации. Если бы можно было тебя кому-нибудь доверить, то для того чтобы "собак" сбить со следа, поехал бы домой и жил бы как нормальный гражданин. Будем надеяться, что не объявят меня маньяком серийным убивцем. Тогда каждый сознательный гражданин будет считать своим долгом сообщить о моем нахождении. А то и лично удавить и получить похвальную грамоту "За убийство двойного агента!"

- А что, могут?

- Запросто. Сам таким был. Эх, были времена, были, Андрей.

- А меня не хочешь сдать?

- Меня же за это на службе не восстановят. Восстановили бы - нет вопросов, сдал. Не шокирует?

- Нет. Я понимаю, работа, ничего личного. Сам таким в Азербайджане был. В спецслужбах учат многому, но благородство вышибают напрочь в первые же дни. Так расскажешь, чем занимался в Чечне?

- Зачем тебе это знать, Алексей? После этого за тобой будут охотиться еще сильнее. Ты станешь носителем информации и я им уже буду не так нужен. И твои фокусы, что ты показывал местным, не помогут. Поставят на "конвейер" и все узнают. Есть же масса способов. Сам знаешь. Начиная от морального давления, физического унижения, вплоть до медикаментозного. Тебе это надо? И когда из тебя достанут эту информацию, ты станешь просто половой тряпкой. Ведь ты же просто хочешь удовлетворить свое любопытство, не более того. Для чего же все это было затеяно? Из-за чего ты страдал? Я прав?

- В принципе - да.

- Алексей. Я благодарен тебе, что ты вытащил меня. И этого я не забуду до гробовой доски. Потому что ты рисковал всем. Абсолютно всем. И я приложу максимум усилий для того, чтобы тебе по высшей планке компенсировали твои страдания. Наливай!

Мы выпили.

- И все-таки, что ты знаешь?

- Я сам не знаю. Не делай удивленные глаза. Я что-то видел, что-то слышал, я был простым работягой, не более того. Но, видимо, мои знания представляют какой-то важный кусок в большой мозаике. Ни ты, ни я не знаем, что из себя представляет эта мозаика, но я нужен и Москве и Тель-Авиву. Очень нужен. Если заплатили миллион долларов. Не стали работать по официальным каналам. Меня могли достать и спецслужбы России. Под газетную шумиху передали бы в Израиль, а перед передачей выпотрошили бы основательно. Не знаю я, Алексей, не знаю, что именно надо. Догадываюсь, но не знаю.

- Попробуй графически на бумаге изложить все это в виде схем. По себе знаю, очень помогает для анализа обстановки и информации. Сразу высвечивается причинно-следственная связь. Можно прогнозировать события, а также недостающие куски. Фрагменты складываются в общую картину. Подумай. Мне в принципе плевать. При хорошем раскладе - отсидимся здесь месяц-другой, потом выезжаем в Москву и там я передаю тебя в руки Израиля. Получаю причитающуюся мне премию.

- Сколько хочешь?

- Хочу сто тысяч, но готов торговаться до пятидесяти тысяч.

- Шекелей?

- Ты мне еще бусы предложи или огненной воды! Долларов и только долларов, можно и фунтов стерлингов, но сумма изменению не подлежит.

- А что ты будешь делать с такими деньгами? Поверь, это большие деньги, очень большие, я таких денег не видел.

- Эх, Андрюха, Андрюха! У меня в руках миллион был. Правда, чужой, но был. Поэтому эти пятьдесят тысяч на его фоне смотрятся как нищему подачка. А вообще хочу уехать к морю, купить домик, жить, просто жить. Без спецслужб, чтобы они все провалились, без чеченцев. Там, куда я планирую, будет восемь месяцев в году тихо и спокойно, и четыре месяца будет шумно. И тогда не будет национальностей, все будут приезжими. А кто они - плевать, лишь бы платили за поднаем комнат.

- Был соблазн присвоить миллион долларов?

- Был. Врать не буду. Был. Эх, миллион! Как он сладко пахнет. Ты даже не можешь себе представить. Я вот не стою миллиона. А ты стоишь. Твое правительство его отвалило.

- Не я стою, а то, что я знаю, хотя осознать толком не могу, что же я знаю. Видимо, что-то важное, раз заплатили миллион.

- Слушай, а зачем фамилию менял? Что Рабинович, что Коэн, - а по-русски Коган - одинаково. Что в лоб, что по лбу.

- Коэн очень похожа на английскую, меньше вопросов. По-

английски немного умею говорить, поэтому можно сойти за англоговорящего еврея, а это иногда лучше, чем русскоговорящий еврей.

- Ясно. Человек-загадка. Шпион, стоящий миллион долларов. Я не стою и десяти тысяч долларов. Чудны дела твои, Господи!

Я уже начал клевать носом, хотелось спать.

- Давай, Андрей, еще по одной, и спать. Я что-то устал.

- Давай.

Выпили. Пошли спать. Я разместился в зале, Андрей - в спальне. На всякий случай я поставил пару пустых бутылок на стул, что подпирал входную дверь. Поможет проснуться, если что. А вот только что толку. Если будет штурм, то не отбиться от спецназа. Порвут как Тузик тряпку. Уповать на Бога лишь остается, и на госпожу Удачу-Фортуну, хотя, наверное, это одно и то же. Я старался спать чутко. Андрей в соседней комнате ворочался, часто просыпался, что-то кричал во сне, пару раз вскакивал, потом скатился с кровати и начал забиваться под нее, что-то кричал на непонятном мне языке.

Я разбудил его и снова уложил на кровать. Он был весь мокрый от холодного пота. Он снова забылся тревожным сном. Всхлипы его чередовались с агрессивными криками. Был смех, были слезы. Тяжело Андрею, тяжело. Чеченский плен никому еще на пользу не шел. Ну ничего, на его Родине есть толковые врачи, в том числе и психологи, они его подлечат, поставят в строй, будет снова Рабинович-Коэн работоспособным шпионом.

Конец первой части

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

1.

Пока я отмывал руки от его пота, вспомнил, как сам так же просыпался ночью, после командировки в Чечню, искал под диваном автомат... Часто снился один и тот же сон, будто вновь прикрываю отход своих, как тогда, когда мы под Гудермесом напоролись на засаду. Прикрывал отход группы двадцать минут. Ушел не потому что отбил противника, а просто остался один магазин с патронами. И меня начали обкладывать гранатами от подствольника.

А потом я три часа выбирался один по лесу к своим. Хотел сбить духов со следа основной группы, да и сам, не желая того, - заблудился.

Это снилось мне особенно долго. Даже не сам бой, а вот как я пробирался по заминированному лесу. И как нашел пару солдатских трупов, свежих трупов в лохмотьях, все, что осталось от десантного обмундирования. Их пытали, следы были видны, а потом загнали на растяжку. Или они сами попробовали рвануть,

но попали на растяжку. Ф-1, в народе - "лимонка", штука чересчур серьезная. Парни еще пытались отползти, но потом умерли от контрольных выстрелов. Это был верх милосердия. Избавили духи парней от мучений.

Все это ясно читалось по совсем свежим следам, максимум суточной давности. Что эти двое делали вдали от своего подразделения неизвестно. Документов при них не было, лишь металлические, штатные жетоны были на шеях, я их срезал и забрал с собой.

Мне повезло больше, я вышел к своим, вышел прямо на позиции своей части, а не соседей. Повезло. А то бы всю душу вымотали, устанавливая мою личность.

Вот этот поход по лесу мне и снился.

Тогда, в том бою, было у нас трое раненых, а всего десять человек. Разведотделение разведроты, командир разведчиков и я. Пошли проверять информацию, которую получили разведчики. Всегда говорил, что мало у них оперативного опыта работы. Не верили мне, а поверили духу, пошли ликвидировать схрон с оружием и боеприпасами, а напоролись на эту организованную засаду, еще чудом ушли. Благо, что парни были подготовленные, и бывали во многих переделках.

Они не докладывали о своем "проколе", я тоже молчал. Раненые подтвердили, что были ранены, когда отбивали атаку духов на наши позиции.

За мое молчание разведчики мне были очень благодарны.

Потом разведчики искали этого агента, но его и след простыл, а на чердаке его дома обнаружили следы лJжки пары раненых. Наши не могли у него отлеживаться, мирным мы оказывали первую медицинскую помощь. Значит, это могли быть только духи.

Разведчики от злости за своих раненых взорвали его дом, а потом проверили деревню. Я им подарил оперативную информацию. Нашли десяток автоматов у "мирных", да пару ящиков с артиллерийскими минами на кладбище. Когда мы начали раскапывать могилу, на надгробном камне была повязана зеленая лента, значит - шахид. Душман, который погиб от рук неверных. Попросту говоря, наши убили духа. Не отомщенный. Только пошли мы на кладбище, тут же собралась вся деревня. Пришлось отгонять их автоматными очередями поверх голов.

Когда из земли показались зеленые армейские ящики, подозвали старейшин. Чтобы те посмотрели. Они крайне неохотно и с опаской подошли. Потом что-то сказали своим односельчанам., те тут же отошли метров на триста.

Вытаскивать, а тем более открывать ящики мы не стали.

Привязали к крышке веревку, дернули...

Ахнуло так, что половина памятников на деревенском мусульманском кладбище завалилась. А останки шахида, которые по Корану должны пахнуть мускусом, раскидало по всему кладбищу.

Толпа местных тут же тихо покинула кладбище.

Крышка была заминирована, а еще часто духи под ящики ставили гранату без чеки. Поднял, и все - привет родителям, да еще и груз в ящике мог взорваться.

Так что тот дух погиб зазря, и его товарищи по оружию не оставили в покое его тело после смерти. Смрад, кстати, был сильный. М-да, были дела! Была работа, настоящая мужская работа, все было ясно и понятно, и денег не надо было тогда, а сейчас?..

Кто сейчас Леха, кто? Наемник? Предатель? Спасатель? Не знаю, не знаю... Поживем - увидим, что из этого роя получится.

Остаток ночи я спал плохо, ворочался, Андрей всю ночь с кем-то воевал. Мешал русские слова с другими. Была и английская речь и молдавская, были слова на чеченском языке и на арабском.

Интересная штука - человеческий мозг. Постоянно всплывают ассоциации. Когда мозг не загружен ситуационной обстановкой, цепляется за любой внешний раздражитель и сам себе придумывает работу.

Вот и сейчас, когда я услышал арабскую речь, вспомнил, как поймали чеченца, поймали с оружием - связник. Шел от одной банды к другой. Поймали при обычном рядовом досмотре на блок-посту. Мужику было лет под шестьдесят. Идет, бредет дедок. Насторожила мозоль на указательном пальце правой руки. У него итак руки в мозолях трудовых были, а тут особенная мозоль, специфическая. Она появляется от постоянной стрельбы из стрелкового оружия. Потом правое плечо посмотрели. И на одежде и на теле - следы от ношения оружия - автомата. А когда уже начали его раздевать, он попытался выдернуть пистолет из-за спины. Был спрятан за поясом брюк. Потом мы его допросили

Молчал дед недолго. Много интересного узнали. А когда он понял, что он нам больше не нужен, то попросил прочитать молитву, мы ему показали, где Восток. Вот тогда я и услышал, как звучит молитва на арабском языке. Я бы язык сломал, наверное.

Эх, Андрей, Андрей, я-то думал, что уже забыл все это. Не забыл, не забыл. Жаль, если бы мог, то многие вещи из своей памяти стер бы, как ластиком-резинкой текст на бумаге, раз - и все. И пиши по новой, что-нибудь поверх стертого.

Наутро я долго, очень долго смотрел за двором через тюль. Все спокойно, все тихо. Обычный двор старого дама, где выросло уже не одно поколение, и все друг друга знают. Знают они и все про каждого. А я здесь новое лицо. Непривычное. Одежда, походка, говор, манеры, мгновенно выдают, что я чужой. Для меня это дополнительная опасность и сложность, хотя и работа наблюдателей затрудняется.

В бригадах наружного наблюдения почти всегда есть женщины. Молодые и не очень. Женщина всегда, а это правило, вызывает меньше подозрений у мужчины. Принято считать, что они слабее. Заблуждение, стереотип, который сгубил немало отчаянных голов.

Женщина по своей сути более коварна, более изощренна, изворотлива и хитра. И зачастую более целеустремленна. Взять хотя бы мою бывшую жену. Классически ободрала до нитки, "кинула". Я бы не смог, а она смогла. Теперь женщинам нет доверия.

Я смотрел на двор. Обычная идиллическая картинка среднестатистического российского двора. Три бабушки сидят и что-то обсуждают. Молодые мамаши в количестве четырех штук выгуливают своих ненаглядных отпрысков в возрасте от грудного до начавших ходить. Этот возраст у своей дочери я пропустил. Постоянно был на службе и в командировках на войнах.

Все тихо. Слишком тихо.

Хотя какая-нибудь из этих бабулек элементарно может быть обладателем значка "Почетный чекист". А мамашка запросто может находиться в декретном отпуске, но призвали на несколько дней, за что она получит премию на питание для малыша. Никому верить нельзя. И территория здесь чужая, я не знаю ни проходных дворов, ни проходных подъездов, ни подвалов, не знаю ничего. И я даже не турист, а дичь, которая находится на чужой территории. Вдобавок ко всему, у меня еще на руках изможденный, психически неуравновешенный русский еврей с измененной фамилией. М-да, Алексей, ситуация! Но не сидеть же здесь сиднем до скончания века.

Я поднялся на последний этаж. Замка на чердачном люке не было, это хорошо. Надо будет обследовать, и будем иметь в виду. Так, на всякий случай. А случай действительно может быть всякий.

С праздным видом я вышел на улицу. Настороженный человек всегда вызывает подозрение. Пошел в спортивном костюме. Идет жилец или гость в магазин.

Кроме приличного запаса продуктов и вина взял успокаивающие капли и таблетки, объяснил, что бабушка

приехала, спит плохо. Теперь Андрюху будем каждый вечер валить спать внушительной дозой безвредного успокаивающего. Хотя, если всю эту гадость выпить, то можно и коньки отбросить. Это запросто. Надо посмотреть, чтобы он этого не сделал. И жалко мужика и денег моих тоже жалко. И что же я потом буду с трупом делать?

В Конторе скажут, мол, миллион ты сбросил, а почему этого не отдал? И припишут связь с импортной разведкой. Теперь Андрея надо беречь. У него сейчас - как он там называется? - а, "посттравматический синдром". Вспомнил. Самого после Чечни "ломало"; рассказывали, что кто-то жизнь самоубийством кончал, и это при том, что мужики были у себя дома. Медицина, друзья, семья. Почет, уважение, слава, все, что душе угодно. А вот Андрей без медицины и на чужой территории. Он - дичь. Более лакомая, чем я, но все равно - дичь. И при захвате мной можно пожертвовать, а вот голову шпионскую будут беречь, и если что - будут лечить не тюремной больнице, а в лучшей клинике Москвы. Это такой же факт, как и то, что Земля вертится! Тюремная больница для таких как я.

К дичи мелкого сорта и отношение соответственное. "Идет охота на волков, идет охота, на хищников матерых и щенков..." - вспомнились слова из песни Высоцкого. Если до приобретения в свою собственность Андрея я был матерым хищником, то теперь я стал щенком. Дела...

Я заходил по дороге во многие магазины, проверялся. Не заметил особой оживленности вокруг моей фигуры. Не заметил. Неужели мне удалось обмануть Систему? Похоже на то. Мне удалось обмануть Систему!!! Неужели это вообще возможно? Получается так. Я! Именно Я обманул Систему!!! Я обманул Контору!!!

Я ликовал, я упивался собой. Я любовался собой. И когда я смотрел, как в дешевом кино, в витрины магазинов, я наблюдал не только за обстановкой на улице, но и смотрел на себя. Какой же я молодец!!!

Могут выставить наблюдение и на контрольных точках, но не видел я ничего подозрительного. Не видел и все тут! Я хотел увидеть, но не видел!

Метки на внешней стороны двери квартиры были целы. Сор возле двери тоже не был потревожен. И во дворе, когда, заходил, тоже все тихо.

Открываю дверь ключом. В ванной льется вода, Рабинович что-то напевает. Прислушался, поJт по-русски.

На кухне начинаю готовить супчик из курочки. Пусть Андрей поправляется. Он моется долго, я не тороплю его. Он долго уже

не видел горячей воды, пусть расслабится, получит удовольствие от такой банальной, на первый взгляд, вещи, как горячая вода. После всех своих командировок по войнам я тоже любил полежать, отмокнуть в ванне. Баня хорошо, но ее нет в моей квартире. А здесь родная ванна. Еще люблю в ванной выкурить сигаретку-другую, бутылочку-другую пива выпить, почитать книгу. Когда последнее время жил один, то любил полежать в ванной, потом спустить воду, обсохнуть и, обмотавшись полотенцем, шлепать мокрыми ногами по квартире. М-да, были времена, были.

Ничего, ЛЈха, ничего! Скоро купишь себе домик у моря и будешь купаться, а осенью, когда отдыхающие уедут в свои северные города, будешь бродить по пустому пляжу в гордом одиночестве, и никто не будет тебе мешать думать. И не будет ни "наружки", ни "прослушки"! Только ты и море.

Курица почти сварилась, я добавил в бульон лапши, картошки, лука, посолил. Ну вот, почти все готово.

Вышел Андрей. Он хорошо выглядел. Лицо посвежело, вид отдохнувший.

- Здорово, мужик!

- Привет.

- Как водичка?

- Ох, хороша! Чудо, а не вода. Так хорошо просто полежать, понежиться в горячей ванне.

- Тебе что, духи не устраивали баню?

- Нет, конечно, я же для них был куском мяса, не более того.

- Ничего себе - кусок мяса! Кусок мяса, стоимостью в миллион долларов. Самое дорогое мясо! Если бы они знали, кто ты на самом деле, то оценили бы дороже. А еще могли просто продать арабам. Те бы отвалили побольше.

- Алексей, я всего лишь простой археолог...

- Ну-ну, - перебиваю я его. - Знавал я одного такого археолога.

- Как его звали? - Андрей заинтересовался.

- Индиана Джонс.

- Ты просто пересмотрел кинофильмов, - он смеется. - Как там на улице?

- На улице хорошо, даже очень хорошо, но, извини, тебе туда хода нет.

- Понимаю. Но там тихо?

- Очень тихо. Мне кажется, боюсь сглазить, тьфу, тьфу, тьфу, что мне удалось обмануть Систему! - я горд.

- Систему обмануть нельзя! - голос Андрея неожиданно тверд. - Нельзя! Можно обмануть одного человека из Системы, можно

даже обмануть сто человек из Системы, можно их убить, но саму Систему нельзя ни обмануть, ни убить.

- Так система состоит из людей, из человеков, - обманул их, значит, обманул и Систему. Причинно-следственная связь.

- Нет, ты не понял. Что есть государство? Государство - система взаимоотношений. Тут масса взаимоотношений и между людьми и между классами и так далее. Система госбезопасности всего лишь маленькая подсистема в огромной Системе. На языке программистов - это подпрограмма. Маленький кирпичик в большой стене-мозаике. Русскому человеку противоречит сама система, ее название, ее суть, ее соль, если хочешь. Что смотришь на меня так удивленно? Я на три четверти русский. И прожил большую часть своей жизни здесь, в Российской Империи. Мне это название нравится больше, чем СССР. Русский человек постоянно бунтарит, сопротивляется Системе. Возьми хотя бы русские народные сказки.

- Ну, ты загнул! Русские народные сказки!

- Возьми, к примеру, Иванушку-дурачка. Он противостоит Системе. Он своими действиями, поступками, образом мыслей противопоставляет себя всем и вся. Его поведенческие функции противоречат всему. И он побеждает, он обманывает людей, он обманывает систему, он побеждает систему, он становится выше Системы, и в конце концов он побеждает ее. Вот это и есть подспудное желание и мечта русского человека. Победить Систему, встать над ней. Это, так сказать, идея-фикс всего русского народа! Так что видишь, Систему победить можно, конечно, но только в сказках. В жизни Система всегда победит тебя. И ты был человеком Системой, у тебя это называется "человек Конторы". И что? Тебя выбросили как отработанный материал. Ты злишься и бредишь, что можешь победить Контору или Систему. Не обижайся, Алексей, не получится.

- Но ведь побеждали же!

- На короткое время. Ее не побеждали, а корректировали. Так было в 1917 году, потом пришел Сталин, и все вернулось на круги своя, потом, чтобы больше не было попыток корректировки, были репрессии. Была попытка в 91-м, да, систему подкорректировали, и привели в соответствие с мировой системой. Если раньше система российская стояла на отшибе, то сейчас она стала всего лишь подсистемой, подпрограммой мировой системой. И не более того. Как бы тебе ни было от этого обидно, но увы. Это так.

- И что же теперь делать? - я был обескуражен речами Андрея.

- Ничего, - Рабинович-Коэн пожал плечами. - Ты не можешь изменить систему, не можешь оказать на нее значимого влияния, а значит надо просто покориться, вжиться, привыкнуть к новой

твоей роли. И если ты полагаешь, что победил систему - ошибаешься. А действовать на основании ложных посылок опасно. Можно провалиться под лед.

- Андрей, по-моему, только не обижайся, у тебя "башню" сорвало капитально после посещения чеченского плена. И у тебя мироощущение сдвинулось.

- Может быть и так. А может и не так, - Андрей пожал плечами.

Пока Андрей говорил о глобальных проблемах, я накрыл на стол. Разлил запашистый супчик, хорошо получился! Зелень, колбаска, хлеб, лук, чеснок, вино и водка. Водочки я взял специально для Андрея. Доза меньше. Эффект сбивания с ног и выключения его мозгов быстрее. Пусть лучше спит от водки, чем от таблеток. Здоровее будет. Тем более, что сам говорит, что на три четверти русский. Так что водка для него генетически привычное лекарство.

Выпили, закусили. Супец отменный получился. Потом по второй. Пили водочку, вино пока отставили в сторону.

- Андрей, а в Израиле, там тоже много разных наций, или все евреи?

- Много. Ведь евреи, или те, кто сейчас косит под евреев, жили не только в России, но и в Молдавии, на Украине, в Грузии, в Армении; кстати, ты в курсе, что в Чечне есть кланы, которые имеют еврейские корни?

- Да пошел ты... Чеченский тейп с еврейскими корнями? Андрей, видимо, тебе там, в плену, по голове хорошо приложили прикладом, что такая херня в голову залезла. Еврейский чеченец. Слушай, из этой фразы может получится хороший анекдот.

- Бери, дарю. Но на самом деле это так.

- Докажи.

- Плохо ты, Леша, знаешь историю Чечни. Хоть там и воевал, да вот времени, наверное, не было подучиться. В Чечне порядка ста сорока тейпов. Есть чисто чеченские, а есть и потомки хазаров. Они такие же евреи, как и те, что живут в Израиле. Они официально мусульмане, но это все - фикция. Плевать они хотели на все это. Истинная вера - иудейская.

- По-моему, Андрюха, тебе башку там вообще отшибли.

- Смейся, смейся, но это чистая правда.

- Стар я уже стал для этих игр. Еще немного - и окажется, что миф о всемирном еврейском заговоре - чистая правда, и что война в Чечне - это дело рук Израиля. Не заставляй меня скатываться на позиции полоумных, которые на каждом углу кричат, что жиды продали Россию.

- Никто Россию не продавал, сами все профукали.

- Знаю, знаю. Кого избрали, тот и продал, вернее его Свита. Не король делает свиту, а Свита делает короля. Каждый народ имеет то правительство, которое его имеет. И так далее.

- Хорошо сказал.

Раздался звонок в дверь. Хмель разом вылетел из головы.

Сердце бешено заколотилось. Началось! А я надеялся, что обманул Систему Конторскую!

Но нет, приехал Виталий Черепанов. Я вытер мокрый от пота лоб тыльной стороной ладони. Пронесло. Уф! Тот самый чудо-казак, который спас Рабиновича, подобрав его на чеченском поле, а потом спрятал от посторонних глаз на этой квартире. Хороший мужик. Замечательный мужик.

- Ну что, крестничек, - обратился он к Рабиновичу-Коэну, - как здоровье-то? Смотрю, стал ты выглядеть гораздо лучше, а то до этого был доходяга доходягой. Молодец! И Алексей тоже постарался. Эк он все провернул! А как вырвался из ЧК?

- Повезло, просто повезло. Дуракам и пьяницам везет. - я был сама скромность.

Виталия пригласили за стол. От супа он отказался, - недавно пообедал, а вот от стопочки водки отнекиваться не стал.

- Ну что, хлопцы, за здоровье и вашу дружбу! - Виталий встал, мы последовали его примеру.

Казак степенно взял стопочку, она просто утонула в его громадной ручище, пальцами левой убрал волосы усов и бороды от губ и не спеша вылил водку в рот. Потом так же степенно подхватил пучок зеленого лука, обмакнул его в соль и закусил. Взял кусочек черного хлеба, обмазал его горчицей и не торопясь прожевал.

Я до этого ел эту горчицу, слезы бежали из глаз и дыхание перебивало, уж больно ядреная она была. Я ждал, что Черепанов сейчас схватится за горло и начнет показывать, что ему нужна вода. Ничего подобного! Он спокойно пожал нам руки, пошел в коридор и принес пакет, из него вынул знакомый сверток.

Тот самый, что я спрятал в под станицей Красново, когда вытаскивал Андрея.

- Я его не разворачивал, - пояснил Черепанов, - ты человек хитрый, мог что-нибудь туда засунуть. И могло получиться как с дедом, который твою сумку открыл. Сгорел человек. Царство ему небесное, - Виталий осенил себя крестом размашисто, во всю свою широкую грудь. - Хоть и гад был. Прости меня, Господи!

- Да неужто я б тебя не предупредил. А за деда что, осуждаешь? спросил я, глядя исподлобья, разливая водку.

- Нет, - подполковник запаса ответил просто, не задумываясь. - И человек плохой и противнику помогал. И у тебя, Алексей

Михайлович, не было в тот момент другого способа вытащить друга от бандитов.

- Это точно, - я кивнул головой. - Извини, у нас это уже третий тост будет, для тебя второй.

- Третий, он и есть третий, - Черепанов молча встал, шумно вздохнул, что-то подумал свое, перекрестился, и так же картинно красиво выпил водку. Третий тост - он святой. - Вытер усы, и не садясь, попрощался с нами.

Уже в коридоре он сказал:

- Живите, не спешите съезжать, вчера я звонил родственникам, они еще на пару месяцев там задержатся, на своих Северах.

- Что мы должны?

- А, пустое, - он махнул рукой. - Мне денег не надо, того, что дал, хватит надолго. Перед отъездом положите в холодильник еды, да хозяину сто грамм оставьте. А я буду периодически приезжать, на вас поглядеть. Поговорим, сейчас тороплюсь очень. Ну все, прощевайте. Да, чуть не забыл, тут вот картошки-моркошки привез, со своего огорода. Все чистое, без всякой химии! - последнею фразу он произнес с гордостью.

Я пожал ему руку, моя ладонь в очередной раз просто утонула в его лапище. Не дай бог повстречаться с ним в драке, кулак, что молот, головенку быстро размозжит.

Потом мы вернулись к столу.

- Расскажи, Андрей, как ты стал археологом - я сам когда-то мечтал им стать.

- Да ну? - Андрей был удивлен.

- Маленьким еще был - прочитал про Шлимана. Человек всю жизнь посвятил поиску Трои, еще в детстве изучив "Одиссею" Гомера. И нашел-таки, стал знаменитым и богатым...

- Он плохо закончил жизнь.

- Знаю, умер на улице. В быту был скромен, одежду скромную носил, хотя был богат и прославлен. Но случился какой-то приступ, вот и умер. Так что одеваться, Андрей, надо хорошо, чтобы "Скорую" тебе вызвали, а не бросили подыхать.

- Вот давай за это и выпьем!

Выпили, закусили. Андрей уминал уже третью тарелку супа. Пусть ест, лишь бы на пользу пошло. А то будет худой как велосипед.

-Ну, так как ты стал гробокопателем?

- Просто, очень просто. Нужны были деньги. Семью кормить надо, они же, сволочи, кушать хотят. И кушать хотят каждый день. Я же не могу в этой жизни ничего, кроме как воевать. Военный до мозга костей. Ну вот... Обращался в местный

военкомат. Не берут, старый уже по меркам военкоматовских работников. Да и двое ребятишек. Работал всем, кем приходилось, всем, где платили деньги. Ты даже не можешь себе представить какое это ощущение. Не защищен, никому не нужен. Не нужен вообще! Вот ты тут недавно говорил про Систему. Я тоже был человеком системы - военнослужащим. Воевал сначала на стороне одних, потом, так жизнь сложилась, на стороне других. Если в первом случае - за идею, "веру, царя и Отечество", то во втором случае за банальные деньги. И воевал, поверь, не абы как. В полный рост. Довоевался до подполковника. Но закончилось мое время, закончилось время наших ребят. Мавр сделал свое дело - мавр может уходить. Обидно. И тогда и потом был в Системе. А потом, вроде, кругом свои. Никто не говорит тебе с презрением, что ты еврей, я в принципе никогда и не обращал на это внимание. Русский я, русский. Не нацист я, но не нравятся мне кафры...

- Это негры что ли?

- Негры. Кафры, мавры... Афроевреи, можешь так их назвать, политкорректно. Но как ты его ни назови, а он так и останется негром. Может среди них и есть хорошие люди, я в этом не сомневаюсь, но не попадались они мне. Точно так же как чеченцы тебе хорошие не попадались. Ну, отвлекся я. Потом предложили поработать на раскопках чернорабочим. Поработал. Пашешь с пяти утра, пока солнце еще не палит. Потом в полуденный зной перерыв, и опять пахота до самого захода этого чертова светила. А оно так долго не садится за горизонт! Пахал как те, кто строил эти хреновы пирамиды! Начал быстро понимать сам процесс. Начал командовать стоящими рядом. Заметили, повысили до бригадира. А потом пригласили в Египет, но уже кем-то вроде менеджера. Командовал, распределял рабочих, следил за порядком, гонял воров и расхитителей: желающих поживиться на раскопках - море. Закупка продовольствия, снаряжения, инструментов, отправка находок, охрана лагеря, все это было на мне. Я снова был в системе.

- Воровал?

- Нет. Зачем? Я тогда бы снова оказался на улице, но с клеймом "Вор". Не надо. Получал премии, отсылал деньги домой. Не шиковал, на жизнь хватало. Снова почувствовал себя мужчиной, который приносит домой деньги. Содержит семью. А сейчас!.. Эх, наливай, Леха, наливай! Мне бы только домой добраться!

Выпили. Просто, без тостов велеречивых, молча чокнулись и выпили.

- А после этих раскопок стал я снова безработным. И вот один

из участников египетской экспедиции предложил съездить в Чечню, отвезти гуманитарную помощь. Отвезли...

- Ты слезу, Андрей, из меня не дави. Не поверю. Не буду подвергать твою историю анализу. Некоторые вещи явно не стыкуются, особенно с той информацией, что ты раньше рассказал мне. Не вяжутся они, не вяжутся. Не хочешь говорить - не надо. Мне только надо деньги получить.

- Деньги любишь? - Андрей внимательно посмотрел на меня.

- А ты не любишь?

- Люблю, но не зацикливаюсь.

- Повезло тебе. А я вот сейчас безработный. Всегда был нищим, а сейчас нищий вообще. Но тогда была Идея, какие-то льготы, уважение, я был в команде, в обойме а сейчас - просто нищий. И никаких перспектив. Не хочу быть нищим - надоело, устал.

- Потом поговорим насчет денег, потом. Есть одна задумка. Надо ее до конца обкатать в голове, есть очень много вопросов, но потом, все потом. А сейчас спать, что-то хмель меня взял.

- Только, имей ввиду, что не вербуюсь я.

- Да пошел ты... Не шпион я.

Ну вот, казалось бы, можно и расслабится.. Но не верил я уже, что Контора от меня отстала. Хотел верить, но какое-то шестое чувство не давало расслабится. Я метался по квартире как загнанный зверь. Все шло как в классической операции. Объекту создается режим мнимого благодушия. Чтобы, значит, он, сволочь, расслабился, и начал совершать глупости. Связываться со своими и прочее.

Вспомнился случай. Приехал я как-то в командировку в Питер. Захожу к коллеге-особисту, он курировал пограничников. Тот сидит и сияет. Бутылку на стол, и рассказывает, что километрах в трех от самой российско-финской границы стоит учебная полоса. Участок местности оборудован как настоящая граница. Столбы полосатые с орлами стоят, несколько рядов колючей проволоки, контрольно-следовая полоса. Молодых солдат натаскивают на ней. А за ней у офицеров огороды, и вот этот особист в выходной день возится на своем участке, картошку окучивает. И тут видит, что какой-то военный крутится возле КСП. Покрутился, покрутился, и вдруг как рванет через КСП, прямо по особистской картошке и к лесу. На опушке падает на колени, руки к небу тянет и орет как резаный: "Свобода!"

Особист быстро сообразил в чем дело, и в отряд этого любителя свободы. При неудачливом перебежчике нашли много секретных документов, письмо на финском языке, где он просит его отвезти в органы разведки или контрразведки. А опера

быстренько повысили и наградили по полной программе. Шпиона типа настоящего поймал.

У меня сейчас был несколько иной случай, но расслабляться все равно не стоит.

Для собственного успокоения слазил на крышу. Проверил выходы через соседний подъезд. Все тихо. Слишком тихо.

Андрей тем временем стал немного приходить в себя. Он уже охотно рассказывал про себя, про жизнь после Кишинева. Нормальный мужик. Вот только не очень охотно рассказывал про Израиль и про то, чем он там занимался. Сразу же переводил разговор в другое русло.

Твердил одно, что археолог, ну да ладно, археолог так археолог. Только повадки выдают в нем опытного воина и опытного оперативника, даже не столько оперативника, сколько "силовика" - спецназовца из спецподразделения.

Чтобы вернуть утраченную форму он начал качаться. Отжимался, хозяйские заржавелые гантели и купленный мной эспандер - все шли в дело. Выправилась осанка, он стал более уверенно держаться, загорелись погасшие глаза. Не сразу все это случилось, в течение двух недель.

Глядя на него, мне вспомнился случай, когда в Чечне тренировались спецназовцы. Отрабатывали две задачи.

Первая - освобождение заложников, захваченных боевиками, второй захват объекта, где заложников нет.

По второму сценарию - живых не брать.

Объект - старая кошара без крыши, в отдалении от села. Командир группы осмотрел объект, попинал мешки с песком - они изображали духов, поправил палки у мешков - оружие, вышел, включил секундомер, и началось!

Сначала гранаты из подствольников через крышу, двери, окна, потом из "Мухи" пару выстрелов, ручные гранаты, и наступление. Кошара деревянная, стрельба была такая, что щепки летели в разные стороны, как стены не завалились - просто удивительно.

Ворвались "спецы" и расстреляли мешки с песком насмерть. Работали на полную катушку. Как положено.

Потом перед этой кошарой построение с разбором, и тут из нее выходит, вернее, выползает мужик, автомат над головой держит, кричит что-то невразумительное. Повязали его быстренько, оказалось, что боевик шел связником в деревню, но не успел за ночь дойти, солнце стало подниматься, вот и решил он переждать световой день в кошаре. А когда увидел русских, то забился под мешки с песком-"террористов" и переждал "налет". Повезло духу, но ненадолго... Много интересного он мне

рассказал, потом остальное разведчикам...

Времени было много свободного. Отоспался за всю службу, все бока отлежал. Но много и думал, анализировал свою жизнь. Строил планы на будущее. А его-то как раз, будущего, у меня и не было, что было горько и страшно сознавать. Нет у меня ничего ни сейчас, ни впереди.

Работа... Что работа. Работать с девяти до шести, быть прикованным к одному месту, начальнику каждый раз в ножки кланяться и кричать, какой он хороший и замечательный мой благодетель... Не буду. Хребет не гнется у меня. В армии не гнул, в Конторе не гнул, просто молчал в тряпочку, а на "гражданке" жизнь иная. Не подмажешь - не поедешь. Вернее будет сказать - не подлижешь - не получишь ничего. Не мое.

Семья... Тоже нет и не предвидится вообще. Дочь еще до моего бессознательного погрома постоянно, видимо, слышала от своей матери, что я чудовище. А когда я учинил поломку мебели, поняла, что я и есть самое настоящее чудовище. Итог? Семьи нет, да и заводить новую нет ни малейшего желания. Если уже женщина, которую я любил, меня предала, продала, то где гарантия, что история не повторится вновь? Нет гарантий.

Да и после распада семейной жизни разучился я доверять людям. Я и раньше не доверял никому, кроме родителей и своей семьи. А теперь, после предательства со стороны жены, я в каждом человеке видел потенциального противника, недруга.

Верить можно лишь себе, другу-напарнику, который прикрывает твою спину, и АКСу. Все.

А пошел я выручать Андрея, пожалуй, чтобы не сойти с ума. Желание было неосознанным, спонтанным. То, во что я ввязался, авантюра чистой воды. С первой минуты, без всякого анализа я знал это, и пошел.

Может быть благодаря именно этой поездке я пока не спился? Но впереди меня ждет возвращение домой. Снова квартира, поиски работы. Снова тоска и одиночество, пустые вечера дома. Несколько бутылок пива с телевизором или книгой, дрема в кресле под мерцающий экран. И все, пустота! А мне это надо? Боевой офицер станет просто крысой, забившейся в угол.

Может, немного покашлять кровью врага, вцепившись ему в горло зубами? Где? В России? А почему бы и нет? Как? Пока не знаю. Но вот эта спокойная, размеренная жизнь не для меня. Ой, не для меня. Иначе так и буду жить лишь воспоминаниями.

2.

На следующий день все было тихо. Тоска от вынужденного безделья начала грызть. Попытался разогнать ее физическими упражнениями. Помогло, но ненадолго. Ужинать сели рано.

После первой бутылки водки нас потянуло на воспоминания. Как служили, не считаясь с личным временем. Как ходили по девчонкам. Андрей, так же как и я, несмотря на то, что был женат, не пропускал ни одной привлекательной юбки. А где вы видели офицера, который был бы верен?

Еще в курсантскую пору был популярен анекдот. Идет совещание офицеров. Выступает генерал: "Статистика говорит, что офицеры много изменяют женам. И по количеству измен стоят на втором месте после артистов. Это безобразие! Я лично ни разу жене не изменил!" Голос молодого лейтенанта из задних рядов: "Вот из-за таких козлов мы и находимся на втором месте!"

Вот мы и вспоминали наши "шалости", походы по девчонкам. Ведь мы не делали при этом никакого разделения по национальному признаку, лишь была бы симпатичная и сговорчивая.

- Алексей, а из-за чего вы развелись? Понимаешь, меня интересует не просто так. Из любопытства. Кто знает, может, меня ждет такая же ситуация?

- Не ждет.

- Вот и я говорю, что меня, может, жена и ждет.

- Ждет, я имел ввиду, что ситуация тебя такая не ждет.

- Ну, а все-таки?

- Черт его знает. В происшедшем львиная доля вины - на мне.

- Не понял. Ты же был на войне, а она дома.

- Началось все еще задолго до всей этой катавасии. Еще когда мы поженились, я ей сказал, что на первом месте для меня будет служба, а потом все остальное, в том числе и семья. Мол, я шел в военное училище для того чтобы служить Родине. И прочая мутота. Сам знаешь, как нам тогда мозги промывали.

- М-да. Это делалось основательно... Плюс ко всему еще и школьное патриотическое воспитание, дома также помогали. Книги о Великой Отечественной, фильмы на военную тематику, война в Афганистане...

- Вот-вот, и я про то. Как раньше говорили: "Мне бы шашку да коня!" Я хотел повоевать, страсть как хотел. Повоевал в Баку, в Грузии. Эх, хорошо там было. Повоевал в Чечне, там тоже хорошо было. Ни забот, ни хлопот. Одна задача и проблема - выживи и принеси максимальную пользу своей части и всем, кто с тобой воюет. Вот и все. Не надо больше думать ни о чем.

- Ну, и...

- "Ну, и..." Вот и получилось, что всю семейную жизнь я провел на службе, отдавал себя без остатка...

- Не надо газетных передовиц... Теперь жалеешь?

- Не знаю. В тот момент мне казалось, что это самое главное,

а сейчас и вспомнить нечего про эту службу. Когда служил в армии, то были бесконечные дежурства, занятия, учения, еще что-то. Постоянные заботы, которые повторяются каждые полгода, каждый период обучения, и снова одинаковые задачи и проблемы. В военной контрразведке - те же яйца, только вид сбоку. Давай. Давай показатели, давай источников, давай разработки оперативные, да поглубже. Чтобы до самых гланд достать. Не до семьи было. Вот так и дочь выросла как-то мимо меня. Да и жизнь тоже прошла как-то мимо. Потом были неприятности по службе, я домой приходил "под газом"... Если жена делала мне замечание или говорила что-то против - взрывался как сто тонн тротила. Хотя любил и, наверное, люблю до сих пор. Абсурдно звучит. Семья. А я только это сейчас понимаю, была какая-то отдушина, через которую я мог сделать глоток свежего воздуха, не зашториваясь на службе. Э, да что об этом говорить!.. Мне бы шашку да коня, да в чисто поле, врагов погонять

- Какие у тебя планы?

- В смысле?

- Ну, дальше как будешь жить-то?

- Дальше? А хрен его знает, Андрей, не знаю точно. Есть мечта - купить домик на берегу моря и жить-поживать, капитал наживать.

- И все?

- И все.

- А не свихнешься от тоски? Ты только что говорил, что тебе нравится действие, например, война.

- Нравится, не нравится, а что толку? Кто же теперь меня пустит туда? Я теперь персона нон грата. Если поймают с тобой, или докажут связь с тобой, то мне одна дорога - в петлю. В тюрьму я не пойду. Был бы пистолет или граната, то убил себя при задержании. Нет, лучше пистолет. Гранатой можно зацепить невиновных. Хотя гранатой наверняка... Лег на нее пузом, рванул кольцо, отпустил рычаг - и все... Ни боли, ни забот, ни хлопот.

- Бога-то не боишься?

- Бога, говоришь. А где он, Андрей? Где? Когда мы пачками умирали в Чечне, корячились, но шли вперед, и пацаны, у которых молоко на губах не обсохло, и которые в этой гребаной жизни не видели ничего, кроме мамкиной сиськи, упирались рогом и гибли. Гибли отделениями, взводами - где тогда был Бог? Я тебя спрашиваю, где был этот Бог? И не покарал же он тех, кто послал этих необстрелянных мальчишек на смерть. Вон, включи телевизор - показывают эти морды, и ничего им не делается. Если бы можно было, то расстрелял бы их публично... Э, да что об этом говорить. Бесполезно, они как командовали нами, так и будут. А

мы только и сможем мотать сопли на кулак, сидя на кухне, да проклинать своих правителей, которых сами избрали на свою голову, призывая на помощь того же самого Бога, и упрекая его в том, почему же он до сих пор не покарал этих уродов. Без толку. Ситуацию можно изменить лишь вооруженным восстанием, а также всенародным голосованием. Но мне лично нравится первое.

- Любишь хаос?

- Нет, люблю действие, динамику. Пытался одно время вникнуть, что происходит, по телевизору смотрел заседание российской Государственной Думы, но знаешь, этих гадов выбрали, чтобы они интересы народа защищали, а они таким онанизмом занимаются, что мама не горюй! Поэтому никто нам не поможет - "ни Бог, ни царь и не герой!"

- Тебе нравятся коммунисты?

- Терпеть их не могу. Они же как были у власти, так и остались. Смена формаций не влияет на смену руководящей партии. Закончил свое тестирование?

- Я не тестировал, мне просто было любопытно, из-за чего же произошел развод, почему от тебя ушла жена?

- И какой же ты сделал вывод?

- Для семейной жизни ты ни хрена не приспособлен. Ты готов лечь на пулеметное гнездо, повторив подвиг Матросова, но не сможешь понять и выслушать жену, не будешь вникать в ее проблемы. И кран водопроводный ты починишь лишь после десятого напоминания, или то, если он будет тебе мешать спать.

- А зачем его чинить, накинь тряпочку на ночь и не услышишь, как он капает. А вообще, ты, психолог хренов, доморощенный, откуда ты все это узнал?

- Сам потому что такой же. Только я последнее время влезаю в авантюры из-за денег, а ты из-за чувства долга, из-за ответственности перед Родиной, долгом, честью и прочими символами.

- А у тебя, значит, ни флага, ни Родины?

- Можешь так сказать. Мне хорошо там, где мне хорошо, и при этом я зарабатываю деньги, которых хватает на достойное содержание моей семьи. Если окажется, что я могу зарабатывать больше денег в Канаде, Египте, то поеду туда, и там будет моя Родина.

- А к березкам не тянет?

- Нет. К могилам предков, к местам детства, юности, вот туда и тянет, а так... - нет! Но по этим местам можно просто туристом проехать, и совсем необязательно упираться рогом, кричать, что это моя Родина и я буду здесь подыхать, несмотря на то, что я подыхаю здесь с голоду. По большому счету, мы все - люди, и

населяем планету под идиотским названием Земля.

- Почему идиотским? Чем тебе название не нравится?

- Почему? А ты сам вдумайся. Земля. Название ассоциируется с чем? С земледелием, с сельским хозяйством. Почему человек дал красивые названия другим планетам? Например, Венера, Марс, Юпитер? А свою планету назвал Земля? Ведь ты и я - жители всей, вдумайся в слова - всей Земли. И лишь раньше, много раньше определили, что тут живут славяне, тут - евреи, здесь немцы. В те времена это было необходимо, чтобы выжить. А сейчас? Сейчас-то зачем? Мы все - жители Земли. Понапридумывали границ, правительства всякие. Вот тебе - нормальному, здоровому мужику - нужно правительство? Именно правительства начинают все войны. Потому что не могут по-человечески договориться с другим правительством. А кто есть правительства? Люди, всего лишь люди. Которые волею случая попали наверх и управляют, решают судьбы мира, и именно твою судьбу они решают. Хотя им глубоко наплевать на то, что ты воевал, защищал интересы этого же правительства, что погибло несколько сотен тысяч граждан этой же страны. И все лишь ради того, что оно решило нужно поступить именно так. А ты знаешь, что можно было сделать все иначе. И была бы достигнута цель, и обошлись бы без человеческих жертв. Что, не так?

- Так. Снайперского выстрела было бы достаточно, или вообще могли бы не создавать эту "банановую" республику. Все так. Мне правительство ни к чему. Но необходима милиция-полиция, прокуратура...

- Для чего, Алексей, для чего? Для того чтобы, опять же, от имени того же самого правительства, которое сознательно уничтожает своих граждан, карать и миловать. Возьми известных бандитов, которые у всех на слуху, на которых крови много, очень много, и простого рядового смертного. Возьми даже самого себя. Ты не хочешь идти в тюрьму и готов покончить жизнь самоубийством. А за что? Только за то, что спас меня из рук бандитов. И за этот благородный поступок тебя могут упрятать на много лет за решетку. Сломать тебя физически, морально, сделать инвалидом, отбросом общества. За что? Еще раз спрашиваю, Алексей, за что? Только за то, что ты спас меня. При этом ты убил двух негодяев. Которые помогали бандитам под самым носом специальных служб и правоохранительных органов. Так зачем тебе это правительство?

- Чего ты хочешь? Завербовать меня?

- Да пошел ты со своими гэбешными штучками. На хрена мне тебя вербовать! Я хочу предложить тебе стать гражданином Мира.

- Гражданином Мира? Это евреем что ли?

- При чем тут "евреем"! Мира, понимаешь - Мира!!! Это значит, что ты выбираешь спокойно любую страну, любую местность. Можешь круглый год перемещаться по всему земному шару. Какое твое любимое время года?

- Осень.

- Ну вот, ты можешь круглый год перемещаться за осенью, менять континенты, полушария. Северное, Южное.

- Ты что, с Луны свалился? Это ж какие деньги нужны!

- Я тебе предлагаю заработать эти деньги.

- Каким образом? Продать тебе те сведения, которыми я располагаю? Говорю сразу, они максимум на пятнадцать тысяч баксов тянут. Не более того, и ничего, что интересует Моссад и прочие разведки. Службы Израиля я не знаю. Они, правда, могут потом передать их в ЦРУ, БНД, СИС, Ми-5, МИ-6. и прочим, но все равно, это мало, очень мало денег стоит. А меня ждет тюрьма на Урале, но уже за измену Родине. Мне это надо? Хватит уже того, что я помогаю тебе.

- Ни хрена ты не понял, Алексей!

- Так поясни. Мне очень понравилась твоя идея стать гражданином Мира. Но нужны такие деньжища!

- Сколько тебе надо?

- Это прямо как в "Золотом теленке", когда Остап Бендер спрашивает у Шуры Балагнова, сколько ему нужно денег для счастья. Так вот, ты не Остап, а я не Шура Балаганов.

- Так сколько тебе денег для счастья надо? Нет, просто скажи.

- На всю оставшуюся жизнь?

- На всю оставшуюся жизнь.

- Минимум два миллиона баксов.

- Почему два? Почему именно два?

- Миллион я потрачу на свои мечты, а второй - на жизнь. Видишь, у меня скромные запросы. Так как же ты хочешь мне предложить заработать эту кучу денег, липовый археолог? Ограбить в Египте гробницу фараона?

- Нет. Послушай, но не перебивай. В Чечне нам удалось выйти на след одного хранилища.

- Хранилища?

- Не перебивай. Есть в Чечне один засекреченный объект, очень засекреченный, в советские времена о нем знало во всей республике не более пяти человек, ну, может, в Москве еще с десяток знали, а сейчас тоже не более пяти. Там хранится так называемое "золото Дудаева".

- Чего-чего?

- Золото Дудаева. Он боялся хранить свои ценности в банках. Во-первых, потому что как всякий нормальный советский человек

доверял лишь трехлитровому банку. Государство его уже столько раз обманывало, что поневоле начал прятать деньги в чулок. И во-вторых, он боялся, что его друзья в Кремле могут добиться того, что все его авуары...

- Чего-чего?

- Авуары - это вложения, в том числе и банковские, в недвижимость, акции предприятий и прочее.

- А-а, понял. Не дурак. Был бы дурак - не понял бы. Продолжай.

- Ну вот, я и говорю, что все банковские авуары были бы заморожены, а то и хуже того - конфискованы. Вот поэтому, как только раздолбали в ноябре 1994 года колонну танков, то он как военный смекнул, что близится военная фаза. Все свои капиталы вывез в горную, трудно проходимую часть Чечни и спрятал. А там, Алексей, поверь мне - денег много, очень много, столько, что ты не унесешь.

- Так Дудаев жив, и вряд ли что-нибудь там осталось. Все хозяин прибрал.

- Дудаев мертв. Это я тебе очень авторитетно заявляю.

- Так же как и Гамсахурдия? Его-то видели в Иордании. Ходят слухи, что и Дуда там же окопался. В их парламенте, да и вообще в стране очень много этнических чеченцев.

- Дудадев мертв. И это непреложный факт. Золото и деньги спрятаны там, где я тебе укажу. О них мало кто знает.

- Ладно, не надо петь военных песен мне, рассказывай подробненько, а потом я уже решу, стоит связываться со всем этим дерьмом или нет.

- Ладно, слушай. Ну вот. Весь мир, в том числе и ваш покорный слуга, внимательно следил за тем, что творилось в Чечне. Следил с самого начала образования этой "банановой" республики. И чем дальше развивались события, тем страшнее они становились Я не в плане того, что касается России. У нас свои проблемы с палестинскими террористами. Очень многие скрывались в Чечне. Была налажена хорошая связь и обмен эмиссарами с Палестиной, Ливией, Ираном, Иорданией, Эмиратами, Турцией, Афганистаном. Ты и сам все это лучше меня знаешь. Все это публиковалось в открытой печати за пределами России.

- Знаю. Читал сводки, - кивнул я. Пока ничего нового я для себя не услышал, все это было давно известно, в том числе и из средств массовой информации.

- Ну так вот. Мне предложили поехать в эту экспедицию. Видимо сказалось то, что я имею опыт боевых действий, физически развит прилично. В экспедиции зарекомендовал себя

хорошо. Я-то думал, что весь этот поход имел гуманитарную направленность. Не шпион я, а так, не пришей к кобыле хвост. И занимался я охранными функциями, ну, как грузчик тоже работал, иногда и шоферил по разбитым дорогам Чечни. Но не все так ясно и благородно оказалось на самом деле. Многие вещи стали меня настораживать, потом понял, что не все тут чисто.

- Андрей, не держи меня за лопуха. Если это разведывательная миссия, то там не будет ни одного постороннего человека, потому что это может поставить на грань срыва всю операцию. Из-за маленького человеческого фактора все полетит коту под хвост. Так что еще раз говорю - не надо петь военных песен.

- Ладно, ладно. Знал я, кто они такие и зачем едут.

- Вот это уже похоже на правду. Еще осталось тебе признаться, что ты из Моссада или близких к нему структур, и все встанет на свои места.

- Я из конторы, которая очень напоминает военную полицию. Объяснять долго. Что-то типа военной комендатуры. В основном занимаемся силовыми операциями. Стало известно, что известный террорист Абу Амир, за которым мы много лет охотимся, стал активно финансировать чеченских сепаратистов. Цель одна - создать Чеченскую исламскую республику на Кавказе, а затем весь Кавказский регион превратить в один огромный халифат. Для этого надо много денег, очень много, немало времени, человеческий фактор также играет немаловажную роль. Для этого стали завозить, печатать на Ближнем Востоке литературу как на чеченском, арабском языках, так и на русском. Инструкторы, полевые командиры и простые бойцы, а также любители войны - наемники, как мусульмане, так и просто авантюристы, стали съезжаться в Чечню со всего света. И, поверь, если бы не ваша война в Чечне, то через пару лет ситуация во всем кавказском регионе была бы дестабилизирована до такой степени, что мир был бы втянут в третью мировую войну.

- Каким образом?

- Турция - член НАТО, а она очень заинтересована в Кавказском регионе. Былая слава Османской империи не дает им покоя.

- Чушь собачья. И ты это серьезно?

- И даже очень. В ЦРУ имеются большие наработки в обучении специалистов во время войны в Афганистане. Не забывай еще, что Великобритания также заинтересована в возвращении своего влияния на Кавказе. А также того, что во время войны в Афганистане первые базы и лагеря террористов были организованы в Шотландии. Там рельеф местности очень

подходил для тренировок душманов. Там же бойцы ирландской республиканской армии познакомились с моджахедами Афганистана. Потом уже ирландские террористы прибывали в Чечню. Тоже обучали боевиков, сами воевали против федеральных войск. И все это делалось с подачи и при одобрении английского правительства. С одной стороны шел отток ирландских боевиков из страны, с другой - была возможность насолить России. Одним ударом - двух зайцев. Соблюдены интересы Короны, и Корона вроде бы здесь ни при чем.

- Тьфу! Уроды! - я сплюнул, налил себе полстакана вина, выпил. Продолжай!

- Ну, а также тот момент, что в Европейской части есть нефтяные запасы. И есть развитая инфраструктура. Минимум вложений - и нефть более дешевая, чем с Ближнего Востока, потечет в Западную Европу. Тут нужна Турция как перевалочная база. И не забывай, что ни США, ни Англия не заинтересованы в сильной России. Чем хуже - тем лучше, если бы не ядерное оружие, то от страны давно бы ничего не осталось. А также так получается, что Татарстан, Башкортостан, Казахстан, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан и еще ряд республик, где есть залежи полезных ископаемых, по иронии судьбы являются странами, республиками, где исповедуется ислам. И вот идея-фикс: объединение всех этих исламских государств в огромный конгломерат. И все должно было начаться с Чечни. Большую лавину вызывает маленький камушек. Главное, чтобы все было подготовлено.

- Ну, а твоя роль здесь где?

- Так вот, мы давно охотились за Абу Амиром. Он один из идейных вдохновителей террористических актов, он же и является разработчиком тактики проведения этих актов на территории Израиля, а также одним из финансистов и эмиссаров террористического движения. Ездит по свету, собирает деньги для организации взрывов. И ко всему тому, что я перечислил выше, он тоже приложил руку. Был частым гостем в Чечне. Организовывал переброску денег, исламистов, оружия в Чечню. Ну, и в Израиле он также много дел натворил. Не рядовой боец, опьяненный идеями и наркотиками, а фигура высокого полета. Во время войны в Чечне возил деньги, и организовал переброску наемников, добровольцев, прочей дряни, желающей повоевать в Чечне, на стороне бандитов его младший брат Амир Амир. Он же отправлял на лечение раненных боевиков в Турцию, Азербайджан., на Украину, в Эмираты, Германию, Великобританию.

- И почему я с ним не познакомился? Когда меня ранили,

глядишь, организовал бы мне поездку в Баден-Баден.

- Тебя бы они медленно четвертовали. Предварительно вытряхнули бы информацию.

- Да я так, шучу. Понятно, что вместо солнечного курортного города с минеральными источниками меня ждал бы зиндан с отходами человеческой жизнедеятельности. Извини, что перебил.

- Ну так вот, чтобы добраться до этого самого Абу Амира, нам нужен был Амир Амир - его младший брат.

- Вы что вполне серьезно хотели его эвакуировать с территории Чечни и России?

- Нет, конечно. Нужна была только информация. Не забывай, что в Израиле официально смертная казнь запрещена.

- И поэтому вы наплевали на все традиции, и поехали под флагом Красного креста? Так? Для вас же всегда Россия была запретной территорией? Не вели вы здесь разведку, особенно нелегалами, с позиции посольства только.

- Так то оно так, но об этом я позже расскажу. Все международные организации завопили, что в Чечне бедное население пострадало от войны, что русские варвары устроили геноцид несчастного народа и прочую ересь. Кстати, особенно усердствовали американцы, англичане, ну, и страны, которые я перечислил, мечтающие о создании единого кавказского халифата. И вот не успели вы подписать акт капитуляции, как хлынул поток денег, эмиссаров от всех исламистких конфессий, гуманитарная помощь. Да, еще, сам видел как под видом питания прибывало оружие.

- Дай угадаю, наверное, в документах значился зеленый горошек, - я вспомнил, как Федор Якоби предлагал мне ввезти в страну "Толстую Берту" под маркой зеленого горошка.

- Да, а ты откуда знаешь?

- У меня такое ощущение, что вся контрабанда, которая ввозится в страну, маркируется как зеленый горошек. Ладно, проехали, извини.

- Ну вот и мы тоже поехали.

- А не могли поехать под другой вывеской? Например, гуманитарная организация "Фонд озеленения Луны"? Или еще что-нибудь подобное? Нет, надо своими грязными лапами замарать такую контору!

- Я-то здесь при чем, Алексей? Сказали, что едем под таким прикрытием, вот и поехали. Если надо, так могли бы приехать под флагом ООН. Но это было бы слишком заметно. Сам-то что - "чистый"?

- Я такой фигней не прикрывался.

- Будешь слушать или будем лаяться?

- Давай дальше. Пить будешь?

- Наливай!

- В Израиле вино хорошее?

- Классное. Дай бог, выберемся - приедешь ко мне - напою до зеленых соплей.

- А ты какого Бога упомянул? Ты теперь какому Богу молишься? Православному или еврейскому? Не знаю, кто у вас там.

- Просто Богу. Там храмов всяких много. И католических и православных и мусульманских.

- Понятно, одним словом - земля обетованная. Ладно, давай выпьем!

- За что?

- За то, что мы вырвались и встретились. Ты - из чеченского плена, а я - из ФСБэшного.

- За это стоит выпить.

Выпили, закусили колбаской. На щеках Рабиновича заиграл румянец, глаза заблестели от выпитого. Ну вот, наконец-то стал похож на человека. А врачи еще что-то смеют говорить о вреде алкоголя! Они просто жизни не видели!

- Амира-то поймали?

- Нет. Амира мы не поймали, - он покачал головой.

- Жаль.

- Мне тоже. Все было гораздо прозаичнее. Мы въехали в Чечню на трех грузовиках. Везли палатки, теплую одежду, одеяла, тушенку, крупы различные.

- Откуда заезжали?

- Со стороны Ингушетии.

- И что, вы вот так наивно полагали, что путем опроса найдете своего Амир Амира? Ну, ребята, вы или полные идиоты, или ваши начальники полные кретины.

- Скорее всего второе. Я сам был категорически против.

- Вы как заходили? Под какими национальностями?

- Все там были англичанами и финнами, я лично был англичанином.

- А как же раскусили, что ты израильтянин? Вместе с кем-то на брудершафт пописал?

- Слушай дальше. Если ты был опером, то должен понимать, что была у нас сеть.

- Агентура?

- Именно.

- Не расскажешь, как же вам удалось организовать сеть? С ума сойти, евреи в Чечне организовали агентурную сеть! Извини, Андрей, но ты, по-моему, просто врешь, или разводишь меня как

лоха на ровном месте.

- Ты меня провоцируешь, Алексей? Хочешь, чтобы я доказал тебе, что у Моссада имеется в Чечне агентура? Не получится. Поверь просто на слово. Она есть. Более в этом направлении я тебе ничего не скажу. Будешь слушать дальше?

- Извини, я сам повел себя как мальчишка. Извини.

- Ну вот, мы везли этот груз. Попутно встречались с источниками. Оплачивали получаемую информацию. Короче - работали.

- Как тебе Чечня?

- Если в двух словах - лунный пейзаж. Особенно поразил Грозный. Прямо кадры из хроники Сталинград-2. Чувствовалось, что вас там ждали.

- Ждали, еще как ждали. Ну, и что вам агентура сообщила?

-Много чего. Передали списки арабов-наемников.

- И сколько там арабов-террористов?

- Мы успели собрать списки более двухсот человек. Интересно то, что многие по нашей картотеке значились как погибшие. Ошибки и "накладки" бывают везде. Отсидятся и потом под новыми именами возвратятся в Палестину да в Израиль.

- Списки где?

- Вот здесь, - Андрей постучал себя по виску.

- Недаром за тобой ФСБ охотится. Ты прямо хранитель мировых тайн.

- Потом один "крот", старый дядька, еще со времен СССР работает на нас...

Ну, ты загнул. Откуда у Моссада агентура среди "чехов" со времен СССР, сейчас - понятно, а раньше?

- Я уже говорил тебе о чеченских иудеях. Мы используем малейшую возможность для получения информации, в том числе и этих "законспирированных" евреев. Так вот этот источник и сообщил, что Амир Амир в Чечне. Где именно, он не знает, но одно время у него был охранником Ислам Муслимов. Знаешь такого?

- Вроде нет, - я покачал головой. - Ты что думаешь, я запоминаю все имена, с кем общался в Чечне? Некоторые не выживали после моих бесед. Болевой шок, несчастный случай, инфаркт и прочее. Всех не упомнишь. Нет, не помню такого.

- А он тебя вспомнил. Ты его кровник... - последовала пауза, я соображал, но не мог вспомнить этого чечена. - Был кровник.

- Кончили? И откуда он меня знает?

- Ты поймал его брата Мусу Муслимова, он был связником.

- А-а, что-то припоминаю, припоминаю. Был такой случай. Ждали мы этого хлопчика двое суток на тропе. Вымокли до

нитки, но взяли. Было дело, было. Ты смотри, как информация обо мне просочилась. Не думал я, что такая популярная личность в Чечне. Так кончили вы его? А то, может, бегает по Чечне и кричит, что Салтымаков его кровник?

- Болевой шок, - Андрей усмехнулся.

- Понятно. И что он перед комой успел рассказать гражданам, привезшим гуманитарную помощь?

- Много. Но про Амир Амира он толком не рассказал. Информация у него была трехмесячной давности, так что ее оперативной по времени назвать было очень сложно. Но узнали другое.

- Что я его кровник?

- И это тоже. А также, что этот Ислам был личным охранником сначала Джохара Дудаева, а затем, после гибели последнего - его брата - Лечи Дудаева. Кстати, именно Ислам подтвердил, что Дудаев погиб, и он сам лично принимал участие в его похоронах, указал нам место и приметы захоронения.

- Это уже интересно.

- Так вот, по его словам, есть хранилище, в котором спрятано золото Дудаева. Валюта - как настоящая, так и фальшивая. Золотые слитки, драгоценности. Все это предназначено для борьбы за независимость Чечни.

- Давай я угадаю, где это спрятано.

- Попробуй.

- В районе Бамута.

- Правильно! - Андрей был поражен. - Ты что, мысли читаешь?

- Нет, просто он вам "впарил" от дохлого осла уши. Эту байку я слышал еще в Чечне. В районе Бамута стояли ракетчики-"стратеги". Там полно подземных коммуникаций, многие из них взорваны. И вот, якобы, на одном из КП (командный пункт) или ЗКП (запасной командный пункт или заглубленный командный пункт) спрятаны несметные сокровища. Али-Баба по сравнению с ними просто бомж на помойке. Проходили мы все это. Знаю, что было много охотников за этим золотом. Только поначалу многие там рвались на минах-ловушках. Потом разминировали, прочесали с миноискателями и собаками все, что можно, но кроме тех ушей, которые я упомянул, не нашли ровным счетом ничего. Так что Ислам оказался верным воином ислама и стал шахидом. Сейчас где-нибудь на небесах, в окружении гурий он рассказывает, как ему удалось ловко провести хитрых евреев. И он не сказал, где скрывается Амир Амир. М-да, Андрей, легковерные бывают не только у нас.

- Ты все сказал?

- Продолжай.

- Это он все пел, когда мы беседовали с ним обычными методами. А потом мы начали его "лечить" медикаментозными способами.

- "Мыло"?

- Какое мыло? - Андрей был в недоумении, видимо это вещество на их сленге называлось иначе.

- Производная пентотала натрия?

- Вчерашний день, - Андрей откровенно потешался надо мной. - Хотя, основа та же. - Потом подумал и добавил: - Получается, что на самом деле "мыло". А как ты стал "кровником"?

- А черт его знает! У меня таких "кровников" по всей Чечне, наверное, сейчас много. Я же старался особо не афишироваться, мне реклама ни к чему. Всю черную работу разведка делала. Официально я был офицером штаба и не более того. Видимо, где-то прокол, осечка.

- А может сдали? -сделал предположение Андрей.

- Может и сдали, - я кивнул головой. - Отчего не сдать, когда тебя на куски живого режут. Сдашь все. Это же не регулярная армия, их материальная часть твоего вооружения не интересует. Это в училище военном говорили: "Учите ребята матчасть - пригодится! По крайней мере, когда попадете в плен, есть шанс спасти свою жизнь!"

- Так как ты с Муслимовым познакомился?

- Забавный случай был. Слушай.

3.

- Стояли мы, значит, в деревне. И пакостили нам духи из местных. То мину заложат, то фугас радиоуправляемый. И оперативные данные поступают, что верховодит всем этим местный глава администрации. Но тогда уже нельзя было кишки на локоть мотать, для этого основания нужны были. Широкомасштабных действий уже не было, а мелкие диверсии, в результате которых гибли как наши солдаты, так и местные жители - не в счет. И чуем, что связь поддерживается с бандой. А вот сделать ничего не можем. И я, и Женька Дзюба - командир разведроты пошли ва-банк.

Женька Дзюба - мужик преинтереснейший, должен тебе сказать. Сам откуда-то с Волги, ростом как я, около метра восьмидесяти, но силищи! У него был коронный удар ножом. Он не как все нормальные бил в сердце, в живот, или сонную артерию резал, нет. Он бил по черепу, и не просто, а именно туда, где на затылке, ближе к макушке сходятся пластины черепа, кажется, "теменной шов" называется, но я могу ошибаться. Так

вот, это был его коронный удар. И после этого удара не надо было придерживать тело, чтобы оно не билось в конвульсиях, а то мог шум пойти. Просто мешком падало. Банду когда брали, Дзюба таким макаром трех часовых по-тихому снял. Ну, а так как кулачище у него как два моих, то иногда и кости черепа ломал. Большой он любитель был черного юмора. Любимый анекдот у него был такой: "Сидит мальчик безногий в кресле-каталке. Папа смотрит по телевизору футбол. Мальчик жалобно: "Папа. Переключи канал, там мультики идут!" Папа: "Возьми, да переключи!" "Но у меня же ножек нет!" - мальчик чуть не плачет. "Нет ножек - нет мультиков!" -резонно замечает папа". И вот Женя постоянно применял эту последнею фразу: "Нет ножек - нет мультиков!" Сам он - душа компании. Рассказчик отменный. Однажды рассказывал, как пытался в детстве спасти голубя. Нашел его зимой. Крыло что ли сломано у того было, не помню подробностей. Принес его домой, на балконе из коробки сделал домик, насыпал крупы, воды налил и пошел в школу. Приходит - голубь упал в воду, замерз, вмерз в эту чашку с водой крупу всю рассыпал. Вот такая история. Печальная, правда, но когда, Дзюба рассказывал, все вокруг ползали под столом от смеха.

Был у него боец по фамилии Ким. Его предки были корейцами. Он по-корейски ничего не знал, но всегда очень гордился, что в паспорте написано - кореец. И вот этого бойца ранили в перестрелке. На колонну духи напали, обстреляли из "зеленки" и ушли. Убитых не было - только раненые, в том числе и Кима зацепило.

Зацепило по легкому, руку навылет, кость цела. В медроте заштопали. Потом вместе со всеми ранеными на аэродром Северный, что в Грозном, а потом - в Моздок, а оттуда куда направят: Ростов, Москва, Нижний.

Ким чуть на коленях не стоял, чтобы его не отправляли в тыл. Ранение это конец твоей войны. Все, дембель и домой. Он - нет, уперся, хочу воевать и все тут! Отправили его со всеми на Северный. На следующий день он уже в расположении части был.

Командир матом его кроет. Из Северного звонят, что боец пропал! ЧП! Снова засунули Кима на "броню", оттартали на Северный, под конвоем погрузили с другими ранеными на "вертушку", ну, все! Из Моздока уже не сбежишь! Хрен там все угадали! Через три-четыре дня вот он, красавчик! Как он сумел добраться из Моздока уже никто и не спрашивал. Оставили его при кухне, пока рука толком не заживет. Он после этого воевал, потом со всеми вместе вышел из Чечни, собирался поступать в военное училище, не знаю - получилось или нет, но воин отчаянный.

Ну вот, Дзюба вызывает Кима и говорит, чтобы тот что-нибудь приготовил корейское. А смысл такой - чтобы мясо не было похоже на мясо. Забыл сказать, что хоть Ким и не знал ни слова по-корейски, но секреты национальной кухни знал. Мог из кузнечиков такое блюдо сделать, что пальчики оближешь, или мясо с сахаром тоже. Ешь и не поймешь, что же это такое.

А накануне у нас на растяжке дух подорвался. Знатный дух. Борода, оружия целый арсенал, повязка зеленая на башке с арабскими письменами, все как положено. Разорвало его хорошо. Весь организм по запчастями на ветках развесило.

Ну вот, Дзюба, не будь дураком, взял и подобрал оторванный палец. Стереотипное мышление. Пригласили мы главного духа - главу администрации деревни на ужин. Принесли это мясо, приготовленное, не как обычное. А оно как бы в сахарной глазури что ли. Соус кисло-сладкий, но вкусно, слов нет. Гостю - самый лучший кусок. Самый большой, большущий кусманище. Сидим, чавкаем. Водочку попиваем.

Душара и спрашивает, а что за мясо такое вкусное, понять не может. Мы и отвечаем, что вчера боевика разорвало на растяжке, вот, мол, его кушаем. Он смеется, а вот когда кусочек стал поменьше, он поднимает его, а под ним палец, который Дзюба подложил ему в тарелочку. Стереотипное мышление.

Что тут началось! Как стало этого деревенского старосту полоскать. Мы ему ведерко сразу и подсунули, а пока его рвало, пару раз по почкам саданули и спросили, не желает ли он стать нашим завтраком.

При этом Дзюба с хозяйским видом начал ощупывать бока духа, похлопал по спине, оценивая жирный мужик, или нет. Шею пощупал, в ухо заглянул. Потом достал свой нож громаднейших размеров. Он его с духа снял и очень им гордился. Нож был действительно устрашающих размеров, что-то типа мачете.

И начинает Евгений возле морды этого духа махать мачете, прикидывая, как лучше ему снять голову одним ударом, и у меня спрашивает, куда кровь лучше сливать? А также Женя ему говорит, что мы можем его начать есть еще живым, отрезать по кусочку и готовить. И прочие методы психологического устрашения тоже применялись. При этом и он, и я оговаривали, как лучше его освежевать и приготовить. Оговаривались соусы для различных частей тела. И при этом нельзя было переиграть.

Староста вообще голову потерял от этих разговоров. И при этом, заметь, мы его пальцем не тронули, не считая пары легких ударов по почкам. Может, он вообще не дух, или не расколется. Что с ним потом делать?

- Дух - гордый вайнах. Настоящий нохча повалился на колени, и молил о пощаде, ну мы и давай у него спрашивать про боевиков. Много рассказал. Что в деревне семь боевиков на "отсидке", отъедаются, сил набираются, нам диверсии устраивают, а координирует их действия - этот глава администрации. А завтра встреча у него на тропе с посланцем банды. И вот тогда же одни духи должны уйти, а новые - прийти.

Смена караула. Сигналом для этого должен послужить сход граждан. Селяне приходят к КПП части, осаждают его, требуют прекратить войну, и прочая белиберда, а пока военные спорят с жителями - происходит смена духов, и староста получает новые инструкции от этого посланника. А звали этого проводника Муса Муслимов.

Ну вот, мы устроили засаду на этой тропе. Долго мучаться не стали. Мины "МОН-90" установили, радиовзрыватели. По радиостанции сообщили, что народ стал собираться. Блокируют КПП, блок-посты тоже блокируются. Но наши были готовы к развитию таких событий. С их стороны послышались шаги. Отдохнувшие духи собирались. Отдохнули, морды наели. Осторожность потеряли, что-то весело переговаривались. Минут через сорок с другой стороны подошли духи. Около десяти человек. Ободранные, но обвешанные оружием. Боевики. Стали обниматься. Целоваться с отдохнувшими. Потом что-то стали обсуждать. Предлагать им сдаться - себе дороже, мы рванули три "МОНки". Хорошо рванули! Сами чуть не оглохли, потом из стрелкового оружия добили. Живьем нам никто не достался, да и особо не старались. Глава администрации лежал рядом связанный, во рту тряпочка, у затылка ствол. Потом я сделал по контрольному выстрелу, ну, а потом я Муслимова "заполосатил" - завербовал. Он мне много что написал.

- Какую кличку ты ему дал?

- Не кличку, а оперативный псевдоним.

- И какой?

- Хотел "Задов", но потом передумал - "Хвостов".

- Хрен редьки не слаще. И что дальше? Начальникам доложил?

- Я что, похож на идиота?

- Вроде нет.

- Кто же, находясь в здравом уме и трезвой памяти, отдаст агентуру в зоне боевых действиях? Никто. Вот и эту образину я с собой утащил.

- Неплохо, неплохо.

- Так что к смерти Муслимова я имею самое относительное отношение, прости за тафталогию. И почему меня записали в кровники - хрен его знает.

- Так как насчет того, чтобы немножко разбогатеть? А, Алексей?

- Андрей, ты сам не веришь в эти бредни, а меня втягиваешь во все это. Даже на секунду допустим, что я соглашусь, и что? Что дальше?

- Дальше? Мы с тобой идем в Чечню. Идем под видом

иностранных журналистов, насмотрелся я, как они работают, сумеем пробраться к базе. Много и долго будем идти и ехать. Потом проникаем в хранилище, берем столько, сколько сможем, в первую очередь - счета в банках.

- Знаешь, мое государство научило, что самый лучший банк - это трехлитровая банка. Не силен я в этих науках, не экономист, не банкир. Не верю я бредням, которые вам наплел этот "муслим" в наркотическом бреду.

- Но с Муслимовым - правда?

- Частично. Ты хоть сам-то представляешь, что и как делать? Это же не мирная воскресная прогулка, и даже не турпоход? Да, кстати, нас могут схватить чечены, и ты снова окажешься в плену. Как тебе такой расклад? Понравилось у них? Милости просим еще в гости. Если твоя Родина способна выкатит еще миллион долларов, то моя порадуется, что удалось сэкономить на следственных, судебных и тюремных расходах. При этом можно раздуть шумиху в прессе, что злые чечены захватили бывшего участника Южного похода. Меня, может быть, наградят... посмертно. Помнишь фильм "Бриллиантовая рука"?

- Помню. Но, несмотря на то, что я был в чеченском плену, и хлебнул столько, что не снилось тебе и в кошмарном сне, то прекрасно понимаю, что именно меня - нас там ждет. Пойми, если я сейчас вернусь в Израиль, то из меня выудят эту информацию. И что дальше? Что?

- Все достанется дядям из Москвы и Тель-Авива. В Москве много евреев, они сумеют договориться со своими родственниками с исторической Родины? Но ты-то сам-то хоть веришь, что такое возможно?

- Что возможно?

- То, что где-то в горах Чечни расположено хранилище финансовых средств покойного Президента Ичкерии?

- Да, Алексей, я верю, - голос у Рабиновича был тверд, он смотрел в глаза прямо, не отворачиваясь.

- И ты отдаешь себе отчет в том, что необходимо пройти вражеской территории без оружия несколько сотен километров, совершенно без оружия, незаметно проникнуть в горно-лесистую местность, а там захватить, или же просочится мимо охраны на секретный объект, похитить там много денег, незаметно вынести их, и так же протопав много сотен километров в обратном порядке, выйти на территорию России, где нас могут схватить и лишить, как денег, так и свободы. Ты в этом отдаешь себе отчет?

- Да. Отдаю. Но пойдем мы не совсем "голые". Кое-что мы с собой прихватим!

- Пару ножей и открывашек для консервов?

- Нет. Мы заложили тайники на территории Чечни.

- Нафига?

- Я понимаю так, что групп сопротивления.

- Сопротивления кому? России? Так Чечня уже почти не входит в состав РФ.

- Нет, для оказания сопротивления чеченскому режиму.

- Ты меня за советскую власть-то не агитируй. Говори толком.

- Это все, что знаю, я-то был всего лишь грузчиком-водилой, но кое-что понял, подслушал. А местоположение тайников и способы, как их снять, я знаю.

- Археолог хренов. Что там есть?

- Много, очень много, - уклончиво ответил Андрей, всем своим видом показывая, что не расположен дальше развивать эту тему.

- Оружие?

- И оружие тоже.

- А что еще?

- Некоторые предметы носят двойное, а то и тройное назначение, все закамуфлировано под обычные предметы домашнего обихода.

- Только один хрен, не смогут они тягаться с Калашниковым и гранатометом. Я предполагаю, что данные предметы всего лишь куча взрывчатки, спрятанная во всевозможных бритвах, ручках - и прочая дребедень. Она хороша для кино, или же для точечных операций. Но для такого масштабного мероприятия, которое ты предлагаешь, этого будет явно маловато.

- А что ты предлагаешь, ЛJша? Танк?

- Лучше пару танковых колонн. Первая отвлекает противника, вторая штурмует высоту. А лучше - десант на вертушках, сначала авиация обрабатывает высоточку. А потом - ВДВ. Кайф, правда? Сколько там денег?

- Не унесешь все. Можешь стать гражданином мира. Весь мир перед тобой!

- Предполагаемая охрана?

- От отделения до взвода. Вооружение - легкое, стрелковое. Возможны минно-взрывные заграждения. Плюс ловушки в самом сооружении. Бункер строился на века, так что там возможно все. Сама охрана вниз не спускается, несмотря на то, что там имеются помещения для отдыха, запасы воды, подача воздуха. Живи - не хочу.

- Почему не спускаются?

- Запрещено. Помещение опечатано. Раньше кто-то предпринимал попытки проникнуть, но приезжали инспектора, и расстреливали всю команду охраны. Расстрельщики занимали

место охраны, и так два раза.

- Почти как в ЧК в 1937-39 годах. Действует безотказно, серьезные люди стоят за всем этим. Что удерживает людей в горах? Можно грабить на равнине, там ни славы, ни почета, баб там тоже нет.

- Деньги. Каждый ежемесячно получает по три тысячи долларов. Ни боев, ни риска, кормежка бесплатная. Каждый месяц одного отпускают вниз, к семье на две недели. Всех по очереди. Все знают, что если проболтаются о роде и характере службы - секим башка. Включая и тех, кому это стало известно.

- Уважаю. Серьезные ребята. Кто такие, что о них известно?

- ДГБ, плюс личная бывшая охрана Дуды.

- Департамент государственной безопасности. Для нас это был лакомый кусочек. Каждый сотрудник для нас был желанной добычей. Каждый из них кладезь информации. Они охотились за нами, а мы - за ними. Обоюдная охота.

- Чего ты боишься, Алексей? Что ты потеряешь? У нас же будут документы прикрытия.

- Знаешь, бьют не по документам, а по морде. Это во-первых. Во- вторых. Боюсь потерять здоровье, жизнь, свободу.

- Если ты останешься в России, ты также можешь потерять жизнь, здоровье и свободу. Ты теперь - вне закона, или забыл про это? Зато, если удастся, то у тебя будет ВСi! Ты понимаешь? ВСЕ! Абсолютно все! Ведь ты по своей натуре зверь. Для тебя животные были дороже, чем люди. Вспомни, как ты опоздал на работу, потому что нашел подыхающего щенка и отвез в ветеринарную клинику. Там тебе сказали, что у него перебит позвоночник, и щенок крайне истощен. Врачи тебе предложили усыпить его, но ты отказался, и повез его снова на такси в часть. А по дороге щенок умер. Прямо у тебя на коленях. Ты похоронил его за казармой, у забора, и посадил цветы на его могиле. Так?

- Дальше.

- А вот убить человека для тебя - просто, без сожаления. Раз, и все. Так?

- Дальше.

- Ты - зверюга. Я еще удивляюсь, как с тобой жена столько лет вместе жила? Хотя отец ты заботливый. Сам видел, как ты возился со своей малышкой. Усталый, небритый с полигона приезжал, и только умывшись, ребенок тебе садился на шею, и ты катал ее. У тебя было педагогического терпения и навыков больше, чем у жены. Ребенка ты баловал, позволял из себя вить веревки, но для остальных окружающих ты был зверем. Вспомни, как в Приднестровье тебе попался раненый румын. Он был пленный, но он был снайпером, убившим в твоей роте двух

человек. Ты просто пристрелил его. Выстрел в голову. Потом пошел и даже не обернулся. Пристрелил, как муху прихлопнул. Не знаю, что ты в Чечне вытворял, но думаю, что никто из твоих рук живым не вышел. Не зря тебя в кровники записали. Чего-то ты не договариваешь.

- Ты тоже многое скрываешь. Если я такой зверюга, которым ты меня рисуешь, так скажи мне - не боишься, что я тебя прибью, или использую, а потом предам, брошу?

- У тебя есть принципы - не предавать тех, кто с тобой в одной стае. Ты будешь биться до последнего, собой можешь пожертвовать, не бросишь и не продашь. Возвращался сам под обстрелом, чтобы двух бойцов из-под обстрела вытащить. На них ступор напал. Вытащил. Ни царапины - ни у тебя, ни у бойцов. Что ты им сделал? Ничего, только каждому по уху по разу заехал, и все. Потом выпил стакан вина и приказал всем окружающим заткнуться и не вспоминать этот эпизод никогда. Хотя, по большому счету за это надо давать "Героя"...

- Ага, посмертно! - перебил я его. -Ты к чему клонишь?

- Между нами и деньгами лишь несколько сотен километров. Есть еще масса досадных помех, но наш опыт поможет вытащить их. Если бы я не знал наверняка, что там деньги, неужели ты думаешь, что я сам бы полез туда?

- Хрен тебя, Андрей, знает. Откуда я знаю, может, тебе это пригрезилось в чеченском плену, а может, тебе дезу подсунули, и ты ее благополучно схавал? Сколько вы не дошли до места?

- Около тридцати километров.

- А счастье было так близко! - я усмехнулся, выпуская дым к потолку.

- Потеряли бдительность, - Андрей потупил взгляд.

- Вам задавали вопросы про это место?

- Нет. Они сами не знали, что к чему. Если бы знали, то просто прикончили бы нас. У них денег-то должно было быть много, и этот миллион так, на сигареты.

- Миллион никогда лишним не бывает! - я назидательно погрозил пальцем.

- Так какое решение ты принял? - Андрей настаивал на ответе: - Я могу сам уйти, но могу оттуда уже не выйти, и ты останешься вообще без денег!

- Ой, вот только не надо на меня давить и мелко шантажировать. Не получится, и не мечтай! Сбавь обороты. Ни жалость, ни шантаж здесь не проходят. Здесь нужен трезвый расчет, очень трезвый. Я посмотрю на твою физическую форму, здесь уравнение со многими неизвестными, и как бы ты не рассчитывай, потом вмешается человеческий фактор, и все пойдет

прахом.

- Почему так думаешь?

- Потому что знаю людей, от них ничего хорошего не жди, лишь только подлости.

- Ты что, в свои юные годы разочаровался в людях?

- Я слишком долго наблюдал за изнаночной стороной человеческой натуры, чтобы понять, что все люди - дерьмо.

- А ты?

- А я первое дерьмо.

- А я?

- Ты тоже.

- Так зачем же ты помогаешь мне?

- Должно же дерьмо помогать друг другу! - рассмеялся я. - Хлопнул Андрея по плечу: - Не бери в голову. Доверять можно только своим родителям, АКСу и напарнику. Сейчас, получается, что ты мой напарник, поэтому пока можно и тебе доверится, тем паче, что АКСа под рукой нет. Я подумаю, Андрей, подумаю. А ты вспомни, что там в тайнички спрятали твои покойные кореша. Это очень важно. И насколько далеко это от границы, и от нашего Клондайка! Там, где ждет нас богатство, и роскошная, полная пошлости и разврата жизнь! Кстати, о птичках и прочих бабочках, ты монахом не стал? А то я соскучился по женской ласке, пусть продажной, но ласке.

4.

- Без проблем!

- Окреп?

- Давай, зови! Только выпить и закусить возьми побольше, да девчонки пусть будут помоложе и не страшные. И обязательно чтобы русские!

- А то, может, давай чеченок вызовем, заодно отомстишь!

- Да пошел ты!- Андрей со злостью ударил по столу.

Оставшийся вечер и ночь мы провели в объятиях двух очаровательных студенток, подрабатывающих проституцией, по крайней мере, это они так нам заявили. Хорошие девчонки попались. Андрей тоже остался доволен.

Два дня я выпрашивал у Андрея подробности местонахождения сокровищ "Али Дудаева", но он наотрез отказывался сообщать. Лишь указывал приблизительный район.

На местном базаре я купил листы военной карты Чечни. Забавно было читать в верхнем углу карт грозное слово "Секретно". Я только усмехнулся, когда продавец предупредил меня, чтобы я особо не показывал никому карту. Потом купил несколько листов карты-"трехверстки" различных районов Чечни, в том числе и района, где, по словам Андрея, был спрятан бункер

чеченского Гарун-аль-Рашида.

Война наложила свой отпечаток на приграничный с Чечней регион. Тут можно было купить и карты и оружие, и еще много чего интересного. Все было очень заманчиво, но нельзя было брать это все с собой, каждая мелочь могла нас погубить.

Теперь мне мои злоключения с ФСБ казались лишь невинной забавой на свежем воздухе. Предстояло то, что называется "билет в один конец".

Погодный фактор тоже имел не последнее значение. Скоро листва полностью сойдет, опадет. Не будет "зеленки". Когда я воевал, то отсутствие зеленой листвы меня радовало, а теперь огорчает. Все в этой жизни меняется. И скоро пойдет снег. В горах он ляжет и будет лежать до весны. Снег - это следы. Которые остаются надолго, даже слишком надолго. А речь идет о скрытом проникновении к объекту и, возможно, на сам объект. Вся эта авантюра мне нравилась все меньше и меньше.

И тем не менее подготовка к предстоящей операции меня захватывала все больше и больше. Что мной двигало? Я держал миллион долларов совсем недавно, и почувствовал всю силу денег. Я мог стать свободным и независимым, вот для чего мне были нужны деньги. Стать свободным и независимым... С другой стороны, я мог снова получить порцию тех ощущений, что получал там, в Чечне, в 1995 году.

Пусть скажут, что я безумец и позер, но тот самый адреналин, вкус жизни, можно получить лишь там. Мирная жизнь пресна и сложна. Там - все просто и понятно. Есть свои и чужие.

Правда, здесь надо внести одну поправку. Моим напарником в данном случае был израильский шпион. Отличный парень. Но еврейский шпион, может, так же как и я шел в Чечню за деньгами, но могли быть у него были и другие мотивы? Кто знает. Поживем - увидим.

Следующим этапом подготовки стала экипировка. На местном рынке я подобрал куртки.

В моде был стиль "милитари", и поэтому полувоенной одежды было много, очень много. Можно было купить полный набор формы как отечественного, так и зарубежного производства, но мы должны изображать мирных корреспондентов правозащитных изданий. А не крутых парней.

Поэтому и подобрал я две серенькие неприметные курточки, утепленные, в грязных абстрактных разводах, последний писк молодежной моды. Сверху материал грубый, немного шуршащий, непромокаемый. Внутри мягкий. Длина - до середины бедер, множество карманов, стоячий воротник, пристегивающийся капюшон, на локтях и плечах пришит второй слой материала.

Многие в городе щеголяли в этих куртках. Штаны - из толстого мягкого материала темно синего цвета, на коленях также пришиты куски материи.

Насчет обуви - был велик соблазн взять стандартные военные ботинки с высоким берцем, благо, что и выбор был велик, но тогда уж совсем мы переставали быть похожими на безобидных борзописцев. Поэтому я купил обувь Андрею, сам решил остаться в старых ботинках. Можно было и брюки оставить прежние, но уж больно мне понравились новые.

Оставшиеся деньги разделили поровну, большую их часть спрятали в трусах. Каждый пришил по непромокаемому карману. Никто, ни российский милиционер, ни чеченский бандит не полезет в трусы. Ну, или, по крайне мере, если один погибнет, то второй всегда может забрать у покойного деньги. Мертвому деньги уже ни к чему. Ни я, ни Андрей уже давно не верили в загробную жизнь. А если бы она существовала, эта загробная жизнь, то нас там давно б уже черти со сковородками дожидались.

Продукты брал высококалорийные. MJд брал засахарившийся, топленное масло, грецкие орехи размололи на хозяйской мясорубке, туда же добавили изюм без косточек в пропорции два к одному. Две части орехов и одна часть изюма. Это помогает, когда устанешь, для поддержки сердца и печени. Стимулятор великолепный. Знаю, что когда с возрастом наступят проблемы с потенцией, то чайная ложка этой смеси перед приемом пищи поможет мне. Сможет помочь, если доживу до такого возраста. Эх, мама, не горюй!

Потом мы долго обсуждали, с какой стороны заходить на чеченскую территорию. Легче всего было бы попробовать со стороны Ставропольского края. Ближе к цели - с Дагестана, но решили с Ингушетии. Через станицу Петропавловскую выходим на Аргун, а затем - вперед, на линию прямого броска до денег. На карте все выглядело просто и заманчиво.

Также было приобретено около полусотни фотографических пленок самой высокой светочувствительности с максимальным количеством кадров. И батареек для фотоаппарата и диктофона полсотни штук. Я был против такого количества и места много занимают, и вес немалый, и стоят очень-очень прилично. Андрей просил покупать самые дорогие. На мой резонный вопрос, на кой черт ему понадобился такой тяжелый, дорогостоящий и бестолковый груз, Андрей ответил, что, возможно, на месте они нам все пригодятся. Темнит еврейский шпион, ой темнит. Ну, да ладно, будет и на моей улице праздник. Главное, чтобы деньги были, а не очередные сексуальные сказочки про Белоснежку и

кучу мужиков маленького роста.

Я привык к планированию, и поэтому прорабатывал кучу вариантов. От того, каким маршрутом мы будем пробираться, до того, какие вопросы задавать во время интервью. Заставил Андрея выучить легенду. Гонял его несколько часов. Чтобы на вопросы он отвечал незамедлительно, без раздумий. Точно так же я изнурял себя. Последние дни мы уделили физической подготовке. И дело не ограничивалось упражнениями с гантелями, отжиманиями и приседаниями. Мы вместе с Андреем стали вспоминать тактику и способы ведения рукопашного боя. Нам не нужен был длительный красивый спарринг. Один удар - одна смерть. Мы тренировались, как использовать то, что находилось под руками. Ремень от фотоаппарата, батарейка, зажатая между костяшками пальцев. Как мгновенно перерезать горло или вену фотопленкой.

У каждого человека в карманах и одежде есть масса предметов, которые могут при правильном использовании стать смертельным орудием.

И поэтому мы телом, мышцами вспоминали и учились заново, как убивать подручными средствами. Ошибка - твоя смерть. Все должно быть быстро и бесшумно. Бесшумно и быстро. Быстрая смерть - безболезненная смерть. Так что мы были гуманистами в некотором роде.

У Андрея была несколько другая тактика. Если я, например, в отрабатываемой схеме старался сразу пробить глаз или гортань, то Андрей сначала бил в пах или ломал ногу, а только потом уже приканчивал. Коронным номером у Андрея было размозжить голову коленом. Кому что нравится. По мне проще пробить глаз и добраться до мозга. Но надо отдать должное, у Андрея подготовка была лучше. Техника более отточенная, без лишних движений, и конец упражнения заканчивался фиксацией. Смертью его противника. Не хотел бы я с ним повстречаться в бою. Еще неизвестно, чем бы закончилась наша схватка. У меня как-то больше импровизация получалась. Андрей работал больше на "автомате".

- Ты этому в археологической экспедиции научился? - спросил я его в коротком перерыве.

- Понимаешь, некоторые рабочие буянили, с ворами также приходилось работать, - отдуваясь и ничуть не смущаясь ответил Рабинович-Коэн.

- А потом, что с трупами делал? Выдавал за артефакты?

- По обстановке, - Андрей усмехнулся. - Попробуем спарринг?

- Давай.

Бой вдвоем у нас с Андреем получился. Не знаю, что подумали соседи снизу, но пару раз каждый из нас падал с

грохотом на пол.

Этот поединок я выиграл. Не знаю, самому мне это удалось, или Андрей поддался, но просто я заметил, что Андрей правый боковой "блок" ставит двумя руками, и только на одном уровне. Этим и воспользовался. Сымитировал удар в голову левой рукой. Когда он ее отбил, то тут же нанес удар в печень, сбил с ног и провел "удушение" воротом одежды старым испытанным приемом из дзю-до.

Конечно, Андрей пытался меня сбросить, и разбить промежность, но я был наготове и душил всерьез. Плюс масса тела помогла. Рабинович не сдавался и не хотел стучать рукой по полу, показывая, что сдается. Он так и бился подо мной, пытался нанести удар мне в лицо, ударить обеими ладонями по ушам, ударить по глазам, сломать нос, но я был настороже, все его попытки прошли впустую.

Вот он ослаб, глаза закатились, я встал, похлопал по его по щекам.

Андрей поднялся, стал растирать шею. Начал кашлять.

- Ну ты, Леха, и садист! - сказал он хриплым голосом в перерыве между кашлем.

- От садиста слышу. Сам тоже провел бы удушающий или болевой, если бы представилась возможность.

- Провел бы, - Андрей согласно кивнул головой.

- Ну вот, видишь. А меня садистом обзываешь. Почему по полу рукой не стучал?

- Не знаю, хотел победить, - Андрей пожал плечами.

Похоже, что он никогда не сдается. И хороший и тревожный знак.

- Что еще можешь показать? - Андрей смотрел на меня уважительно.

А то! Израильского спецназовца "завалил" российский опер! Пардон, бывший опер.

- Однажды пришлось "работать" в идиотской ситуации. Я - с ножом, "дух" - в бронежилете, но без оружия, только палка в руках.

- И что?

- Он замахнулся, я отошел в сторону: палка ударяет в пол, я хватаю левой рукой кисть его правой руки. Дай кисть, - беру кисть правой руки Андрея. - И ножом ра-аз по вене, - провожу пальцем по вене: - Твои действия?

- Конечно, хватаюсь за кисть. Кровь идет. Инстинкт самосохранения. Кровь надо остановить! - после некоторого раздумья ответил Андрей.

- Правильно! Потом легко, плавно, но твердо режу ему

сонную артерию справ на шее, тут же - слева. Что ты делаешь?

- Как что - зажимаю порезы! - Андрей попытался зажать "порезы" на шее и руке.

- Точно. Я режу артерию в подмышечной впадине слева, а затем паховые артерии или вены, не разбираюсь в анатомии, слева и справа.

- Охренеть! -Андрей смотрел на меня недоверчиво. - А ну-ка еще раз. Сначала медленно, а потом быстро. Нож возьми на кухне.

- Ну, держись! - я взял нож на кухне, повернул его незаточенной стороной.

- Поехали! - Андрей встал в стойку. Намеренно сделал выпад правой рукой, я перехватил кисть. И повторил "упражнение". Сначала медленно, а потом - быстро.

Андрей ошарашено смотрел на нож и потирал места "порезов", иногда смотрел на руки, не порезал ли я его на самом деле. На лезвие я давил как положено. На шее и руке у него остались красные полосы.

- А почему ему в пах просто не ударить ножом? Болевой шок, и все.

- На нем была модель броника, где яйца закрыты. Если бы не было этого свисающего конца бронежилета, то все было бы проще.

- Сам этот прием придумал? - Андрей смотрел на меня с уважением.

- Нет - врать не буду. В Новосибирске, в "бурсе" обучили. Нашей группе повезло, у нас был препод - фанат холодного оружия и поручных средств. Именно он научил, заставил фантазировать. Говорил, что любая комната наполнена смертельным арсеналом, надо только уметь им воспользоваться. И в карманах у человека всегда полно всякого оружия. Начиная от обычных ключей, расчески, авторучки, заканчивая пачкой сигарет. Один раз мне точно его знания помогли, а то бы не стоял бы я с тобой рядом.

- Научи меня этому приему, как вскрыть вены у товарища за пять секунд, - Андрей усмехнулся.

- Понравилось?

- Сначала надо попробовать.

Я показал Андрею, как это надо делать. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Андрей это сделал не менее тридцати раз, потом очень долго "резал" вены и артерии у воображаемого противника.

- А почему нельзя сразу горло перерезать - и все?

- А ты попробуй, только не на мне, на воображаемом

противнике. Видишь, неудобно, и здесь надо наваливаться, можешь получить удар по корпусу или в пах. А так - держишься на расстоянии и несколькими порезами лишаешь противника жизни. Мелочь, а приятно, согласись!

- Согласен.

Рабинович пытался разрезать горло у противника, но всякий раз приходилось приближаться вплотную и "открываться". Он сокрушенно покачал головой.

Андрей показал мне два приема, как ломать ногу человеку. Это очень просто. Главное - угол. И при желании ломаешь на выбор либо голень, либо колено, с бедром потяжелее, но тоже возможно.

Даже небольшого толчка достаточно - и летишь на пол, и нога отнимается. Мне понравился этот способ.

Также мы пришли к согласию, что ломать шею у человека не так просто, как это постоянно демонстрируют в американских боевиках. Я показал, как я это делаю. Хватаю противника за голову сзади, плечо упираю в сочлене череп-шея и резко подныриваю, а в это момент плечо резко идет вверх. Таким образом рвется шейный отдел, противник умирает. Тут, правда, не для слабонервных, у покойного гражданина начинаются конвульсии, судороги. Которые могут продолжаться до пары минут. Но ради сохранения собственной жизни чего не сделаешь!

Андрей показал мне, как он умеет ломать шею. Он это делал коленом, с размаху прыгал на задний отдел шеи. Также он утверждал, что это можно сделать, если рубануть рукой по тому же "стыку" головы и шейного отдела. Но здесь, по его словам, нужен навык, опыт. Видимо, на мумиях тренировался, археолог хренов.

Мы потом еще долго разбирались как эффективно пользоваться радиоприемником - радиостанцией - сканером. Я долго слушал радиоэфир. Пытался уловить знакомые позывные разведчиков наружного наблюдения.

У нас они объект наблюдения называли "кротом", "больным", "шефом". А машину, за которой велось наблюдение - "аварийной". Но не удалось ничего подобного перехватить. Лишь послушали, как пожарные матерились в эфир, когда возвращались уже в пятый раз с ложного вызова. Тут я им посочувствовал. Дураков везде хватает, а пожарные призваны спасть людей и нажитое добро. Пару раз проскакивала иностранная речь.

Андрей навострил уши, весь подобрался. Начал слушать.

- Ну, чего? - я тянул его за рукав.

- Чечены что-то продают неподалеку, вот и переговариваются, озираются и докладывают о подозрительном. Пока тихо.

- Капусту с радиостанциями не продают, - усмехнулся я. - Скорее всего либо оружие, либо большая партия наркоты...

- Нет, Леха, это заложник, даже два заложника, - у Андрея руки сжались в кулаки, по лбу скатилась крупная капля пота.

- Спокойно, Андрюха, спокойно! - я положил ему руку на плечо.

- Они привезли их в багажниках двух машин, кажется, перевозят с одного места на другое. И это недалеко от нас.

- Почему так решил? - мне не очень хотелось втягиваться в эту авантюру. Сначала Андрей втянул меня в аферу с золотом "партии" Дудаева, а теперь, зная его недавнее прошлое - в освобождение заложников.

- Стационарные посты расположены недалеко - слышно хорошо. Это раз, а во-вторых шумы на улице и шумы в радиостанции одинаковы.

- Дай, послушаю, - я взял сканер.

Подошел к окну, открыл форточку и начал сравнивать. Гортанную, "хекающую" речь я не слушал, лишь помехи, шумы города. Сигналы машин, шум машин совпадали. Почти одновременно. Я начал отслеживать шум проезжающих машин. Вот идет "КАМАЗ", громыхает железом в кузове. Он прошел мимо нашего дома и через полминуты я услышал его лязг в сканере. Рядом, очень рядом. Рассказал Андрею.

- Спокойно, Андрей, спокойно, - я начал разговаривать с ним, чтобы отвлечь.

Андрей уставился в одну точку и лишь слушал эфир.

- Тебя разве не учили, что нельзя отвлекаться от главной задачи? Наша главная задача - золото Чеченской Республики, если ты меня не обманул с ним.

- Не обманул! - голос Андрея был тверд и сосредоточен.

Он схватил бинокль и рванул в комнату, которая выходила на противоположную сторону. Шарил биноклем по улице. Делал это грамотно, через щель между шторами, не приближаясь к окну. Через минут пять он заорал:

- Есть! Попались суки! Смотри, Леха, смотри! - он указал направление. Видишь закрытый гастроном или что там.

- Вижу. А рядом красная "девятка", стекла тонированные. Рядом с ней пижон "криминальной" национальности. Для форсу очки темные напялил. Руку правую держит на поясе. Могу предположить, что там он прячет пистолет, судя по всему "Макаров". "Стечкина" он бы так не держал. Морда у этого охранника дюже криминальная. Мальчик правое плечо держит выше левого. (В данном случае это, может, ничего и не значило, но по себе знаю, что так получается, когда долгое время таскаешь

автомат на правом плече. Мышцы привыкают к нагрузке, и по привычке задирают плечо вверх.)

- Дай я посмотрю, - Андрей выхватил у меня бинокль. - Хороший, кстати, бинокль.

- Да, хоть и написано, что "сделано в Китае". Он японский, просто шиндик, что склепали в Китае.

- Самое главное, не искажает, и каждый монокуляр можно регулировать отдельно. Запиши номерок машинки. А вот и еще пожаловали гости.

Вид на магазин был не под очень удобным углом. Был виден только угол здания. В ворота складского помещения въехала "Волга". Охранник остался на месте. Ждет еще одну машину. О! Он разговаривает с левым рукавом своей куртки. Видимо, насмотрелся боевиков. Проще и удобнее закрепить гарнитуру под воротником свитера. Двигатель у "девятки" работает, возможно, что кто-то в машине.

- Андрей, это делается гораздо проще.

- Как?

- Я схожу и позвоню из уличного телефона-автомата в ментовку, они приедут, освободят заложников, поломают по паре ребер боевикам, закроют их лет на восемь.

- Попробуй. Только подождем, когда привезут второго заложника. Леха, ты не представляешь, каково быть заложником в руках этих ублюдков, - Андрей был возбужден.

- Что, Андрей, руки чешутся сломать пару шей?

- Заметно? - Андрей вытер тыльной стороной пот со лба, но при этом не отрывался от окуляров бинокля.

- Очень.

- Не получится. Я не хочу потерять свои деньги из-за твоего благородного порыва.

- Ты стал таким черствым?

- Бисмарк сказал: "Бойся первого порыва, ибо он самый благородный!" Вдвоем мы с тобой, с голыми руками на толпу вооруженных чеченцев, какие шансы победить? И нет гарантии, что заложники останутся в живых. Я мыслю рационально и удивляюсь на тебя.

- Ты не был в чеченском плену.

- Мне везет. Ну, что там на улице? Второго привезли? И почему ты решил, что там заложники, может, просто груз контрабандных сигарет?

- Когда говорят о сигаретах, спрашивают насчет того, не задохнется ли этот вонючий баран-урус?

- М-да, ребята явно не любят русских...

- Приехали, - Андрей перебил меня.

- Смотри на заднюю подвеску машины, она должна быть перегружена.

- Перегружена. Машина старая, почти багажником скребет по асфальту. Иди звони. Может, твоим бывшим коллегам?

- Не стоит. Они сначала установят внешнее наблюдение, будут присматриваться, принюхиваться, потом окажется, что кто-то из этой банды работает у них "штыком" - стукачом. Они будут долго думать и планировать, как вывести его из-под удара. Потом будут долго и нудно планировать операцию по захвату, согласовывать с Москвой, а тем временем от заложников останутся лишь рожки да ножки. У ментов все быстрее и проще. Приехали, всех повязали, а потом уже выясняют, кто чей агент. Проверено. Я пошел.

Я взял пакет, оделся как человек, отправляющийся за покупками в продуктовый магазин. Прошел расслабленной походкой мимо магазина, запомнил адрес.

Охранник пижонистого вида стоял возле ворот в складское помещение. Внутри стояли две "Волги", я запомнил номера машин. Все номера были "крутыми", начинались с двух нулей. Серия местная. Авторитетные пацаны. Тем больнее им будет падать мордой в асфальт. Жаль, что не смогу поучаствовать в этой операции. Эх, жаль! Руки зачесались непроизвольно, я спрятал их в карманы. Так, что еще?

У красной "девятки" водительское стекло было приспущено, оттуда поднимался дымок от сигареты.

Значит так. В "девятке" - минимум один, в "Волгах" по два человека: один не будет перевозить заложника, грузить и выгружать, а также при необходимости одному несподручно выбрасывать "груз". Плюс наблюдатель у ворот. В эфире было три стационарных поста. Значит, где-то неподалеку еще минимум три человека. В случае большого шухера, они могут предупредить. А где? Где?

Я остановился и начал прикуривать. Ветерок задувал пламя зажигалки, я крутился на месте, стараясь прикрыть огонь от ветра. Делал я это на перекрестке. Ага, вон два поста. Стоят по два человека возле своих машин и курят. Третий, третий пост где? Где этот дух?

Я бы засунул его на крышу - далеко видать, а на тебя внимания не обратят. Где, где эта вражеская обезьяна засела. Думай, Леха, думай, импровизируй! Где? От напряжения у меня потек пот по спине. Тем временем я поравнялся с одной из машин, рядом с которой стояли предполагаемые наблюдатели.

Один незаметно разговаривал с левым рукавом кожаного пиджака, второй тщательно прикрывал его. Еще хорошо, что они

не прошли специальной подготовки.

Я видел троих. Что могу сказать про них. Рост - от метра семидесяти до метра восьмидесяти. Возраст - от двадцати до двадцати пяти. Все вооружены. У того, кто возле магазина, минимум два пистолета. Один слева на поясе, второй - за брючным ремнем сзади.

Также мне показалось, что все увиденные неестественно задирают правое плечо вверх. Эх, ребята, посмотреть бы на ваши плечи и пальцы! Жаль, вас на войне не убили, не воровали бы, да не издевались бы над людьми.

Я прошагал квартал, не хотел звонить от дома. На следующем перекрестке, на автобусной остановке заметил юношу характерной наружности, который сидел на скамейке на автобусной остановке. Читал газету. Автобусы, люди сновали мимо него, он не обращал никакого внимания на них, спина напряженная, ровная, только проезжающая мимо машина ГАИ заставила его оторваться от газеты и нервно проводить ее взглядом. После этого он поднес часы почему-то не к глазам, а к губам. Сложно держать газету и говорить в часы. Кому что нравится.

Я прошел за его спиной. Один бросок - и я завалил бы этого боевика на землю и оторвался по полной программе. Сигарета кончилась, я остановился неподалеку и начал прикуривать новую.

Поначалу я не поверил своим глазам. Пришлось изобразить, что не могу прикурить. Под плащом у этого юноши на правом плече висел АКСУ! Что-то серьезное мальчики задумали. Надо поторопиться. Сегодня суббота. Возможно будет затяжка по времени.

И еще. Этим делом заинтересуются мои бывшие коллеги. Все переговоры по телефону в дежурной части фиксируются на магнитофонную ленту. Комитетчики быстренько идентифицируют мой голос. Это произойдет не раньше вторника. Понедельник - день тяжелый. Значит надо сваливать из города. Надо сваливать. Эх, заложники, не дали толком все проработать мне все до конца! Не получилось! Вот так всегда! Планируешь, планируешь, а тут вмешивается человеческий фактор и все летит коту под хвост!

Были даже сомнения - стоит ли звонить в милицию, но потом решился. Духи под самым носом разгуливают с автоматами, сидят с этим грозным оружием на остановке, и могут столько людей накрошить, что просто страшно представить.

Вот и уличный таксофон. "02" набирается бесплатно. После третьего гудка сняли трубку. Женский официальный голос.

- Девушка, слушайте внимательно, повторять не буду.

Я кратко, внятно сообщил им о том, что видел, передал номера машин, адреса, вооружение. Особое внимание заострил на том, что они все, по моему убеждению, бывшие боевики, - хотя, разве боевик может быть бывшим? Рассказал также про юношу с автоматом, сидящего на автобусной остановке такой-то по четной стороне улицы. Сказал, что если милиция поедет туда с мигалками и сиренами, то кроме двух трупов заложников ничего не найдет. Также рассказал про радиосвязь и про то, что бандиты наверняка сканируют милицейскую волну.

Кто говорит? Конь в пальто! Я бросил трубку. Достал носовой платок, вытер вспотевшие ладони, телефонную трубку, номеронабиратель. Еще не хватало, чтобы милиции достались мои "пальчики". Нет, мне этого не надо.

А теперь домой, к Рабиновичу, очень надеюсь, что он не пошел в одиночку выручать заложников, тогда - прощай мое золото партии!

5.

Наблюдатель по-прежнему сидел на остановке в позе сфинкса, уставившись застывшим взглядом поверх газеты. Тыльная сторона пристегнутого к автомату магазина хорошо виднелась на фоне обтянутого плаща на его спине.

Нормально, парень, все хорошо, только посиди еще полчаса, и тебя ждут бесплатные макароны на ужин в казенном ресторане! Только не дергайся никуда!

Меня подмывало остаться и посмотреть за захватом. Мальчишество, конечно, но с трудом преодолел соблазн. И пошел дальше.

Машины наблюдателей стояли на месте. "Волги" и "девятка" тоже были на местах. Хороший знак. Жаль, что у нас один бинокль.

Рабинович просто прилип к биноклю, между лопаток темнело пятно. Волнуется, переживает мужик. Я подробно ему рассказал об увиденном. В эфире было слышно, как чечены переговариваются. Что все спокойно и они замерзли. На что им ответили, чтобы заткнулись и ждали. Дисциплина у них была на месте.

Я нашел милицейскую волну. Не знаю какого РОВД, или ГУВД по области, но все было спокойно. Там какой-то дебош, там - ложный вызов. Там ограбили, а там - проверьте, поступил сигнал, что убийство. Ежедневные милицейские будни. А кому легко?

От всех этих треволнений и тренировок мне захотелось поесть, а может, просто нервное. Пошел на кухню, стал готовить яичницу с колбасой. Андрей отказался. Наше дело маленькое -

пригласили, а не хотите - как хотите.

Когда яичница была почти готова, Андрей заорал, я чуть сковороду от неожиданности не выронил.

- Леха! Леха! Началось! Смотри!

Я кинулся к окну, Рабинович бинокль не отдал, казалось, вогнал окуляры себе в глазницы, пальцы подкручивали регуляторы изображения.

Я увидел, что трое гражданских сначала "окучивали" ногами двух наблюдателей у "девятки". Особенно мне понравилось, как вытащили водителя из машины. Все как положено. Резко открывают дверь, захват кисти, рывок на себя, только показался корпус - удар в живот, а потом вяжут руки. С заднего сиденья выволокли еще одного гражданина.

Не знаю откуда, но вдруг появились мужики в бронежилетах и касках-"сферах". Они уже вытаскивали пятерых бандюков из магазина. Всех мордой в асфальт. На руках поблескивают браслеты. Браво, мальчики, браво!

Потом вывели на свет мужчину и женщину. У них были связаны руки, они закрывали глаза руками от солнечного света, с трудом передвигая ноги. Было видно, что передвигаться им тяжело, каждое движение причиняло невыносимую боль. Мужчина был одет в порванный костюм, ворот когда-то белой рубашки был наполовину оторван и болтался за спиной. Из-за расстояния нельзя было определить возраст и состояние мужчины. Мне лишь показалось, что лицо у него сильно опухло.

На женщине одежда тоже была изодрана. Как на груди, так и на поясе. То, что болталось, даже нельзя было назвать остатками одежды. Какие остатки от рванины. Видимо эти сволочи насиловали ее, и не раз.

Руки сжались в кулаки. Жаль, что не могу пару-тройку раз приложиться к каждому бандитскому ублюдку.

Кто-то из милиционеров перерезал веревки на руках несчастных, те стали растирать запястья. Потом подъехали машины уже с мигалками, сиренами. Из "девятки" достали два автомата. Из здания магазина вынесли еще пять автоматов и кучу всякого железа. Банда серьезная.

Подогнали те две машины, которые стояли "наблюдателями". Из них выгрузили пятерых задержанных, в том числе и юношу с остановки. То, что у него была растрепана прическа, и плащ был порван справа-сзади, меня позабавило.

- Молодцы менты! Отменно сработали! Так держать! Все, Андрей, пошли отметим это событие! Мы с тобой молодцы! Если бы не твои познания в чеченском языке, то хрен бы что вышло! Если бы мы не были в розыске, то могли получить по ценному

подарку, как бдительные граждане, или как борцы с террористами.

- Сейчас, Леха! Хочу досмотреть, чем закончится.

- Это долгая песня. Сейчас все это будут осматривать, составлять протокол осмотра.

На улице послышался вой "Скорой помощи". Сначала одной, потом второй машины. Вышедшие врачи бегло осмотрели бывших заложников, и помогли им сесть в разные машины.

А из магазина, который числился на ремонте, все продолжали выносить оружие, средства связи, форму, боеприпасы. При желании они могли долго здесь держать оборону.

Я положил руку на плечо Андрея. Он весь дрожал и был мокрый от пота.

- Пойдем выпьем, отметим. И самому станет легче, отпустит.

- Попозже. Ты пей, я потом догоню.

Я пошел на кухню. Налил себе полстакана вина. Яичница уже успела остыть. Но в качестве закуски годилась. Я успел выпить еще стакан вина, доесть сковороду яичницы, когда зашел Рабинович. Вид у него был измочаленный. На груди от воротника до живота - темный треугольник от пота, одышка, бледный весь.

- Такое ощущение, будто ты отмахал километров десять с полным комплектом. Автомат, БК, ОЗК, шинель в скатку, и вещмешок. Тебе не плохо?

- Тебе не понять! - он не то что сел, а рухнул на табурет, взял мое вино, выпил одним залпом. - Еще, - протянул стакан.

- Пей, не жалко, есть будешь?

- Нет! - он выпил полный стакан, пошатываясь пошел в спальню. Было слышно, как он разделся и лег. Минут через пять послышался храп, потом стоны.

И с этой развалиной мне предстояло идти по территории, захваченной врагом. Физически он крепок, форму быстро набрал, а вот морально... Если бы не я, то пошел бы Андрей в одиночку на банду вооруженных до зубов духов...

Вечером в новостях показывали задержанных, при этом было сообщено, что они длительное время находились в разработке, но потом скрылись и были объявлены в розыск. И лишь благодаря анонимному звонку были взяты с поличным. Также сообщалось, что банда занималась вымогательством, грабежами, захватом заложников.

И - что особенно приятно, задержанные проверяются на принадлежность к незаконным вооруженным формированиям в Чечне. Показали арсенал изъятого у них. У них были даже "Шмели" и "Мухи", пара мин направленного действия.

Выступила пара высоких милицейских чинов, которые с важным видом говорили что-то о неотвратимости наказания. Показали лица задержанных в анфас и в профиль. Призвали тех, кто пострадал от них, обращаться в органы правопорядка.

Я помню лица четырех. Спесивые были. Сильные. Холеные. А теперь от этого ничего не осталось. При задержании хорошо постарались. Лица были разукрашенными наливающимися синяками.

Налил себе вина, чокнулся с экраном телевизора, как раз показывали какого-то самого старого в этой банде, подмигнул ему, выпил. Знай наших!

Раньше за такую операцию целый год бы хвалили, а теперь я даже не могу прийти и сказать: "Вот он я - награждайте!" Этот героический поступок, без сомнения, был бы засчитан судом как смягчающее обстоятельство, но мне это надо?

Андрей, ворочаясь, проспал до утра; он стонал, хрипел, что-то бормотал. Я уже привык к его ночным крикам, поэтому не обращал никакого внимания. Зато начал готовится к походу.

Проверил свою одежду, снаряжение. Начал укладывать сумки. Завтра воскресенье - самый оптимальный срок для выезда из города. Силы милиции минимальны. Граждане заняты подготовкой к зиме.

Позвонил в справочные железнодорожного и автовокзалов, узнал, как добраться до столицы Ингушетии.

Через полчаса встал Рабинович.

Рассказал Андрею, что говорили в новостях. Он выглядел уставшим, но принял мои доводы разумными, и тоже начал собираться. Смотрю - он складывает в сумку масло подсолнечное, все таблетки нафталина, которые нашел у хозяев. Слава богу, я знаю, для чего они предназначены.

- Эй, орел! Ты что, совсем сдурел? - я начал возмущаться.

- А в чем дело? - Андрей сделал невинное лицо.

- Ты тут "дурака" не включай. Хрен с этим хозяйственным мылом, маслом, аэрозолями, все это можно объяснить, я насчет нафталина!

- От моли! - по-прежнему невинная рожа у Рабиновича.

- Это можно объяснить милиционеру, а вот чечену, который прошел курс минно-взрывного дела, не получится. И даже не пытайся. Весь этот набор выдаст тебя, - все равно, что обвешаешься оружием с ног до головы.

- Да ну!

- Я тебе дам "да ну!" Мне, чтобы сварить взрывчатку, понадобится гораздо больше времени и компонентов, нежели тебе, но я все же знаю, как это делается. И чичи знают. Нашелся

мне тоже читатель журнала "Юный сапер"! - я продолжал бушевать еще минут пять.

"Почистив" сумку Андрея (выкинул оттуда напильник, марганцовку и мазь Вишневского), наказал Андрею строго-настрого обходится безо всякой самодеятельности, поручил навести порядок в квартире. Сам тем временем сбегал в магазин, набрал две сумки продуктов.

Как договаривались с Виталием Черепановым, забили хозяйский холодильник продуктами, хозяину персонально купил литровую бутылку водки, ее убрал в морозилку. Позвонили чудо-казаку, поблагодарили за помощь. Оставили на видном месте двадцать долларов, перекрестились, посидели "на дорожку" и тронулись.

Услугами такси не воспользовались, поехали на автобусе. Андрей, долго не выходивший на улицу, смотрел во все глаза.

Забавно было наблюдать за ним. Вроде здоровый мужик, а вел себя как ребенок, приехавший в город из деревни. Всему искренне восторгался. Приходилось его одергивать, мог привлечь излишнее внимание, а нам этого не нужно было делать.

Билеты до Назрани купили без проблем. Мне понравилось ездить в спальных вагонах. Не знаю как они сейчас называются, а раньше были сокращенно - "СВ". К хорошему привыкаешь быстро и даже удивляешься, как это я мог раньше ездить в этих плацкартных и купейных вагонах!

Вокзал проскочили быстро. В холле болтался без дела милиционер. Времени определится - есть "наружка" за нами или нет, не было. Пошли внаглую - "на арапа".

Набрали газет, как местных, так и центральных, воды минеральной. Было желание набрать пива побольше, но не очень хотелось привлекать к себе внимание, когда мы перепьемся. На войне сухой закон. По крайней мере на ЭТОЙ, невидимой войне.

На настоящей войне я выпивал за неделю столько, сколько нормальный среднестатистический человек выпивает за год. Только тогда алкоголь помогал нам выжить, а СЕЙЧАС он мог нас погубить в самом начале операции.

Проводницей была молодая симпатичная девчонка лет двадцати пяти. Эх, если бы не вся эта афера с долларами, то можно было бы и позаигрывать с ней. Нельзя, Леха, нельзя! Мы выглядели как два командировочных.

Проводница лишь взглянула на наши билеты. Мы для нее были очередными пассажирами в длинной веренице похожих друг на друга лиц. Хотелось бы таковыми и остаться.

В купе мы разлеглись и стали глазеть в окно. Хороший край, хорошая земля. Поезд ехал не быстро, да я особо и не спешил

навстречу с тем, что отделяло меня от золота и свободы!

Так как с питанием будет не очень хорошо, мы налегали на мясо и мясопродукты. Калорийные орехи и изюм, конечно, хорошо, но мне больше нравится не растительная пища. Пили только минеральную воду. В тамбур выходили курить по очереди.

Отоспаться мы отоспались на квартире, сейчас продолжали прорабатывать варианты встреч с представителями милиции и чеченских бандформирований. Просматривали газеты. На первых полосах местных газет были репортажи о ликвидации крупной чеченской банды. Крупным планом - арсенал бандитов. Также говорилось, что бандиты дают показания. Ниточки связей банды вели в Чечню. Но, как писали журналисты, там и теряются. Так что все газеты констатировали тот факт, что взяли лишь исполнителей, но не удалось ликвидировать всю преступную цепь.

Рабинович, когда прочитал все это, вслух заметил:

- Тогда надо ликвидировать всю Чечню.

- Андрей, есть время не идти туда, только скажи точно, что там.

- Я очень надеюсь, что там золото.

- Хотелось бы верить. Так что едем.

И опять в сотый раз мы начали повторять ответы на предполагаемые вопросы.

- Слушай, Алексей, у каждого журналиста должен быть спутниковый телефон для связи со своей редакцией, а наш где?

- Добрые люди в камуфляжной форме сказали нам, что он нам ни к чему, и забрали его. Видимо, они сильно нуждались в нем, - я загнусавил голосом юродивого.

- Не переигрывай! - голос Андрея был сух.

- А если эти добрые самаритяне по своему спутниковому телефону свяжутся с нашей редакцией и спросят, посылали они двух придурков в Чечню для сбора материала или нет?

- Скажут, что посылали, - уверенно ответил мой попутчик. - Не мы первые, не мы последние.

- Хорошо у вас - археологов - все "схвачено", - "подковырнул" я Андрея.

- Работа такая! - парировал он мой выпад.

Мы постоянно высматривали, нет ли за нами "хвоста". А черт его знает! Нельзя вдвоем определить, ведется ли за нами наружное наблюдение. Ограниченное пространство вагона...

Прекрасно осознавая возможность, что нас могут прослушивать, мы, не сговариваясь, больше ни разу не упоминали "пещеру с сокровищами". Для меня эта "пещера", этот бункер стал капищем.

У древних славян капищем называлось место, где они поклонялись своим богам. В первую очередь - Перуну, Богу Солнца.

Я же стал поклоняться Богу Денег - Золотому Тельцу. И поэтому гигантское хранилище денег стало моим "капищем". Там я собираюсь поклонятся своему идолу. Но лишь поклоняться, а не умирать. Это в мои планы не входит. Деньги - это хорошо, но свобода и жизнь дороже.

Поезд вновь стучит колесами по стыкам рельсов. Сначала я ехал с миллионом долларов для спасения Рабиновича. Теперь еду с Рабиновичем за миллионом долларов. Ирония судьбы. Последнее время у меня были то миллион, то Рабинович. Теперь хотелось бы, чтобы у меня был и миллион и Рабинович. Очень хотелось. Рабинович был пропуском в мир моих мечтаний, а миллион - тем самым миром. Миром, где я буду человеком мира. Звучит сладко. Но есть старая армейская поговорка: "Посчитали на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!"

До столицы Ингушетии мы добрались быстро. Потом на автобусе до границы с Чечней.

Особенно старательно не "проверялись", но ничего не заметили. В данной ситуации нам нужно было добраться до Чечни как можно быстрее. Не думаю, что "наружка" ломанется за нами. Вряд ли.

С каждым километром приближаясь к Чечне, я начинал нервничать. Меня охватывало возбуждение. Сказать, что я не боялся, значит соврать. Несколько патетично, но мне казалось, что я чувствую, как со стороны Чечни веяло холодом, страхом, смертью.

Хотя, может быть, это просто нервы разыгрались. Рядом с нами ехали обычные люди. Они ехали, не проявляя никаких признаков беспокойства.

Я закрыл глаза, попытался расслабиться, не знаю, как внешне это выглядело, но внутри меня по-прежнему лихорадило. И как бы я ни старался себя успокоить, это плохо получалось.

Посмотрел на Андрея. У того тоже вид был неважнецкий. Он то облизывал пересохшие губы, то прикладывался к бутылке с минеральной водой. На лбу и на верхней губе выступил пот, он его вытирал носовым платком. Если так дело пойдет дальше, то нервозный и взвинченный вид выдаст нас еще до начала операции "Золото партии"! Так два нормальных журналиста из правозащитной газеты себя не ведут. Так ведут два дешевых контрабандиста с контейнерами героина в желудках.

Не объяснишь же людям, что Андрей чудом вырвался из духовского плена, а я был в двух командировках, на которых

потерял очень много замечательных друзей. И сейчас снова туда!!! Не хочу! Водитель, останови автобус! Я пешком убегу к себе в Сибирь! На хрен мне нужны эти деньги! Не хочу в Чечню! Пусть кто-нибудь мне принесет их оттуда! Не хочу! Не желаю к духам, к черту в зубы! Может, у черта и лучше, чем в плену у этих уродов! Твари! Я не могу их убивать, я не могу поквитаться с ними за своих товарищей! Не могу! Вместо этого я должен как баран блеять, ах, какие же вы несчастные! У, эти проклятые федералы! Хуль вам всем в зубы! "Несчастные"! Бандитское племя! И я, идиот, сам снова туда, без оружия, "голый"... Придурок!

Я вытер пот со лба. Нервы ни к черту, совсем ни к черту. Если кто-то из окружающих скажет хоть слово, могу взорваться как сто тонн тротила и порвать всех на британский флаг.

6.

Ловлю сам себя на том, что машинально расстегиваю и защелкиваю браслет на часах, там нож. Проверяю пряжку на поясе, там тоже метательное оружие. Пальцы ног шарят по выпуклостям подошв ботинок, там тоже ножи. Все как перед боем.

Руки машинально, автоматически проверяют наличие оружия и снаряжения. Все ли на месте, все ли подогнал как надо. И возбуждение почти такое же, как перед большим боем. Когда крестишься и плюешь перед собой. Прежде чем взять автомат в руки, если есть время, то плюешь на ладони, растираешь руки и берешь свой родной, самый дорогой в жизни АКС.

Я взял у Рабиновича бутылку с водой. Хватит одному глотать, дай и мне смочить горло. Вот так лучше. Мы все это время ехали почти молча. Так не пойдет. Это же алогично, когда вместе едут, но не говорят друг другу ни слова, а лишь озираются по сторонам и потеют. Это либо недобрые люди, либо два гомика поссорились перед поездкой.

Я начал разговор ни о чем, так, просто, чтобы заполнить дорожную паузу.

Вспоминали Кишинев. Службу в нашей славной части. Сослуживцев. На нас никто не обращал внимания, потом мы сообразили, что не следует в прифронтовой полосе вспоминать военную службу. Мы не военные, а всего лишь два мирных журналиста. Эх, надо было волосы отрастить подлиннее. Но всякий, кто длительное время носил короткую стрижку, знает, что стоит волосам отрасти чуть длиннее положенной армейской нормы, и чувствуешь себя как-то неуютно.

Поэтому разговор перешел в плоскость семейно-бытовых отношений.

- Лех, у тебя в Кишиневе была собака немецкая, экзотической

породы, с первого раза без стакана не выговоришь ее название. Как ее? Резинка, нет. Ну, как?

- Ризеншнауцер. Резинка! Сам ты резинка от трусов!

- Во-во, как она? Ты что-то про нее ничего не рассказываешь.

- Никак. Умерла. Но собака была грамотнейшая! Умница, а не собака. Во-первых, в советское время на границах было много массовых переходов. Но не со шпионской целью, а контрабандисты. Часто это происходило на советско-румынской границе. С одной стороны, вроде как Румыния из социалистического лагеря, и сильно укреплять границу, по типу как с Китаем не стоит, но тем не менее есть граница, и от этого никуда не уйти. И когда контрабандисты идут массово, то есть человек пять-семь, то с собой берут "корову".

- Не понял. Кого берут? Корову? А на хрена она им нужна? Тем более через границу. Не понял, поясни! - Андрей был озадачен.

Я сам представил, как группа контрабандистов ночью перетаскивают корову через границу. Ночь, луна, облака. Двое, упираясь в землю каблуками, тянут за веревку, привязанную к рогам коровы. Корова, нагнув голову, упирается всеми четырьмя копытами, присаживается назад, мотает головой. А сзади бедной животины пять-шесть человек, мешая друг другу, толкают корову вперед. Корова от натуги пускает газы и испражняется "по-большому" на "толкачей", что стоят сзади. И все это на глазах изумленных пограничников, которые стоят на другом берегу небольшой реки. Все. Занавес.

Я невольно улыбнулся своим мыслям.

- Нет. Это не та корова, что мычит и телится. "Корова" - новичок, первый раз идущий в переход через границу. Как правило - случайный человек. Ничего о группе не знает. Пацан сопливый, которого соблазнили на участие в этой авантюре большими деньгами. Как только через границу перешли, то сразу бьют "корову". Как правило по голове и поддых. А сами деру. "Корова" лежит в полуобморочном состоянии. Не в состоянии ни побежать следом за товарищами, ни вернуться через границу домой. В это время идет сигнал о нарушении границы на пульт дежурного по заставе. К месту происшествия высылается ближайший наряд. Впереди идет собачка, как правило - овчарка. К этому времени нарушитель, он же "корова", уже оклемался и пытается отползти, забиться под ближайший куст. Собачка его находит, вынимает его оттуда. Наряд ждет подхода тревожной группы. Тревожная группа приехала, пока туда-сюда, основная группа контрабандистов уже садится на поджидающую машину и растворяется на бескрайних просторах Советской Родины.

Была поставлена задача подобрать и подготовить собаку, которая была бы выносliва и могла автономно преследовать и бороться с группой нарушителей, в том числе и вооруженных. Несколько лет велись изыскания. Пробовали многие породы собак. И даже пытались переучить овчарок. Ничего не получилось. Вспомнили про ризеншнауцеров. Во время второй мировой войны немцы использовали именно эту породу при охране концлагерей. Это в кино показывают, что охранялись они восточно-европейскими овчарками. Эта порода появилась лишь после войны и то в СССР. Недоработка режиссера. На самом деле охраняли концлагеря с помощью ризешнауцеров и немецких овчарок. Такие черные псины. Они поменьше в холке, чем восточно-европейские, но покоренастее будут. Овчарка вцеплялась мертвой хваткой в одного, в одну конечность, и все. Ризеншнауцеры более мобильны, умеют контролировать толпу. Но после войны из-за ненависти к их работе в концлагерях их почти полностью истребили. Нашли потомков ризеншнауцеров, которые работали на "фабриках смерти". В отличие от людей у собак на уровне генетической памяти закрепляются те рабочие навыки, которыми владели их предки. Вот поэтому они представляли определенный интерес. Осталось лишь несколько десятков экземпляров собак в Германии и Венгрии. Попробовали их на границе. Результат превзошел все ожидания. Собаки шли по следу группы. Догоняли первого, прыгали на него, выкусывали кусок затылка, вместе с костью, естественно, бросали его, куда он к черту денется! Потом следующего. И когда собака чувствовала верхним чутьем...

- Как это - "верхним чутьем"? - переспросил Рабинович.

- Это когда след по воздуху, а не по земле. Тем более, что только что прошел запашистый от пота и возбуждения гражданин. По собачьим понятиям вонь стоит нестерпимая.

- Понятно, - кивнул головой Андрей.

- Ну вот, когда собака чуяла, что все, это последний клиент, или силы ее на исходе, то она последнего, подчеркиваю, последнего клала на землю и скалила зубы в нескольких сантиметрах от его шеи. Потом приходила тревожная группа, а это могла произойти через несколько часов, пока она соберет раненых или трупы, а собачка стоит и нежно скалит ба-а-а-альшущие зубки. Также он мог бороться с вооруженным противником. Я взял щенка у инструктора, который обучал ризенов службе на границе. Потом перестройка-перестрелка, развал всего и вся, он забрал своих собак - кобеля и суку и ушел на вольные хлеба. Стал разводить собак, тренировать для своих и чужих. Открыл школу служебного собаководства. Парень

специалист высочайшего класса. Из самого дурного, свирепого пса делал послушную, дрессированную собаку. Вот у него я и взял у него щеночка. И вот как-то мы гуляли. Он со своими двумя собачками. Я - с подросшим щенком - Лоттой. И задаю ему вопрос. А как, мол, быть, если человек вооружен огнестрельным оружием. Показывает. Подзывает пса. Помнишь старые офицерские бушлаты? Не эти утепленные куртки-"афганки", а толстые бушлаты на вате. Он был одет именно в такой. И вот он прячет руку в рукав и резко вскидывает руку. Пес как стоял, так и отпрыгнул в сторону, потом оттолкнулся задними лапами и ударил своей квадратной головой в живот хозяина. А пес здоровенный - весил больше семидесяти килограммов. Юрка-хозяин полетел спиной назад. Поза - согнутый пополам. Руки по инерции идут вперед. Пес хватает рукав бушлата и рвет его. Хозяин кричит ему: "Фу!". Пес останавливается. Юра поднимется с земли, трет отшибленную задницу, потом растирает ушибленный живот, рассматривает почти оторванный кусок рукава, из которого в разные стороны торчит вата, качает головой. Пес в это время сидит и виляя култышкой купированного хвоста, преданно смотрит в глаза хозяину. И когда мы вечерами гуляли всей семьей (дочь тогда маленькая была), то собака очертила для себя круг, за который нельзя отпускать ребенка. Мы с женой в центре круга, а ребенка нельзя отпускать не дальше трех метров. Любую попытку прорыва собака пресекала, становясь у дочери на пути. В то же время, если кто-то подходил ближе трех метров к ребенку, будь то собака или человек, она щетинилась и скалила зубы. На глазах у ризенов челка, глаз у них практически не видно, это еще сильнее пугает. Мы не воспитывали ее специально, видимо, кровь предков заговорила, но она терпеть не могла на дух пролетариат.

- То есть как? - переспросил Андрей?

- Например, идет человек, который просто работает на заводе. Все нормально, чисто одет. Ну, на лице у него написано. Она рвется, хрипит, хочет его порвать на части. Я не говорю уже про бомжей.

- И что с ней стало?

- Умерла от гепатита. Обидно. Плакал я как ребенок. Все-таки член семьи. Собаки мне нравятся больше, чем люди. Больше.

- Не пытался себе завести еще собаку?

- Нет. Была мысль из командировки привезти щенка кавказской овчарки, но передумал. И правильно сделал. Хотя у нас многие привозили. Сейчас живут, гоняют всех дворовых собак.

- Видел я этих кавказских овчарок! - Андрей поежился при

воспоминании. - Здоровые как телята: когда было скучно хозяевам, то они натравливали на больного раба собак. Если тот быстро бегал, значит - симулянт, получал с десяток ударов палками и снова на работу. А кто не мог убежать или сопротивляться собакам, то те загрызали их насмерть. Поэтому я не питаю никакой любви к кавказским овчаркам, ни к их хозяевам. - Последнюю фразу Андрей сказал понизив голос: - Но вот ты меня заинтересовал ризеншнауцерами. Может, потом взять к себе в семью ризена? У нас сейчас модно иметь в доме все, что связано с холокостом. Так, например, один делец предложил на продажу мыло из концлагерей, сделанное из человеческого жира. Утверждал, что оно сделано из евреев.

- И по какой цене?

- Что-то около трехсот долларов.

- Цена хорошая, но на фига это надо держать дома?

-Мода! - Андрей пожал плечами. - Мне оно и даром не надо.

- Ну и что, купили?

- Продал несколько кусков. Но тут покупатели потребовали, чтобы продавец представил доказательства. Что оно сделано исключительно из евреев.

- Ну, и?

- Не смог. Поэтому к нему охладели. Что дальше он сделал с этой гадостью - не знаю.

- Я смотрю - у вас там тоже процветает махровый национализм.

- Еще какой, Леха! Смотрят, родился ли ты в Израиле или нет. Из СССР выходцев не любят, называют нас "русской партией" или "русской мафией". Боятся нас. В структуры власти стараются не пускать. Я тебе говорил уже про это.

- Говорил, - я кивнул.

- Здесь бились за место под солнцем, доказывая, что ты не еврей, а там - доказывая, что еврей, - все это Андрей говорил, полушепотом.

- Территория населена мусульманами и не очень здесь любят евреев. Да, и ни к чему нам привлекать излишне внимание.

- Эх, курить охота! - Андрей потянулся.

- Мне тоже. Вот в Грузии, когда был в командировке, то там мужики курили в общественном транспорте, а здесь, видимо, не принято.

- Жаль. Сидишь, и как в машине куришь. Здорово!

Так, за болтовней о пустяках, прошло время. Я и сам успокоился. Нервная дрожь прекратила меня бить, Андрей тоже внешне успокоился. Я сосредоточен, внимательно отслеживаю происходящее. Мышцы находятся в тонусе, готовы в любую

секунду сработать на опережение ситуации. Мозг работает ровно, четко фиксируя мелочи, обрабатывая из, складывая в общую мозаику. Так, не особо рассматривая пассажиров, замечаю, что у мужика лет сорока пяти, сидевшего впереди нас через проход, наплечная кобура с пистолетом.

И пистолет не Макарова, а Стечкина. Хорошая машина. Оперативники такие не носят. Ими вооружены либо "силовики", те, кто принимает непосредственное участие в задержании, либо бандиты. На того, кто постоянно тренируется и находится в хорошей физической форме, этот обрюзгший, с двумя с половиной подбородками мужик не похож, значит, второе. Бандит. Ну, а ты чего хотел увидеть, рядом с "территорией зла"? Пионеров-тимуровцев? Остальные пассажиры, были похожи на мирных. Посмотрим.

Своими выводами и умозаключениями я поделился с Андреем. Тот согласился. А вот и остановка.

Первым делом сигарету в зубы, и в туалет, избавится от лишней жидкости. Стоянка долгая, тридцать минут. Мужчины степенно потянулись в кафе. Я не любитель придорожных забегаловок. Есть печальный опыт - потом мучаешься расстройством желудка.

Рядом с дорогой располагался рынок. Мы купили там копченную курицу и немного вяленного мяса с собой в дорогу. И тут же отошли в сторону, начали есть курицу. Хорошая курочка попалась.

Пока ели, я смотрел на этот мирный сейчас рынок и вспоминал события зимы 1994 года. Вроде, и времени немного прошло, но кажется, будто целая жизнь минула.

- Именно по этой трассе наша колонна двигалась в сторону Чечни. Московское командование, планировавшее эту операцию, хуже дня выбрать не могло. Было воскресенье, самый базарный день. И вот, когда подъехали к этому рынку, то живая стена из кричавших, визжавших женщин преградила нам дорогу. За их спинами стояли здоровые мужчины, а за ними была сложена баррикада из сломанных торговых навесов, прилавков и прочего хлама. Для легковой машины это было непреодолимое препятствие, но только не для БМП и танков.

Женщины блокировали нам движение. Не готовы мы были к этому. Никто не был готов воевать, полагали, что мы просто устраиваем акцию устрашения, так, побряцаем оружием и все. Я не был провидцем, пророком, но имея опыт боевых командировок на Кавказ, понимал, что одним лишь блеском начищенного оружия здесь не обойтись. И вот первая "ласточка" напротив этого рынка подтвердила мои опасения.

Колонна стала. Лишь только стали, как невесть откуда взявшиеся пацаны кинулись и натолкали в гусеницы БМП всякой дряни типа арматуры. Насмотрелись телевизора, когда в августе 1991 года москвичи так развлекались.

Десант быстро спешился и, отогнав пацанов, вытащил весь металл из гусениц. На них накинулись женщины.

Никогда тебе, Андрей, не приходилось общаться с разъяренными женщинами на Кавказе? Мне Ближнего Востока хватило. Там женщины погорячее, чем здесь, - Андрей горько усмехнулся.

Такое топтание на месте продолжалось около четырех часов. Командование пыталось проводить какие-то переговоры. Бесполезно. Потом из-за спин женщин в нас полетели камни, бутылки с бензином. "Коктейль Молотова" называется. Пламя с машин сбивали брезентом. Слава богу, что ни на кого из солдат не попало. Ну, а потом уже не выдержали нервы у комбата первого батальона, у него солдату камень разбил лицо. Плюс начались одиночные выстрелы из-за женской толпы. Пуля попала солдату в бронежилет. Опрокинула на броню. Стреляли жаканом - самодельной пулей из охотничьего ружья. Кроме синяка и поврежденного бронежилета - ничего страшного.

И вот разъяренный комбат встал в полный рост на броне первой БМП-2 и над головами толпы дал длинную, в полмагазина очередь. Народ присел, затих. Тут прибежало целое местное отделение ментов, все - местные. Начальник толстый, старый майор. Размахивал пистолетом над головой, кричал: "Кто стрелял?" и пробирался к головной машине, на ней первый комбат сидит

Толпа расступается и пропускает его, показывает на комбата. Комбат командует механику-водителю: "Вперед!" БМП дернулась вперед, толпа немного осела, но не уходит.

Тут начальник РОВД нарисовался, хрен сотрешь. "Почему стреляли, я вас задерживаю!"

На броне рядом с комбатом сидел ротный, он дал команду своим бойцам. Те схватили в охапку этого местного ментовского начальника, подняли на броню, пистолет отобрали. Дали еще пару раз очередь из автомата над головами, так, чтобы горячие гильзы сыпались на этого придурка, и поехали вперед.

- Он что, у вас был заложником? - Андрей даже оторвался от курицы.

- Почему заложником? Просто нам было по пути, и мы решили подвезти хорошего человека, - я усмехнулся. - Толпа, было, ринулась вперед, но механики уже устали от бестолкового стояния на месте и потихонечку, "в натяг", двинули машины. На

первой пониженной. Толпа теснилась, пятилась назад, но потом сама была прижата к баррикаде, тут люди и начали растекаться по сторонам. Солдаты взяли оружие наизготовку, спешились, отпустили майора милицейского, отдали ему пистолет, правда, без патронов. БМП разогналась и врезалась в кучу металлолома. С третьей попытки удалось пробить проход. Толпа стояла по сторонам и материла нас почем зря.

- А вы?

- Сказать, что все бойцы вели себя с честью и достоинством, нельзя. С нашей стороны несся отборный мат. Правда, старались не провоцировать чеченцев на активные действия. Но это село я запомнил на всю жизнь. Да, забыл сказать, что неизвестно откуда взялись журналисты, в том числе и западные, которые снимали это противостояние. Потом по всему миру показали, как мы идем. Что-то вроде предупреждения было: "Русские идут!" И не надо было затрачивать средства на спутниковую, радиотехническую разведку. Подбирать и готовить агентуру. Сами все рассказали. И лишь потому, что у кого-то мяса в голове не хватило перенести начало нашего "Южного похода" на день-два вперед-назад.

- Может, был расчет на то, что чечены увидят войсковые колонны и в панике разбегутся?

- Издеваешься?

- Да.

- Пусть бы умники: те, кто планировал этот бред, перечитали бы на досуге Лермонтова и Толстого. Я перед поездкой две ночи штудировал, и после спокойно перечитал.

- Помогло?

- Нет. Просто убедился еще раз, что России не везло на командование ни тогда, ни в эту войну.

- Я тоже перечитал все, что было известно по Кавказу, перед нашей гуманитарной миссией, - Андрей облизывал пальцы.

- Ну и что?

- Нынешние порядки в Чечне мало отличаются от тех, которые описывал Толстой. Лишь с поправкой на блага цивилизации.

- Особенно для тебя была бы актуальна книга "Кавказский пленник"? Ее надо переработать и распространить среди западных журналистов и гуманитарных миссий, отправляющихся в Чечню, как пособие по выживанию. А также поднатореть в охмурении малолетних чеченских барышень.

- Да пошел ты, - Андрюха беззлобно ругнулся.

- Не было рядом с тобой чеченской прелестницы, чтобы ты ей построил глазки, а она тебя освободила, ты бы ее потом обесчестил и удочерил.

- Начнем с того, что они страшные как сибирская язва...

- Но-но! Сибирская язва - это моя бывшая жена! Так что не надо!

- Так вот. Эти чеченские женщина и подростки... - Андрей сделал паузу и выжидательно посмотрел на меня, не собираюсь ли я его перебивать, я спокойно жевал курицу. - Мы для них были как домашний скот. Ну, умер. Жалко, конечно, что курица сдохла, но есть же еще. Закончится - муж еще наловит. Не проблема. А тем более евреи - вообще не люди. Подумаешь одним больше, одним меньше. Плюс - еврея можно продать за приличные деньги, и на эти деньги, допустим, подлатать крышу на своей даче в Анатолии.

- Где-где? - я оторвался от еды. - Не слышал в Чечне такого города.

- Это не в Чечне, а Турции.

- У них, что и там тоже дома есть? Хорошо люди зарабатывают на войне и заложниках. Может, тоже переквалифицироваться?

7.

- Не получится. Они конкурентов убирают. Это их вотчина. А дома у них есть во многих странах мира. Они здесь зарабатывают деньги. Отдыхают за рубежом. Выходят на пенсию, когда чувствуют, что хватит денег, или конкуренция стала невыносима и уезжают в Германию, Турцию, Англию, по всей Европе их много. Там рассказывают легковерным и слабым на слезу обывателям сказочку - какие они несчастные и пострадавшие от произвола России, получают политическое убежище и живут, в ус не дуют.

- Бля, хорошо быть чеченцем! Слушай, Андрюха, а если я приеду в Европы и скажу, что, мол, невинно пострадавший от чеченского произвола, мне дадут политическую "крышу"?

- И не мечтай. Не вписываешься в принятую канву поведения. Запомни: чечены - жертвы аборта, а русские - изверги. И не надо путать европейских буржуа. Их же там разводят как гусей на убой. Чтобы все было чистенько и спокойненько, все как в больнице для умалишенных. Нельзя нервировать и травмировать пациента. Если ему сказать, что это белое, показывая на зеленое, значит это и должно быть белым. А если вдруг явится смутьян и возмутитель спокойствия, как ты, и попытаешься рассказать им правду, что это зеленое, а не белое, и чеченцы являются бандитами и доят мирных буржуа, то тебя упекут в лучшем случае в клинику для буйных. А то ведь могут и объявить военным преступником, принимавшим участие в геноциде мирного чеченского населения. Понял?

- Кое-что. Понял лишь одно, что все в Европе как в старой

поговорке: "Пипл это любит, пипл это хавает!"

- Точно, не в бровь, а в глаз! Ладно, Леха, заканчиваем обжираловку, автобус скоро тронется.

Мы собрали остатки курицы с собой. Помыли жирные руки водой из бутылки. Сели в автобус. Нервы успокоились лишь мозг работал четко и точно. Трое вышло, больше никто не подсел. Ехать еще около трех часов.

- Слушай, Леха, это вы так им дороги разбили? - Андрей кивнул на то, что осталось от дорожного плотна.

Действительно, асфальтовое покрытие было лишь кусками. Все остальное разбито. И дорога была уже давно не дорогой в полном понятии, а направлением движения. И поэтому наш старенький автобус скорее не ехал, а пробирался между ям и рытвин, тяжело переваливаясь с боку на бок.

- Рабинович - вы шовинист, - яростно зашипел я ему в ухо. - Считаете, что если у местных аборигенов нет хорошей дороги, то во всем виноваты военные, а не местные власти? Да. Не исключаю такой возможности, что начало этому положили мы два года назад, но за это время могли бы отремонтировать. Выставили бы счет министерству обороны и отремонтировали бы. С таким же успехом я могу сказать, что это сделали евреи!

- Это еще почему? - Андрей опешил.

- А в России всегда во всем виноваты жиды. Воду в кране выпил кто?

- А-а, - протянул Андрей, - ты в этом смысле. Тогда понятно.

Остаток дороги мы сонно кивали головами в такт движения автобуса. Сытная еда, нервное напряжение последних дней, мерное укачивание транспорта сделали свое дело.

Ну, вот и доехали. Автобус остановился. Водитель громко и четко на русском и ингушском языках потребовал, чтобы все покинули автобус.

Вышли. На улице уже вечерело.

- Куда тронемся? - спросил Андрей.

- Будем надеяться, что в это дыре есть что-то похожее на гостиницу. Все-таки приграничное село. Должны же где-то приезжие отдыхать. Тем, кто продает заложников, надо кому-то их продавать. Такое нейтральное местечко. Там же должен быть маленький ресторанчик и шлюхи.

- Ты проезжал через эту деревню?

- Ну, проезжал, но я был на БМПэхе, а не на "Мерседесе".

- Вам что, не выдавали "Мерседесы"? - у Рабиновича было игривое настроение.

- Если у вас в Моссаде будут выдавать - поделись.

- Обязательно - вышлю посылкой, - кивнул головой Андрей, прикуривая сигарету.

- Ну что, тронулись?

- Пошли.

По пути у прохожего мы узнали, что в деревне действительно есть гостиница, и он указал нам направление. Так же нас поразило, что деревня была утыкана новостройками. Дома строились основательно, богато, с размахом.

Если в Грузии было принято строить дома, надстраивая этажи над уже имеющимися. Так встречались четырехэтажные дома, у

которых первых этаж был сложен из дикого камня, второй этаж - из обработанного камня, потом из красного кирпича, а последний - из белого. Начинал строить прадед, потом дед надстраивал, потом следующие поколения как могли возводили дом.

Здесь же все начиналось с нулевого цикла. Огромные котлованы, некоторые даже забивали сваи в основание дома. Деньги были вложены громадные. Андрей заметил, что такой дом в Израиле обойдется не меньше, чем в двести тысяч долларов. На наши российские рубли эта цифра не переводилась, настолько громадной она мне показалась.

Обменявшись мнениями, мы пришли к выводу, что на сельском хозяйстве такие деньжища не заработаешь. Сказывалась приграничная зона с "Территорией Зла". Взаимный поток денег, заложников, оружия, нефти и ее продуктов, наркотиков омывал эту деревеньку. От нее не то что пахло. От нее просто нестерпимо воняло деньгами. Огромными деньгами. Для кого война, для кого мать родна.

Вот и гостиница. Мимо нее было сложно пройти. Мы остановились и я присвистнул от удивления.

Первое, что поразило - огромная неоновая вывеска, которая горела в сумерках, как пять прожекторов. На ней витиевато английскими буквами было написано "Hollywood".

- А ты предпочел бы, чтобы она называлась "Привал боевиков" или у "Джохара"? - Андрей затянулся сигаретой, рассматривая вывеску.

- Тогда уж лучше "Перевалочная база заложников". Интересно, а у них есть обменный пункт заложников на деньги и наоборот?

- Тут есть все, - я зашвырнул окурок своей сигареты в урну. Расстояние было метра три, но мне удалось попасть. Хороший знак.

Перед входом была большая автостоянка. Она была забита дорогущими иномарками. Все были внедорожниками. Стояли последние модели "Тойоты Ленд Крузера", "Рэндж Ровер", "Гранд Чероки", квадратный "Мерседес", "Ниссан Сафари" и многие такие, которые я не видел раньше

Рядом стояли водители, они курили, переговаривались, откровенно рассматривали нас. Одеты они были по последней местной моде - в камуфляжную форму, сверху - короткие кожаные куртки. То, что они были вооружены, почему-то не вызывало у нас никаких сомнений.

Само здание было четырехэтажным, построено из красного кирпича в обычном для местной архитектуры стиле. По фасаду кирпичом были выложены узоры в виде арок, виднелись и

орнаменты.

На первом этаже располагался ресторан, из окон которого неслась местная музыка.

Я не националист, но она стеганула по нервам. Эта мелодия у меня ассоциируется со смертью хорошего парня. Русского лейтенанта Сашки Калинина, по прозвищу "Калина". После выхода из Грозного он стал командиром блок-поста. Мне сообщили, что ночью, при попытке обойти пост, подорвался на мине какой-то дух. При нем была обнаружена записная книжка, где были записи с зарисовками месторасположения наших подразделений и батальонов соседней части.

Я приехал за этой книжкой, заодно рассмотреть труп, может, что еще обнаружу. Осмотр места происшествия. Вышел покурить. Тут идет подросток лет пятнадцати. На плече магнитофон, который орет именно ту песенку, что играли в местном кабаке. Идет пацан, улыбается. Пританцовывает. Хорошо, солнышко светит, не холодно, не жарко. Весна душу греет. Калина притоптывает в такт музыке, пацану машет. Мол, иди сюда. Тот головой кивает, идет. Радостный такой. Будто нет войны. И вот когда осталось уже метров десять до лейтенанта Калинина вижу - отлетает от магнитофона блестящая штука, а потом негромкий хлопок. Граната!

- Калина, беги за стенку! - ору я ему.

Сдергиваю автомат с плеча и вскидываю, сам продолжаю орать. Саня как завороженный смотрит на пацана и притопывает в такт этой гребанной музыке! Пацан кидает магнитофон в Саньку. А сам деру. Я стреляю в гада. Пуля попала в голову.

Магнитофон оказался начинен взрывчаткой, а граната была лишь запалом. От Сани "Калины" осталась лишь верхняя половина тела...

Мгновенно я вспомнил то, что было. Как будто это было секунду назад. Ногти впились в ладони, на лбу испарина, между лопаток пот бежит противной холодной лентой, словно змея, до пояса брюк и ниже.

Не знаю, что означала эта музыка для окружающих. Мотив веселый, задорный, может про любовь, а может, про посевную или уборочную кампанию в колхозе, не знаю.

Но для меня это означало одно - враг рядом. Эх, как бы хотелось, чтобы у меня в руках была не спортивная сумка, а автомат. Плечи в голову, согнувшись, рывком подбежать к окну, гранату "Ф-1" из кармана, усики разогнуть, кольцо пальцами левой руки на себя, правую руку отвести за спину и с размаха бросить гранату в полуоткрытое окно ресторана. Отпрянуть за стену. Через несколько секунд, которые покажутся вечностью,

громкий взрыв. Из зала полетят стекла вместе с каким-то мусором. Воздух сразу пропитается кислым запахом сгоревшего тротила, и выскакиваешь из-за стены, и в окно автоматную очередь, одну, вторую. В зале все в пыли, в дыму, кто-то шевелится, кто-то пытается ответить огнем. Подавить все огневые точки, снова за стену, сменить магазин у автомата, прыжок в зал, перекат, и с живота уже обозревать зал. Пресекать все попытки к оказанию сопротивления. Ах, да, не забыть еще нейтрализовать противника у входа - водителей.

Я все это явственно представил. Вздрогнул, когда Андрей тронул меня за руку.

- Леха, ты чего?

- Так, ничего. Песенка знакомая, - внезапно осипшим голосом сказал я.

- Понимаю. Мне тоже мотив не нравится, но помни, мы здесь не для того, чтобы мстить, у нас другая миссия.

- Жаль, - я сплюнул вязкую слюну. - Пошли.

Массивная деревянная дверь с затейливой резьбой неожиданно легко открылась.

Большой холл. Хороший ремонт в стиле "а-ля местный колорит". Но сделано очень хорошо, делали мастера высокого класса и опытная рука дизайнера чувствовалась.

Стойка бара была тоже из темного дерева, точно такого же, что и входная дверь, и такая же резьба. Приглушенный свет, толстые ковры на полу, глубокие кресла. Прямо не деревня. А минимум Назрань. Мы подошли к стойке. На ней стоял металлический звонок. Все как в кино. Я много раз бывал в командировке, но такой штуковины видеть не доводилось.

Я шлепнул по нему. Раздался короткий, отрывистый звонок. Из-за портьеры появился молодой человек. При виде его у нас с Андреем отвисли челюсти. Он был одет в черкеску с газырями. Белая сорочка. Сапоги, на голове небольшая папаха, перепоясан узким наборным ремнем, на боку кинжал. Морда слащавая, небольшие усики. Он, видимо, привык к такой реакции на его появление. И поэтому смотрел на нас снисходительно.

- Слушаю вас, - голос с сильным акцентом, но слова проговаривает правильно, проблема только с ударениями.

- Нам нужен номер.

- Какой? Есть президентский, есть супер-люкс, есть люкс. К сожаленью, королевский занят. На какой срок?

- Нам чтобы поскромнее. Мы здесь в командировке на пару дней.

- Понятно, - он кивнул головой. - Значит, полулюкс на двоих. Ванная комната нужна?

- Да, конечно.

- Документы.

- Вот, - я подал наши корреспондентские удостоверения.

- О, так вы корреспонденты. А какого направления? Позавчера от нас уехали корреспонденты.

- Мы из правозащитной газеты, - с пафосом сказал Андрей тоном, не терпящим возражения.

- А что вас интересует? - молодой человек с интересом рассматривал нас, что-то записывая в толстый регистрационный журнал.

- Права человека, простого человека во время недавних боевых действий.

- А-а, понятно, - он кивнул головой. - Тут много кто вам порасскажет, как федералы арестовывали их якобы за поддержку боевиков и работорговлю.

Мы с ним рассчитались. Сумма была внушительная, около пятидесяти долларов. И это для деревни. Видимо, народ сюда приезжал.

Потом он ударил по звонку. Из-за той же портьеры выскочил подросток лет двенадцати.

- Двести второй, - он отдал хозяину ключи.

Н втором этаже стоял - как бы его назвать... То ли коридорный, то ли вышибала. В спортивном костюме, сверху короткая кожаная куртка. Слева подмышкой оттопыривался пистолет. Крепыш даже и не старался его скрыть. На нас он смотрел оценивающе. Как на машину, стоит ее угонять или нет. Про таких говорят: "Этот может все!"

С лестницы мы пошли налево, а направо ковры были побогаче, и вышибала там стоял. Из коридора за его спиной доносились какие разговоры на повышенных тонах. Видимо, там и находились королевские апартаменты.

В коридоре второго этажа также был сделан современный ремонт с намеком на местные обычаи. На стенах висели фотографии гор. Сделано все было очень профессионально, правда не было уверенности, что здесь изображены именно местные горы, а не Альпы. Висели мумифицированные бараньи и оленьи головы. На деревянных подставках - ножи, сабли.

На их месте я бы повесил головы заложников и автоматы с тесаками, которыми они рубили головы рабам с одного удара. Адово местечко - духовское гнездышко, разнести бы его из гранатомета к едрене фене.

Эх, были времена, были!

Двери в номер были выдержаны в одном стиле, в том, что и входные, но попроще.

Полулюкс - двухкомнатный номер. Спальня с двумя раздельными кроватями, зал с набором мягкой мебели, совмещенный санузел. В маленьком коридорчике шкаф. Сопровождающий мальчуган нам все это показал, включил свет и стоял, предано смотря на нас. Уходить явно не собирался.

Первым сообразил Рабинович. Сунул руку в карман, достал денежную купюру и протянул маленькому вымогателю. Бумажка мгновенно исчезла в кармане мальчика. Он повернулся и вышел.

Я выглянул в коридор - мальчик шел на выход, верзила смотрел в сторону номера, из которого уже раздавались крики. Еще немного, и может начаться стрельба. Нам еще этого здесь не хватало. Дверь на ключ.

Номер мог прослушиваться, поэтому мы с Андреем решили не искушать судьбу и говорили лишь о бытовых пустяках. Хорошо работать с тем, кто мыслит с тобой одними категориями. И он после всего этого, будет мне лепетать, что он археолог!

Умылись, сняли одежду, переоделись в спортивные костюмы и ходили, махали руками. Длительное сидение в автобусе сковало все тело. Раздался стук в дверь. В двери глазок. Смотрю - тип в милицейской форме. Кого черт принес? Открываю.

- Здравствуйте. Участковый инспектор старший лейтенант Наздраев! представился он. - Проверка паспортного режима. Предъявите документы, цель вашего прибытия?

- Вот, - я нарочно трясущимися руками, путаясь в сложенной одежде, протягиваю ему наши корреспондентские удостоверения.

Он внимательно читает. Очень медленно. Потом просит подойти то одного, то другого, зачем-то повернуться к нему в профиль. Время затягивается. Понятно. Я сую руку в карман и достаю сложенные пополам десять долларов. Наклоняюсь перед ним, якобы поднимаю с пола деньги, протягиваю участковому.

- Ой, это вы, наверное, уронили?

- Я ронял двадцать долларов, - он сначала внимательно осмотрел купюру, что я ему подал, потом не спеша взял вторую десятку, осмотрел ее и обе купюры положил в нагрудный карман.

- Все в порядке. Нужна будет помощь - обращайтесь ко мне. Я много знаю, могу показать и рассказать, - на прощанье он солидно кивнул головой.

- Как думаешь, стоит у него взять интервью? - Андрей откровенно Jрничал, после того я закрыл дверь.

- Ага, если у тебя есть лишняя сотня баксов. А также если опять хочешь попасть в заложники - прямая дорога через этого барыгу в погонах.

- Слушай, Алексей, а есть вообще честные менты?

- Сколько угодно. Я могу тебя познакомить во многих городах

Сибири с сотней честных милиционеров. Но - чем дальше отъезжаю на юг страны, то плотность честных ментов на квадратный километр падает с каждым градусом широты. Необъяснимый парадокс географии. Ничего удивительного, если он будет честным в этой деревне, то завтра сам будет заложником. Плюс родственные связи, менталитет и прочая, прочая, один раз кому-то помог, а потом завяз. Может, он и начинал службу как порядочный милиционер, но жизнь внесла свои коррективы. Но заметь, как быстро он пришел. Регистрация в журнале. Звонок участковому. Тот проверяет документы, получает свою копеечную мзду. Плюс, наверное, еще какой-нибудь маленький бизнес.

- Ничего себе маленький, - Андрей ворчал. - У нас за десять баксов можно вдвоем в ресторане хорошо поужинать.

- Ты не равняй свою деревню с Ингушетией! - голос мой был торжественен. - Кстати, пойдем-ка поужинаем.

- Судя по местным расценкам, ужин нам влетит в копеечку, - Андрей злился.

Ну, что с него взять, еврей - он и Ингушетии еврей скупой.

- А ты не бери много, ты что сюда - обжираться приехал?

Мы спустились в ресторан на первом этаже. В коридорчике возле двери оставили небольшие метки - несколько крошек от табака положили в определенных местах. При проникновении в нашу комнату их непременно бы потревожили. Мы на вражеской территории, осторожность лишней не будет.

Зал в ресторане оказался на удивление большим. Народу было много. Столы стояли буквой "П". Что-то гуляли. На сцене надрывался магнитофон, рядом стоял диск-жокей в папахе. Местный колорит. Рассказать кому-нибудь в Сибири такое - не поверят, вруном обзовут.

- Не хватало нам еще попасть на какой-нибудь местный праздник, напиться и оказаться утром а Чечне с мешком на голове, - прошептал мне Андрей.

- Значит так. Заказываем еду и сваливаем в номер. Ужинать будем там, ответил я.

- Годится.

- Смотри, наш милиционер гуляет тоже, - я кивнул головой на стол.

- Уважаемый человек...

Быстрым шагом мы прошли к барной стойке, заказали по шашлыку (специи, соус, хлеб), по салату, паре бутылок минеральной воды. Воду не открывать нам больше нравится с газом. Тут же рассчитались, сдачи не надо. И пока на нас никто не обратил внимания, мы удалились.

Когда уходили, я заметил то, на что сразу в полутемноте зала не обратил внимания. В самом темном углу зала был накрыт стол, там сидело человек шесть, все были вооружены, пистолеты у них были видны демонстративно. Спиртного на столе не было, но кушаний было много. Они не ели, а следили за залом. Охрана. Значит, гуляют серьезные люди. И музыка. Музыка. Которую я слышал уже неоднократно, бьет по нервам. Спокойно, Леха, спокойно, ты всего лишь журналист. Ты должен осветить в прессе как страдали эти люди, когда ты здесь катался на броне. Бля! Ну почему же я их тогда не кончил?! Спокойно, Леха, очень спокойно. Вдох-выдох, вдох, задержи дыхание, сделай самое идиотское лицо, которое ты можешь сделать, ведь ты же офицер, поэтому ты можешь все. Абсолютно все. Спокойно.

Мы быстрым шагом поднимаемся наверх. Коридорный верзила на месте, на нас никакого внимания. Шум в "его" номере стих. Открываем свой номер. Табачные крошки на месте, не сдвинуты. Не потревожены. Мелочь, а приятно.

8.

Минут через двадцать принесли ужин. Бутылки с минеральной водой были закрыты, как мы и просили; перед тем, как открыть, мы обсмотрели их, нет ли где прокола. Это не шизофрения, просто достаточно небольшой дозы, чтобы нас вырубило надолго и всерьез.

Хотя, с другой стороны, ничто не мешало желающим просто ворваться и скрутить нас в бараний рог. Командировочные журналистские удостоверения были слабым прикрытием. В Чечне немало исчезало и журналистов. Они что, не товар? Товар, на них можно и прославится, заработать себе имя. Заявить о себе, так сказать, на весь мир. Сначала ты работаешь на авторитет, а потом авторитет на тебя.

После ужина унесли посуду, мы умылись. Выкурили по сигарете в коридоре. Верзила был на посту, на нас он уже не обращал никакого внимания.

- Леха, а дальше что? - спросил Андрей вполголоса.

- Завтра мы идем брать интервью по списку, который нам предложат в холле гостиницы. А сами потихоньку пробираемся к одному домику.

- Какому домику?

- Там живет интереснейший человек. У него очень живописная биография. Ему около пятидесяти лет. Пятнадцать из них он отмотал по лагерям. До вора в законе не дорос, но кое-какой авторитет заработал. Был завербован КГБ еще во время первой посадки. В 1991 году во время захвата здания КГБ в Грозном принимал активнейшее участие. Громил все и вся.

Особенно его интересовала картотека и алфавитный учет агентуры. Одним из первых запалил все это. Потом занимался угонами автотранспорта на территории остальной части России под заказ. Перегонял в Чечню. Под это дело организовал целую банду. Сам лишь отдавал приказы, оставаясь вне досягаемости. По мелочи мышковал продажей оружия, наркотиков. Зачастую работал посредником в мелких операциях. Пытался подняться. То корчил из себя политзаключенного, то ярого националиста, мол, за это и пострадал, то матерого уголовника.

- Так чего же не поднялся? - Андрей был в недоумении.

- Потому что он не чистокровный нохча. Во-первых, из казачьего тейпа. Когда казаки бежали после разгона казачества на Терек, то им было разрешено основать свои тейпы, потом произошла ассимиляция. Но все равно, потомкам казаков не простили, что их предки были русские. Скажем так, тейп у него худой, хреновый. Во-вторых, мамаша у него - осетинка, а папа наполовину ингуш, а наполовину - чеченец. То есть, как не крути, в современном чеченском иерархическом табеле о рангах место его у параши. Но человек сидел, что у духов почитается, поэтому они позволяют ему иметь свой шакалий кусок хлеба. До серьезных дел не допускают, но кормиться мелкими делами позволяют. Вот он и основался на границе. Что-то перекинуть, что-то достать, разузнать, прочая мелочевка. Про КГБ и свой оперативный псевдоним "Сопка" этот верный воин своего народа уже забыл. Имею желание ему напомнить об этом завтра. Самое замечательное то, что я знаю про его две операции по переправке оружия в Чечню. Небольшие партии по местным меркам, всего-то три КАМАЗа. Руки у меня до него не дошли, но, насколько мне известно, на нем нет "прямой" крови. Мелочь, а приятно. Коммерция, дурно пахнущая, но без "прямой" крови.

- А ты откуда знаешь? Откуда тебе известны такие подробности?

- Хороший вопрос, грамотный вопрос. В свое время, когда был в командировке, то нашел старого опера, вернее не его самого, а его архив. Личный архив. У него на связи и был "Сопка". Картотеку-то они при штурме республиканского КГБ уничтожили, но забыли про существование личных и рабочих дел агентуры. А старичок-оперок все в норку сволок. Я тогда помогал бабушке старенькой - русской. А она мне. Когда узнала, кто я такой, и сделала подарочек. Сорок папочек подарила. Двадцать агентов. Десять папок с личными делами, а десять - с рабочими. Сын у нее спрятал в марте 1991 года. Потом сын был убит. А папочки хранились у мамаши... Вот и дошел до них черед. Двадцать агентов. Все, кто был на связи у покойного опера. Хороший был

опер, толковый, от бога опер. Почитал я некоторые донесения, что писал "Сопка". Знаешь, такое солидное, толстенькое рабочее дело. Как на зоне своих вкладывал. Как здесь, в 89-м и 90-м, чеченцев тоже закладывал. "Стукачок" знатный. За деньги маму родную продаст. Но и платили ему соответственно. В листе "поощрения агента" места свободного не было. Все "шкуры" - донесения писал собственноручно. Иметь такого "штыка" оперу - бед не будешь знать, и у начальства на хорошем счету.

- Что с папками сделал?

- В печку. А куда их еще? Отдать начальству, чтобы они всю агентуру засветили. А установочные данные на основных "полосатиков" я запомнил. Привычка у меня такая, а также основные вехи их агентурного пути. Посмотрим, глядишь, завтра и пригодится.

- Ты поведешь беседу? - Андрей смотрел на меня как на Бога.

- Конечно, ты только сопи для солидности, но не переигрывай. Калач тертый, по зонам хаживал не раз. На арапа его не возьмешь. Может и не придется вспоминать о его "подвигах", просто договоримся о переправке в Чечню.

- Когда ты согласился на эту экспедицию, ты уже знал про этого, как его... "Сопку"?

- Андрей, я привык все планировать. Иногда хорош экспромт, но он хорош за столом, а боевую операцию надо выверять до мелочи, до коробка спичек.

- Я смотрю, Алексей, что ты был хорошим опером.

- Не подлизывайся. Был, Андрей, был. Были времена. Сейчас другое время, иные задачи. Но цель одна - выжить и выполнить задачу. Так что мы теперь с тобой напарники, каждый прикрывает спину другого. Пошли спать.

- Пошли.

В номере мы подперли входную дверь стулом. Под окно пододвинули стол, на него стул. По крайней мере, если кто и полезет, то грохот будет солидный, нас с постели поднимет.

Я не стал раздеваться полностью. Лег в спортивных штанах и футболке. Андрей удивленно посмотрел на меня. Я пояснил, что близость Чечни не позволяет мне дрыхнуть сном праведника.

Ночь проворочался в беспокойном забытье. Не знаю, может и правы всякие авантюристы насчет ауры и всякого такого, может просто нервы не давали толком заснуть, но снилась мне снова война, снова бой в "зеленке", где прикрывал отход наших разведчиков. Ночные бои, когда мы теряли своих бойцов от огня невидимого противника. Я много раз просыпался и переворачивал мокрую от пота подушку на другую сторону. Футболка тоже вся была мокрая. И Андрей ворочался на своей

кровати. Что-то невнятно бормотал и скрежетал зубами.

Наутро мы встали, слегка размялись и позавтракали в ресторане. Надо отдать должное, - помещение было убрано и проветрено. Никаких следов ночного веселья.

Ничего особенного мы не заказывали. Нам подали кофе, кстати, очень ароматный, заварной. Яичницу с местной ветчиной, бутерброды с маслом, джем. С собой мы взяли минеральную воду.

У театрально одетого дежурного портье спросили список, у кого можно взять интервью, да еще, чтобы не попасть на тех же людей, у которых брали интервью раньше.

Ну, что же. Вперед! Возле подъезда гостиницы не было уже автомобилей. Утро, деревня живет своей жизнью, кое-где видны люди. Идем по адресам, указанным в бумажке. Я в голове прикидываю адрес, по которому живет особо ценный агент под оперативным псевдонимом "Сопка". С другой стороны много воды утекло, может, и нет этого гражданина на месте. А может и на этом свете, бизнес-то рискованный, да и сам он "метис", а таких не особо жалуют в местных краях.

По первому адресу оказался огромный домина. Стандартные металлические ворота, окрашенные в зеленый цвет. Что в Чечне, что в Ингушетии, ворота окрашиваются в зелень. Оттенки могут быть самые разнообразные. Тем самым подчеркивается, что хозяева дома придерживаются ислама. У зажиточных на воротах из приваренного металлического прута исполнены всякие орнаменты. Как правило, незатейливые стилизованные изображения полумесяца.

На воротах, возле которых мы остановились, были приварены целые узоры в арабском стиле. Андрей прочитал даже какое-то изречение из Корана. Богатый мужик, этот хозяин дома.

На косяке под козырьком из жести - кнопка электрического звонка. Перед тем как позвонить, вешаем на шеи корреспондентские удостоверения. Рабинович стал "Коэном". Надписи с двух сторон, на русском и на английском. Где по-английски - наружу. Жмем кнопку звонка.

Открывается глазок в калитке. Голос с сильным акцентом интересуется, кто такие, и зачем пришли. Никакой душевной теплоты в голосе, а где же знаменитое кавказское радушие? Мы робкими голосами объясняем, кто мы и зачем мы здесь. Команда от собеседника - ждать. Стоим, курим, топчемся под дверью. Я уже хотел снова нажать на кнопочку. Прошло около пятнадцати минут. Внутри стала нарастать волна злости. Чтобы я - боевой офицер - стоял вот так под дверью духа!

Тут же сам себя уговариваю, что я уже никакой не офицер, а просто жулик, выдающий себя за журналиста. И что моя цель не

выбить из духа признательные показания, а всего лишь взять никчемное интервью. И самое главное - это те деньги, за которыми я иду. Сигаретным дымом загоняю злость внутрь. Спокойно, Леха, спокойно. И вот снова глазок открывается, нас разглядывают, на месте ли мы, и никто не добавился?

Потом скрежещет засов, щелкают два замка, снимается цепочка, открывается калитка. Жестом показывают, что нас приглашают. Заходим, оглядываемся. Ворота изнутри укреплены так, что даже на грузовике тараном их не вышибешь. Стальные листы воротного полотна укреплены, усилены швеллером, обрезки двутавровых балок подпирают обе створки ворот.

Двор выложен брусчаткой, большой двор, даже большущий. Здесь же стоит беседка, увитая виноградной лозой. Хорошо здесь летом посидеть, попить холодного вина с водой, поесть холодных фруктов. У хозяина есть вкус к жизни.

У него был не дом, а неприличная домина. О трех этажах, также виднелись подвальные окошки. Входные двери были разукрашены точно такой же резьбой, что и у гостиницы. Очень даже может быть, что хозяин гостиницы и решил лично познакомится, что за птицы пожаловали в его вотчину.

На первом этаже - холл, много мягкой мебели, очень много подушек, подушечек, еще чего-то мягкого. И ковры, ковры, ковры. Они были всюду, на полу, на стенах, на мебели. В углу стоял огромных размеров проекционный телевизор, здесь же музыкальный центр. На потолке - многоярусная хрустальная люстра. В нашем городском театре ненамного больше будет.

От всего этого не то что веяло, а воняло огромными деньжищами. Я, может, повторюсь, но эта был роскошь по-восточному, она бросалась в глаза, она просто подавляла. Я| бывал в домах богатых людей, но после всего этого их дома и квартиры мне показались лачугами плебеев. Про свою квартиру мне не хотелось вспоминать вообще! Единственное, что портило все это великолепие, так это запах. Запах пота, немытых тел и ног смешивался с приторным запахом ароматизированных палочек. Их для благовония сжигают, терпеть не могу этот запах. Голову точно обручем стягивают. А здесь сочетание вони от человеческих тел и запаха этих благовоний вообще было чудовищным.

Мы топтались на месте, рассматривая холл, он занимал весь первый этаж. Углы его терялись в темноте. Чтобы отбить "аромат", я нюхал свои прокуренные пальцы, изображая, будто у меня чешется нос. Нас явно "мариновали", показывая, кто здесь хозяин положения. Сначала у ворот, а затем - здесь. Явно дальше холла нас не пустят, поэтому и держат тут.

На второй этаж вела лестница. Ступени были сделаны из

отполированного дерева, почти полностью закрыты ковровой дорожкой, перила были тоже деревянные, украшенные затейливой резьбой. Не знаю, во сколько обошелся весь дом, но уже одни перила стоили огромных денег. На верхней площадке показался, наконец, хозяин.

Бородатый мужик лет пятидесяти. Рост около ста семидесяти сантиметров, широк в плечах. На голове - папаха, перехваченная поперек зеленой лентой. Значит, побывал в Мекке, совершил хадж. Ну, с его-то деньгами это не удивительно. Серый костюм из тонкой шерсти, шелковая рубашка со стоячим воротником. На ногах - кавказские сапоги из тонкой мягкой кожи, на тоненькой подошве. Штанины заправлены в сапоги. Экзотическое зрелище.

Он нарочито медленно спускался, преисполненый собственного достоинства и уважения к собственной персоне. На безымянном пальце сверкал золотой перстень, украшенный тремя большими камнями по углам, в середине из маленьких камушков выложен полумесяц. Не разбираюсь в камнях, но отчего-то был уверен, что это бриллианты.

И вот его сошествие по лестнице закончилось. Руки скрестил на своем большом животе, смотрел на нас как на вещь в магазине, оценивал товар. Можно ли нас и захватить и продать. Все это ясно читалось на его лице. Одна мысль сменяла другую, мимика менялась.

9.

Вот он прикидывает в уме, за сколько нас можно продать. Глаза пошли вверх, потом снова на нас и снова в потолок. Губы шевелятся. Затем взгляд его скользит по нашим фигурам, точно так же смотришь на лошадь и прикидываешь, сильна ли она, выносliва ли, какой приплод может принести. Взгляд наталкивается на наши журналистские удостоверения, он, медленно бормоча, читает их. Затем сокрушенно качает головой. Не стоит связываться с этими заложниками. Хлопотно будет. А жаль! Все это было написано на лице этого субъекта.

Верный нукер стоял рядом, ловя каждый вздох, взгляд хозяина, готовый сбить нас с ног и, связав, утащить в подвал. Что там имеются камеры для бедолаг, я не сомневался. Эх, тряхнуть бы эту хибарку, вывернуть ее наизнанку, зачистить! Много чего интересного бы здесь нашлось, не на один состав преступления хватило бы! Зато местные милиционеры и ФСБэшники благодушествуют, видимо команды не было. Кормит "дядя" кого надо, поэтому и не трогают его, оберегают. Дойная корова, однако.

- Вы хотели взять у меня интервью? - голос властный, с сильным акцентом.

- Да, если вы позволите, - начал Андрей. - Мы представляем либеральную газету, являемся рупором правозащитных организаций. Очень хотелось бы узнать любые факты и ваше, - Рабинович сделал ударение на слове "ваше", - мнении о времени оккупации федеральными войсками Чеченской республики, ну и вашей деревни.

- Да, было время оккупации, - мужик важно кивнул головой. - Хвала Аллаху - кончилась! - он воздел руки вверх, потом отер лицо, бороду. Присаживайтесь, - он указал на один из диванчиков, сам уселся в кресло: Чаю! - негромко приказал он охраннику.

- Итак, начнем! - Рабинович достал диктофон. - Как правильно вас звать?

- Это статья выйдет в России или за границей? - хозяин дома занервничал и заерзал в кресле.

Боишься, гад! Так тебе и надо!

- За границей, в зарубежной прессе, - успокоил его Коэн.

- Это хорошо! - важно кивнул головой и заметно успокоился интервьюируемый.

- Так как вас зовут? - Коэн настаивал.

- Асламбек Исмаилов! - представился дух, при этом распрямился в кресле, подобрал живот, развернул грудь.

- Будьте любезны, расскажите, как вы страдали под оккупацией федеральных войск.

И тут Асламбек поведал нам удивительную историю. Когда русские проходили через его село, то они украли у него две коровы, пятнадцать баранов, двух дочерей и сына. При этом детей он назвал в последнюю очередь. Чтобы вызволить из плена домашний скот и детей, Исмаилов отправился вслед за русскими на чеченскую территорию. И потом пошел откровенный бред, который часто печатают в бульварной прессе толка. О том, как он, толстозадый толстопуз, пробирался по буеракам вслед наступающей колонне, потом ночью зарезал десять солдат, угнал грузовик КАМАЗ, туда погрузил свой скот, детей и ночью приехал в свою деревню. Грузовик оформил на свое имя и перевозил различные грузы. Так и зарабатывал себе на хлеб, так и построил этот дом. Асламбек обвел все вокруг руками.

Я с трудом сдерживал смех, делал серьезное лицо и, приседая вокруг этого враля и Рабиновича-Коэна, сделал несколько снимков.

Андрей с умным видом что-то помечал в блокноте. Принесли чай, халву, печенье, яблоки.

- А можно спросить у ваших детей, что они чувствовали, как это все было? - невинно поинтересовался я, отхлебывая чай из

пиалы.

- Нет! - Исмаилов был непреклонен.

- А почему?

- Э-э-э-э-! - пауза. - Их нет дома, они к родственникам в город уехали. А вы что, мне не верите? - подозрительный взгляд исподлобья в нашу сторону.

- Что вы, верим, верим! Читателям было бы интересно увидеть фотографии бедняжек и прочитать их воспоминания, может, это способствовало бы увеличению гуманитарной помощи в Чечню, и, естественно, в вашу деревню.

- Вах! - он сокрушенно покачал головой. - Нет детей, уехали.

- Ну да ладно, спасибо за правдивую и страшную историю. Мы вам должны за интервью, скажите сколько. Правда, у нас газета не поддерживается государством, но мы готовы заплатить разумные деньги, - я начал прощаться с Исмаиловым.

- Что вы, что вы, какие деньги. Главное, чтобы правда дошла до читателей. Вы сможете прислать экземпляр газеты?

- Конечно. Мы сейчас обойдем еще несколько человек, в гостинице посоветовали заглянуть именно к ним, - я протянул листок с адресами. Полагаю, что целый номер посвятим вашей деревне, с фотографиями, комментариями.

- Это хорошие люди, сходите к ним. А я позвоню им, скажу, чтобы говорили все как есть. И денег мне не надо! - он был торжественен. - Если статья будет хорошая, то я сам, клянусь, вышлю деньги на поддержку вашей хорошей газеты. Проводи гостей! Всегда буду рад вас видеть, заходите!

Он стал с нами прощаться. Еще пять минут, и целоваться полез бы.

- Ну, как тебе? - спросил я у Андрея, закуривая сигарету.

- Бред полнейший, а как воняет у него дома! Они что, вообще никогда не проветривают помещений?

- Давай вернемся - спросим.

- Пошли по следующему адресу. Далеко еще до твоего "друга"? Если его нет в списке, не очень подозрительно будет, если мы зайдем к нему без приглашения?

- Скажем, что перепутали дом, он такой же бандит, как и этот Исмаилов, только рангом пониже. Пошли, время - деньги.

Мы зашли еще в два адреса. Дома там были поплоше, победнее, чем первый, но по сравнению со всей деревней, большие хоромины. Ни один из интервьюированных не сообщил ни одного конкретного факта, что русские солдаты кому-то в этой деревне сделали плохо. Одни общие фразы, что русские здесь творили зло. И не более того. Лишь причитания, лишь невнятное бормотание. Денег от нас никто не брал, говорили, что звонил

"уважаемый Асламбек", поэтому денег не берем. Нам же и лучше! Сэкономленные заработанные деньги!

Попутно себе обеспечили алиби. Спрашивали, к кому еще можно зайти, чтобы взять интервью. Был назван и наш "Сопка" - Мустафа Эмиров.

Потом мы посетили агента "Сопку". Дом не из бедных, украшенные ворота, расписанные в типичный зеленый цвет. Дом двухэтажный, кирпичный, новый. Двор вымощен кирпичом, на привязи две здоровые кавказские овчарки. Страшные зверюги, отцепи таких - порвут. Калитку на наш стук и лай собак открыла женщина, видимо, жена.

- Здравствуйте, Мустафа Эмиров здесь проживает? - начал я.

- Здесь. А вы кто?

- Мы - журналисты! - я как можно шире улыбнулся. - Хотим взять у него интервью, - фраза уже заучена, улыбка стала дежурной.

- Я сейчас спрошу, - женщина ушла, вернулась минут через пять. Проходите.

- Слушаю вас, - а вот и хозяин.

Теперь очень важно правильно, ненавязчиво выстроить беседу. Грамотно ее провести. От ее результата очень многое зависело. В том числе и наши жизни. Спокойно, Алексей, спокойно, улыбайся, это расслабляет противника, улыбайся, а не скалься. Радушие из меня так и прет, мать его за ногу!

- Уважаемый Мустафа Эмиров, ваши соседи нам порекомендовали вас как очень грамотного и авторитетного, уважаемого человека, - я расточал елей.

- Кто именно? - взгляд быстрый, настороженный.

Я по бумажке прочитал имена и фамилии соседей, которые наравне с другими упомянули и Эмирова. Зачитал и их домашние адреса. Все это выглядело очень убедительно.

При этом я сутулился, щурил глаза, поднося бумажку то близко к глазам, то удаляя на расстояние вытянутой руки. Человек со слабым зрением, согласно стереотипу мышления, не должен вызывать чувство опасности или настороженности. Искоса я бросал взгляды на Эмирова, он немного расслабился и теперь изучал наши бирки на шеях.

- Заходите.

- Мы не займем у вас много времени, - я семенил ногами, быстро блеял что-то невразумительное. - У нас очень солидная газета, правозащитного плана, мы можем заплатить за те рассказы, что вы нам поведаете.

- Понятно. Проходите в дом.

Дом у "Сопки" был поскромнее, чем у Асламбека. Но все

равно хорош. Вот так надо жить, совмещать профессию стукача и бандита! И будет тебе счастье!

На первом этаже кухня и гостиная. Большая, квадратов сто, наверное. Мягкая мебель, ковры, большой импортный телевизор, видимо, здесь такая мода. Посередине огромных размеров дубовый стол, тоже импортный, вместо столешницы - толстое стекло. На столе газеты, в том числе и центральные, какие-то рекламные проспекты туристических агентств с пароходами и видами на синее-синее море. Многие буклеты на английском языке, рядом лежит толстенный "Англо-русский словарь". Забавно, бандит собрался эмигрировать? Или в круиз?

Небрежным жестом Эмиров сдвинул все бумаги в сторону, потом накрыл газетой. Не был бы у меня натренирован глаз, или оглядывал бы я комнату, то не заметил бы, что за бумаги лежат на столе.

Осторожный, хитрый, а значит - опасный. Внимание, Леха, внимание очень аккуратно, очень!

Чай, кофе? - поинтересовался он.

Если можно, кофе. Чаю мы уже сегодня напились, - подал голос Андрей.

Тут я был с ним солидарен. Чай уже стоял у горла, и желудок еще одну чашку чаю не принял бы. Тиамина в организме было в избытке, надо было его разбавить кофеином.

Когда принесла жена нам кофе - мужу крепкий чай, печенье, и прочие сладости, я начал устанавливать с ним психологический контакт. Как здоровье, немного расскажите о себе. При этом делал самое заинтересованное и искреннее лицо из всех, которые мог изобразить. Андрей, видя мою игру, тоже старался изо всех сил. На каплю меду можно поймать больше мух, чем на целую бочку уксуса - непреложная истина каждого опера. И тем паче, учитывая его прежнюю биографию, приходилось стараться. Этот "кадр" психологическое образование получал в течении пятнадцати лет по тюрьмам и зонам, при этом рисковал своей жизнью ежеминутно, выполняя задания органов государственной безопасности.

Меня очень интересовало, почему и как он стал источником. Мало того, он работал на протяжении длительного времени, и даже когда "отмотал" свой последний срок и вышел на свободу, имея полное право послать всех подальше, тем не менее, регулярно информировал о своих земляках.

Есть несколько категорий источников. Самые хорошие - добровольцы, эти работают на правоохранительные органы и спецслужбы с энтузиазмом. Их нужно лишь гладить по голове, говорить, что, выполняя задание, они приносят огромную пользу

обществу и государству. И на самом деле это так. Благодаря таким вот "энтузиастам" в Чечне удалось спасти много солдатских жизней, и многие населенные пункты остались целыми. И низкий поклон им за это.

Судя по тем отчетам, которые "Сопка" исполнял собственноручно, задания он отрабатывал не за страх, а за совесть. И, несмотря на то, что у него было среднее образование, плохое знание письменного русского языка, все им исполнено было грамотно, обстоятельно, не упускалась ни одна мелочь.

Я бы эти сообщения перенес в закрытые учебники для слушателей учебных заведений ФСБ. И на основе анализа всех сообщений и отрабатываемых агентом заданий я сделал вывод, что он из категории завербованных и действующих на "идейно-патриотической основе". И хоть платили ему деньги, причем немалые по сто, сто двадцать рублей, средний оклад инженера, но он рисковал жизнью, и поначалу "работал" на голом энтузиазме.

С другой стороны, может, ему доставляло удовольствие выполнение заданий. Адреналин. Ощущение собственной важности. Причастность к сильным мира сего. Контора всегда умела показать источнику, как она его ценит. Что-что, а запудрить мозги конторские всегда умела.

Возможность поквитаться с врагами? Пожалуйста! Дай лишь материал, и государство покарает виновных!

Обделывание своих "темных" делишек? В пределах нормы.

То, что он устранил руками Конторы двух своих конкурентов, тоже было видно. Два сообщения были наиболее подробны. Кроме сухих фактов, там присутствовала и личностная оценка. Очень эмоциональная. "Сопка" торжествовал, когда писал эти сообщения.

И даже когда он вновь садился, то Контора уменьшала ему срок "посадки". Давали меньше меньшего, и это притом, что он шел как рецидивист.

На "зоне" он работал активно, был на правах "положенца" и, тем не менее, ему сокращали срок, выпускали на условно-досрочное освобождение, на поселение, расконвой. Не понятно, как он это все объяснял своим товарищам. Наверняка кто-нибудь подозревал его в сотрудничестве с правоохранительными органами. Тем не менее, - проносило. Значит, умеет поставить себя так, чтобы не возникало и тени сомнения в его честности. В противном случае - убили бы, или поставили его на самый низкий уровень тюремной иерархии. Умеет.

Он стал рассказывать, как пострадал от государства за свои политические убеждения, как он не боялся при Советской власти

говорить правду, и за это невинно страдал. В его личном деле агента отчего-то не упоминалось, что он занимался политикой.

Первый срок - вооруженное нападение на таксиста-частника. Второй налет на квартиру богатого еврея. Остальные - сбыт наркотиков, угон транспорта.

И при этом он ни разу не покушался на государственную собственность. Только на личную собственность граждан. А сейчас забивает нам баки про политику: пой, ласточка, пой. Мы же лопухи из правозащитной организации.

Потом он перешел на националистическую пропаганду. Что он, мол, чистокровный чеченец был вынужден скитаться вдали от Родины из-за козней, творимых в отношении его народа, и прочие бредни пьяной собаки.

Мы с Андреем все это добросовестно писали на диктофон, я щелкал фотокамерой, и сбоку и в анфас, потом камеру взял Андрей.

10.

Я тем временем рассматривал Мустафу Эмирова. Внешность говорит о многом. Итак, факты, сопоставления, анализ. Все это должен получить из невербальных источников - внешность, поведенческие функции. Анализ.

Потом анализ речи, сопоставление с ранее полученной информацией. Работаем, Леха, работаем! На Андрея здесь полагаться не стоит. Он лишь "силовик". А у тебя мозги, вот и думай или, думай.

Итак, внешний вид. Возраст. На вид около пятидесяти пяти. На самом деле моложе. Понятно, тюрьма здоровья не добавляет. Рост. Около ста семидесяти сантиметров. Телосложение - крепкое. Шея накачана. Видно, что не заплыла жиром, а накачена. Широкие плечи, сильно развитая грудная клетка. Короткая шея, руки. Бицепсы я не вижу, но можно предположить, что тоже развиты неплохо. А вот кисти рук и мышцы предплечья внушают уважение. Хорошо бы держаться от таких рук подальше.

Какие выводы можно сделать? Занимался спортом, предположительно борьбой. В ближний бой с ним не вступать, знает приемы, с учетом его криминального прошлого может пойти на крайние меры защиты и нападения.

На кистях, пальцах не видно никаких "партаков" - татуировок, рассказывающих о положении человека в криминальном обществе.

С одной стороны это подозрительно, чтобы человек так много отсидел и не заработал ни одной наколки. А с другой, помню сообщения оперов, которые обслуживали зоны: они утверждали, что он в авторитете.

Любая татуировка относится к категории особых примет. Если у Эмирова хватило ума не портить кожу наколками, это вызывает уважение. Значит, мозги на месте.

Смотрим дальше. Голова. Крепкий, массивный череп. Большой открытый лоб. Волосы уложены назад. На голове маленькая зеленая шапочка, что-то исламское, не знаю, как называется, но многие мусульмане носят такие дома.

Можно предположить, что мужик сторонник веры. А может, просто дань традиции - он ни разу не упомянул Аллаха, значит, не сильно-то и верующий. Обычно, когда слушаешь чеченца, то он через предложение поминает Аллаха и Пророка. В этом ничего плохого нет, только когда чеченец начинает говорить "клянусь", это значит, что он тебя обманывает, и, если есть возможность, надо сваливать.

Мустафа ни разу не помянул имя своего Бога всуе, и ни разу не сказал "клянусь". Хотя рассказывает откровенную чушь. О чем это говорит? Правильно - притворяется, и делает это искусно. Значит, мастер этого дела. Большой мастер. Очень большой.

Дальше. Уши. Большие, высоко посаженные, мясистые, мочки удлиненные, приросшие к скулам. Сами уши явно были неоднократно поломаны.

По мнению женщин, у мужчин с сильно развитыми ушами высокий уровень тостестерона, кажется, так называется гормон, отвечающий за потенцию. Надо взять на заметку, что от случайных половых связей мужик теоретически не откажется. Поможет это или нет - неизвестно, но надо запомнить.

Официально медицина отвергает теорию Ломброзо, но контрразведке плевать на официальные версии, она берет все, что полезно, невзирая на теории. Если это полезно и приносит пользу, результат, то всегда будет применяться на практике.

И нас учили по теории Ломброзо, что если кончики ушей у человека расположены выше лини глаз, то он склонен к интеллекту. Другой вопрос - где он найдет применение своим мозгам. У этого чеченца уши были расположены высоко, и кончики их были заострены. Прямо как волчьи.

Брови. Сросшиеся - одна бровь на два глаза.

Подбородок. Массивный, рассечен надвое узкой глубокой "ямкой".

Надбровные дуги сильно развиты и нависают над глазами. Смотрел он, поэтому, как из бойниц. Взгляд быстрый, тяжелый, стегающий.

Нос. Широкий, перебитый, весь в крупных порах, из ноздрей торчат волосы, даже много волос.

Глубокая носогубная складка. Усы. Какой же джигит без

усов!? Усы небольшие, правильной формы, он периодически их приглаживает. Один из признаков, что человек врет, - когда во время своего монолога он прикасается к лицу. Как бы хочет закрыть рот.

Рот. Губы не гармонируют со всем лицом. Небольшие, жесткие. Когда что-то вспоминает, то они вытягиваются в ниточку. Зубы крепкие, часть зубов из желтого металла, может и золота, а может напыление из нитрида титана. Такими зубами можно проволоку перекусывать. Челюсти тоже хорошо развиты.

Весь внешний вид Эмирова говорил о том, что он из породы кровожадных хищников. И перед ним не стоит расслабляться. Этот всегда может нанести удар. Смертельный удар.

И вот в нашем "интервью" мы подошли к теме войны и мира.

Мустафа начал расписывать, какие сволочи эти русские. Какой в Чечне до этого был порядок. Все работали, никаких бандитов не было. И русских никто не обижал. Жили все дружной интернациональной семьей.

На вопрос, участвовал ли он в боях, "Сопка" ответил уклончиво, мол, непосредственно в боестолкновениях он не участвовал. Помогал, де, беженцам, снабжал их продовольствием и гуманитарной помощью. Прямо Мать Тереза, а не бывший уголовник и агент органов безопасности.

Ладно, пора брать быка за рога.

- Скажите, Мустафа, - начал я спокойным голосом, - вы не встречали в Чечне Грохотова Евгения Николаевича?

- Кого?! - мой вопрос был для Эмирова как удар поддых.

- Старшего оперуполномоченного майора Грохотова, - уточнил я.

- Нет, - произнес неуверенно "Сопка", облизал губы. Потом схватился за свою чашку с чаем.

- Интересные вещи он поведал про вас, уважаемый агент "Сопка" из категории особо ценных, - добил я его, но надо наступать дальше, закрепить успех. - Вы же сами очень гордились тем, что отнесены к категории особо ценных. Гордились, Мустафа? В глаза, в глаза смотри! - я крикнул ему в лицо. - Так гордился или нет?! Отвечай!

- Да я вас сейчас! - Мустафа начал подниматься.

Все ведомственные инструкции запрещают сообщать агенту к какой категории источников он относится, но многие опера используют этот факт для стимулирования сексота. Кстати, в слове "сексот" нет ничего оскорбительного, расшифровывается как "секретный сотрудник".

Надо пресечь в корне его попытки к сопротивлению, подавить "бунт на корабле". Сейчас! Немедленно! Иначе все проиграем.

- Сядь! Сидеть! - снова крикнул я (смотреть только в глаза, кто кого сильнее!). - И деньги ты, "Сопка", получал немалые. Сидеть! Кому сказано! Так получал?! Может, тебе копии расписок предъявить?! Получал?! Говори! Ну!

- Получал, - Эмиров сел, как будто воздух из него выпустили, "сдулся".

- И многим было бы интересно узнать, как ты помогал органам в зоне. Благодаря тебе был предотвращен побег. Спасибо тебе за это. Ты об этом помнишь? - я развивал наступление. - Говори, помнишь?!

- Да, - голова опускается ниже, а это тревожный симптом.

- В глаза смотри, в глаза!

Он медленно, нехотя поднимает голову, смотрит в глаза. Взгляд как у затравленного, но не сломленного зверя. Это опасно, очень опасно.

- Руки на стол! - снова командую я.

Он подчиняется.

- В глаза смотреть! Что думал, если ты помогал уничтожать документы учета в КГБ Чечни, так и все? Ты уничтожил лишь статистику, и не более того. А все, что ты писал про своих друзей, осталось. "Рукописи не горят"! процитировал я классика.

- Откуда вы взялись? - он напряжен, но еще не сломлен.

- Из п... на лыжах! - парировал я. - Хочу напомнить тебе, как ты устранил своих конкурентов по наркобизнесу Ахметова и Гаджиева. Помнишь, как они тебя пренебрежительно называли "полукровкой" и не подпускали к большому куску, использовали как "шестерку" на посылках. Кстати, они были лидерами нарождающегося чеченского движения за выход из состава России. Помнишь, как их в девяностом арестовали, и именно благодаря твоей информации. Взяли на наркоте. С поличным. Упрятали на много лет. И за это тебе тоже наше огромное "мерси". Помнишь это, Эмиров? Помнишь?!

- Да...

Все, он мой!

По теории, да и на практике, если "клиент" подряд сказал пять раз "да", то значит, он твой! Три раза - это обязательно, а два - контрольные. В данном случае "пережимать" не надо. Можно "сорвать резьбу". Теперь переходим к закреплению контакта.

- Сейчас ты напишешь очередное сообщение - про Исмаилова! Что ты мне глазки строишь? Думаешь, нам ничего не известно про три КАМАЗа, которые ты загнал духам во время войны? - я сделал ударение на слове "нам". - Только с учетом твоих прежних заслуг тебя не трогали, "законсервировали", оставили в "спящем" режиме. Неужели ты такой наивный, и полагаешь, что

Организация оставит тебя в покое? После всего того, что ты сделал для Конторы, а Контора для тебя? Другого за такие бы шалости с оружием порвали бы, как Тузик тряпку. Или просто "слили" информацию армейским разведчикам. Знаешь, что бы они с тобой сделали? В глаза смотри, - последнюю фразу я сказал уже без "нажима".

- Что вы хотите? - все, "клиент поплыл".

- Нет, "Сопка", так дело не пойдет. Ты неправильно сформулировал вопрос. Не что Организация хочет, а что ты хочешь? Жить хочешь? - я спрашивал, шипел прямо в лицо, глядя в глаза, между нашими носами было не больше сантиметра.

Конечно, я рисковал, его могучие ручищи могли навечно сомкнутся на моей шее. Андрей же недаром суетился с фотоаппаратом, он страховал меня, готовый прийти на помощь. Вот Андрей напрягся.

- Хочу! - после секундной паузы, ответ звучит искренне.

- Пиши! - я пододвинул ему свой "журналистский" блокнот и ручку. - Про Исмаилова пиши. Только подробненько, очень подробненько, как ты писал про своих друзей-наркобаронов, освободителей чеченской нации от русских оккупантов.

"Сопка" начал писать, смахивая пот со лба. Потеет, волнуется, во время разговора он лишь побледнел, но ни капли пота не было. А тут вспотел. Это и хорошо и плохо. Хорошо, потому что проникся мыслью о том, что "попал". Плохо, потому что сейчас он, может, соображает, как выйти, выкрутится. Вот он кинул искоса быстрый, тяжелый взгляд в сторону Андрея, который стоял, готовый броситься на Эмирова, затем "Сопка" посмотрел на меня.

Я сидел напротив, курил, пуская струйки дыма в потолок.

- Если что-нибудь "выкинешь", какой-нибудь фортель, то больше никто не придет с разговорами. И умирать будешь долго и мучительно. Правда, не знаю, от рук своих "друзей" или от армейских. Так что пиши. Все как в старые времена.

- Дай сигарету! - хрипло попросил агент.

- Не помню, чтобы ты курил, - я напрягся, это могла быть ловушка.

- Завязал давно, да разве с вами бросишь! - уже без злобы, но все равно надо быть начеку.

- На, - я бросил через стол сигареты и зажигалку.

- Спасибо, гражданин начальник! - в голосе ирония.

- Не юродствуй - пиши.

- Пишу, пишу, - пробормотал он, закуривая.

Потом минут двадцать мы сидели молча. Эмиров писал. Я пил остывший кофе. Андрей как тренированный бультерьер стоял

у агента за спиной, готовый пресечь любую попытку к сопротивлению. Археолог хренов.

Агент и я курили одну сигарету за другой, скоро кончится пачка. Наконец Эмиров откинулся в кресле. Пододвинул мне блокнот.

- Ручку отдай и подержи руки на столе, - бросил я Мустафе, беря блокнот.

- Боишься, начальник? - голос насмешлив.

- Остерегаюсь. Ты давно не работал с органами, может, кое-что и успел позабыть.

- Про вас забудешь! - сожаление в голосе.

- Но ты ведь получал удовлетворение от работы? Как моральное, так и материальное. Ведь так? - я начал читать.

- Получал, - агент вздохнул.

- Так и не жалей! В тайне содеянное, тайно судимо будет. А сейчас помолчи и не мешай мне, заодно не дергайся, посиди спокойненько, руки на столе подержи.

Агент не забыл, как писать сообщения. С упоминанием всех подробностей, свидетелей, соучастников Эмиров описал деяния Исмаилова.

Наркоторговля, работорговля, переброска оружия в обе стороны, фальшивые деньги и фальшивая валюта. Организация бандформирования, хранение, ношение, изготовление, ремонт оружия, вымогательство, постоянная поддержка связи с чеченскими бандитами, организация переброски боевиков за границу на лечение, отдых и обратно. Весь этот "букет" тянул на пожизненное заключение. Эх, жаль, что я не опер, так бы, глядишь, и повышение заработал.

- Хорошо написано, молодец. Теперь еще один момент...

- Просто так я работать не буду! - предупредил Эмиров.

- А никто и не собирается тебя использовать как идейного, - усмехнулся я. - Пиши расписку, что получил от органов госбезопасности тысячу долларов США. Но сейчас получишь пятьсот. А остальные пять сотен после маленького путешествия.

- Куда?

- В Чечню. У тебя есть "окно", - Эмиров встрепенулся, - есть, есть, не дергайся, мы знаем.

- А что там делать?

- Нас отвезешь. Поездка в один конец. Отвез и там оставил. Только если мы пропадем по твоей милости, то извини, ты тоже пропадешь где-нибудь. Сам знаешь правила игры. Можешь попасть на "конвейер". Слышал о таком?

- Слышал, - угрюм, что-то соображает.

- Ну, вот видишь, играем по-взрослому. Пиши расписку.

В том же блокноте он пишет расписку. Я достаю пятьсот долларов. Пять бумажек по сто. Читаю его расписку. Протягиваю деньги. Эмиров берет их, каждую купюру трет, трогает выпуклости, смотрит на свет.

- Мустафа, мы не фуфлыжная организация, которая расплачивается фальшивыми долларами, как твои соплеменники в Чечне.

- Доверяй, но проверяй! - буркнул он, убирая доллары в объемистых размеров портмоне из дорогой натуральной кожи.

- И это правильно.

- Когда едем? - он уже настроен на работу, деньги сделали свое дело.

- Завтра, часов в семь.

- Куда именно едем? - он готов к поездке.

- В Чечню, - усмехнулся я. - А там мы уже скажем.

- Не боитесь? - взгляд исподлобья.

- Не боится только дурак, только потом тебе не долго по земле ходить, если что. Я тебе про это уже говорил. Все, завтра в шесть пятьдесят у гостиницы.

- Хорошо знаете, что гостиница принадлежит Исмаилову. Не боитесь оказаться в заложниках?

- Посмотрим. В твоих интересах, чтобы с нас волос не упал.

- А бумаги, что с ними будет? - забеспокоился Эмиров.

- Хоть раз тебя контрразведка подставляла?

- Нет, - он не раздумывал.

- То-то же. Мы ценим своих людей, и рассчитываем на взаимность.

- А что с Грохотовым? Хороший мужик, встретится бы с ним, выпить чарку-другую... - интересуется или проверяет?

- Погиб он. На войне погиб. Твои земляки его и убили, - я был жесток, сделал упор на "твои земляки".

- Понятно... Жаль мужика. - Мустафа искренне вздохнул.

Кто знает, может, он сам и убил Грохотова. С него станется. Зверюга. Напоследок мы проинструктировали его по поводу интервью, что мы якобы брали у него, предлагали, мол, десять долларов, но он отказался.

Мы вышли, сердечно, - так, чтобы было видно соседям, - попрощались с Мустафой.

После этого обошли два оставшихся адреса, указанные в списке, переданном нам портье. Потом отправились в гостиницу.

- Как думаешь, Алексей, а этот Мустафа не сдаст? Бяку не сделает?Андрей заметно нервничал.

- Черт его знает. От этого засранца всего можно ждать - я пожал плечами.

- А зачем ты с него стребовал все эти бумаги?

- От бумаги вечностью веет. Не помню, кто сказал, но очень верно подмечено.

- И что, ты их будешь с собой таскать? - Андрей озаботился.

- Эх, Андрей, Андрей! Я же не идиот.

Потом шли молча. Андрей отчего-то начал нервничать и потирать то щеки, то подбородок.

- Что с тобой? - поинтересовался я.

- Понимаешь, Леха, я тут подумал, что надо было мне изменить внешность. Понимаешь, а вдруг мы встретим тех козлов, что захватили и уничтожили нашу группу.

- Раньше, Андрей, надо было думать, раньше, хотя... - я посмотрел на него выжидательно.

- Что? Ну? Говори! - Андрей напрягся.

- Есть старый шпионский трюк, как за пять минут изменить внешность

- Как? - Андрей был само внимание.

- Очень просто... - я сделал паузу. - Раствор концентрированной серной кислоты очень быстро изменит твой облик до неузнаваемости.

- Придурок! - Андрей рассмеялся. Оценил шутку.

В номере была проведена уборка. Контрольных меток не было. Также не было контрольных отметок на вещах. Шмон. Вещи были с виду не тронуты, все на месте, но некоторые были сложены немного не так. Мелочь, но неприятно. Хотя мы прекрасно осознавали, что все так и будет. "Территория зла" распространила свое влияние уже за пределы Чечни. Ей уже принадлежала и эта деревня. Надеюсь, что я не увижу, как вся Россия станет частью "Территории зла". Очень на это надеюсь. Очень.

Конец второй части

* ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *

1.

Дверь закрыли на замок. Потом я разорвал на мелкие кусочки подробное агентурное сообщение и расписку "Сопки". Перед тем как порвать, два раза перечитал сообщение. Несколько раз про себя повторил ключевые моменты: фамилии, установочные данные фигурантов. Для чего? Не знаю, привычка, профессиональная привычка. Хотя, с другой стороны, какая профессиональная привычка, у меня сейчас и профессии-то толком нет. Скажем так, просто привычка.

Потом поджег мелкие клочки бумаги, а также три листа, которые были после этого в блокноте. Потом закурили.

Эх, хорошо горит! Запах, правда, распространялся по всему

номеру. Ножом помешивали, чтобы все кусочки бумаги равномерно сгорели. Потом погасли редкие красные угольки. Пепел растер руками и как во всех пошлых шпионских фильмах смыл в раковину. Стереотип мышления. Но не есть же эту бумагу!

Руки вымыл с мылом.

Остаток времени мы провели в бездействии. Я попытался уснуть, но не смог. Ворочался с боку на бок. Варианты, варианты, варианты крутятся в голове. Все снова, все сначала. Сейчас хочется вернуться домой. Несколько часов отделяет от решающего шага. Все, что было раньше - так, занятия физическими упражнениями на свежем воздухе. И даже то, что попал я в "переплет", и побывал в роли опрашиваемого в ФСБ, теперь, перед "очередным южным походом", выглядело очень бледно. Территория зла она и есть территория зла.

На соседней кровати Андрей тоже ворочался, кряхтел, вздыхал.

- Что, не спится? - первым не выдержал я.

- Не спится, - тоже приподнялся на локте Рабинович-Коэн.

- Мысли?

- Они, окаянные, - Андрей сел на край кровати и закурил.

Я тоже закурил. Снова вспомнили Кишинев. Отдавая себе отчет в том, что номер мог прослушиваться, говорили, не указывая, что проходили службу, а просто типа работали в Молдавии.

Вспомнили забавный случай. В середине-конце восьмидесятых годов в основном использовались пенные огнетушители, а там, где стояла аппаратура связи, обязаны были присутствовать углекислотные. Любая комиссия указывала нам на этот недостаток. Сами прекрасно понимали, что нет у нас этих огнетушителей, потому что не поставили их, но кого это волнует? Пришлось познакомиться с местными пожарными. Договорились с ними, что когда придут вагоны с этими дефицитнейшими огнетушителями, то мы выделяем солдат для разгрузки, а взамен они нам дают огнетушители. А также, что они же будут их по мере надобности заправлять.

И так получилось, что отправили на разгрузку трех вагонов с огнетушителями личный состав во главе с лейтенантом Рабиновичем. Он, как было договорено, отложил в сторону пятьдесят огнетушителей, и еще больше двухсот слямзил из-под самого носа пожарных. Как ему это удалось - известно лишь ему самому. Но факт остается фатом. Огнетушителей в нашем батальоне теперь было много, даже с избытком. Часть их поменяли на ЗиПы (запасные части и принадлежности) в соседней бригаде связи, в батальоне охраны Главкомата - на

запасные части к автомобилям. В связи с тем, что огнетушители были тогда в великом дефиците, то курс обмена назначали мы сами. И при этом их все равно оставалось у нас в избытке.

Не помню, кто первым, но начали мы экспериментировать, как еще и где можно применить эти самые огнетушители. Первое применение - дарю, может кто запатентует. Наливаете сколько надо горяченной воды в ванну. Потом берете небольшой огнетушитель углекислотный, объемом два литра, и выпускаете газ прямо в кипяток. Вода очень быстро остывает, и вы погружаетесь в эту воду. А она насыщена пузырьками, как газировка. Эти пузырьки поднимаются вверх, щекочут тело, массаж первоклассный. Тогда мы еще не знали, что существует такая штука под названием "джакузи", но тогда это было верхом блаженства, особенно нравилось детям.

Второй способ применения углекислотного огнетушителя, вытекающий из первого. Кишинев, июль, жара, в тени около +40. Надо и службу нести и пить тоже, ой, как хочется. В трехлитровую банку воды выпускаете углекислоту из огнетушителя, получается очень охлажденный, сильно газированный напиток. По вкусу можно добавить варенье или вино. Но здесь есть маленькая особенность. Не вздумайте газировать вино! Если только не хотите напиться до поросячьего визга. Однажды молодые лейтенанты имели неосторожность, выпив предварительно пол трехлитровой банки вина, подвергнуть газированию оставшиеся полтора литра... После второго стакана все были мертвецки пьяны.

Это в России мужики раньше брали банку пива на двоих-троих. А в Молдавии - банку вина. И это была привычная доза для организма. А вот газированное вино очень быстро всасывается в кровь и "вырубает" сознание. Точно также не рекомендую газировать водку. Пьется исключительно легко и приятно, но одной бутылкой можно напоить пять человек. Тоже проверено, дело было на свадьбе одного лейтенанта... Печальный итог известен.

Углекислотным огнетушителем очень хорошо остужать напитки. Берешь банку вина, а оно теплое. Может по всем канонам и положено пить теплое вино, но только не летом. Попшикал из баллона на банку со всех сторон, а потом пальцы примерзают к банке.

Бойцы стали применять огнетушители по-другому. Главная заповедь часового в мирное время какая? Задержать нарушителя? Ни черта! Главная заповедь часового в мирное время - чтобы печать была целая.

Часовой охраняет какой-то склад, хранилище, а оно

опечатано мастичной печатью. Звучит-то интересно - "мастичной" печатью. На самом деле, печать-то пластилиновая, и там отпечатаны номер части и номер печати. А во время жары пластилин размягчается и плывет, течет. Тем самым смазывается оттиск печати и создается впечатление, что хранилище, технику, склад несанкционированно вскрывали. Шум, гам, комиссии, проверки.

По слухам, некоторые не очень добросовестные прапорщики, чтобы скрыть недостачу, очень активно использовали этот фактор, все сваливая на солдат-часовых.

И что только не делали, чтобы уберечь пластилин от растекания!.. И прикрывали, и укутывали, - мало что помогало. И вот тогда солдаты начали остужать эти слепки с печатями с помощью все тех же огнетушителей. Потом их отвозили на зарядку пожарным и снова использовали по своему усмотрению.

От командира части до последнего молодого бойца все знали, что это полезное чудо техники у нас появилось лишь благодаря умному, хитрому, изворотливому еврею - лейтенанту Рабиновичу.

После этого случая Андрей стал старшим на разгрузке всевозможных вагонов. И в батальоне стало в избытке того, что разгружали солдаты под чутким руководством Рабиновича. Если это были яблоки, то две недели этими яблоками объедались все. Под конец ящик с яблоками поставили у тумбочки дневального, бери - не хочу!..

Все это, посмеиваясь, выкуривая одну сигарету за другой, мы вспоминали. Смех, общие воспоминания, немного помогли нам загнать внутрь страх перед предстоящей экспедицией.

Наутро мы встретились возле гостиницы. Нас провожал дежурный портье в национальном костюме, держа руку на рукояти кинжала, внимательно смотрел, как мы садились в "Ниву" суперагента "Сопки".

Поздоровались. Андрей сел на заднее сиденье сразу за водителем, я - на переднее сиденье пассажира. Сказать, что мы с Андреем были спокойны - значит соврать. Мелкий нервный озноб бил, руки слегка подрагивали, я готов был бросится на любого, кто стал бы нам угрожать. Сигарету в зубы, ручку стеклоподъемника опустил наполовину.

- Поехали! - бросил я.

- Поехали, - повторил агент.

Через пятнадцать минут подъехали к пограничному, если можно так сказать, пункту.

Типичный блок-пост, таких за свою жизнь я видел десятки. Службу несли местные милиционеры. Стоял даже БТР, ствол

пулемета был задран вверх и зачехлен. Блок был оборудован по всем правилам военной науки. Даже если бы кто-то и хотел прорваться на большой скорости, не получилось бы. Бетонные строительные блоки образовывали лабиринт, по которому автомобиль мог двигаться лишь со скоростью не более пяти километров в час.

Я был напряжен до предела. Спина мокрая, ладони мокрые, пот со лба капает на грудь. Не хватало еще попасться из-за бдительности стражей порядка.

Мы остановились перед шлагбаумом. Я по старой привычке посмотрел на часы - семь пятнадцать.

Мустафа открыл дверцу машины.

- Куда? - голос мой натянут как струна.

- Надо отметиться и милиционеров подкормить, - подмигнул агент весело. - Не боитесь, тут у меня все прикормлено.

- Три минуты. Время пошло. Ключи от машины оставь в замке зажигания. И без фокусов! - я демонстративно постучал ногтем по циферблату часов.

- Буду раньше, - Мустафа был весел и спокоен, вошел на территорию "блока".

- Что делать будем? - Андрей облизнул пересохшие губы.

- Хрен его знает, что делать, - ждать. Не будет через пять минут уезжаем на его машине, - я закурил уже третью сигарету подряд.

- Куда?

- В Чечню.

- А если будут стрелять?

- Не думаю, что они вспомнят, как это делается. Похоже, что они тут совсем зажирели на этой службе.

Через минуту появился Мустафа.

- Андрей, а посмотри, у нашего водителя "ствол" сзади, за ремнем.

Мустафа начал отвязывать веревку шлагбаума. Пистолетную рукоятку было хорошо видно.

- Ты посмотри, у него еще второй болтается подмышкой слева, - подсказал Рабинович.

- Ага.

Тем временем Мустафа поднял шлагбаум. Проехали. Остановился. Потом агент-водитель снова вернулся пешком назад и опустил шлагбаум, веревку примотал на место. Поехали.

Я смахнул пот. Ну и служба, вырезай весь блок за милую душу, никто не пикнет.

- Мустафа, а зачем платил, мог спокойно проехать, они же спали, никто и не заметил бы.

- Все хотят кушать, в следующий раз они бы мне устроили досмотр с пристрастием. Я потерял бы клиентуру, потерял бы свой имидж, - он сделала упор на последнем иностранном слове с такой гордостью, что мы с Андреем невольно улыбнулись. - А так, - продолжал Мустафа, он же агент "Сопка", - за каждую поездку 10 долларов или рублями по курсу, и все. Сам зашел, сам записался в журнал, положил деньги в стол командира и поехал. Они меня знают, доверяют. Обратно поеду - еще десять гринов отдам. И тоже без досмотра. Всем жить надо.

- Исмаилов тоже платит?

- Все платят друг другу. Но он раз в месяц отдает три тысячи долларов, и его машины беспрепятственно ездят, когда хотят, и с чем хотят. Если, конечно, колонны идут, то здесь дополнительно платят. Большой бизнес большие деньги.

Тем временем мы вырулили из каменного лабиринта блок-поста и выехали на дорогу.

- И часто катаешься в Чечню?

- Бывает, - уклончиво ответил агент.

- А пистолет тебе зачем?

- Бывает, - снова усмехнулся Мустафа.

- А второй?

- Бывает. Вы же сами знаете, что в Чечне так много бандитов, что впору не на машине ездить, а на танке, - опять съязвил Мустафа.

Через триста метров стоял блок-пост, оборудованный уже на чеченской территории. На русском, английском и чеченском языках было написано "Таможня".

В российскую сторону смотрел счетверенный зенитный пулемет. Грозная "игрушка", при желании, от нашей "Нивы" через двадцать секунд могли остаться лишь лохмотья жести.

Мустафа остановил машину и посигналил. Вышел заспанный чеченец. Форма смесь милицейского и армейского обмундирования, на голове спортивная шапочка, перехваченная зеленой лентой. В руках автомат со сдвоенными рожками. Калибр 7,62. На поясе - кинжал устрашающего размера: головы, наверное, удобно рубить неверным. Подсумков для запасных магазинов и гранат для подствольника не было, Воин джихада, мать его!

Руки зачесались, было желание убить его. Нельзя, Леха, нельзя. Страх бился внутри. Смесь страха и ненависти бушевала во мне. Спокойно, Алексей Михайлович. Ты сюда приехал не для того, чтобы мстить за своих друзей. А лишь за деньгами. Сука ты конченная, Салтымаков, за бабками приехал! А ведь несколько месяцев назад воевал и нехерово воевал. Сука, продал память друзей из-за вонючих денег! Тварь ползучая!

Я отвечал сам себе, что когда будут деньги, я помогу, кому смогу помочь. Организую лечение, протезы, и еще много чего хорошего. Сам себя оправдывал в собственных глазах. Но деньги-то Дудаева, заработанные на крови, на костях твоих друзей, братьев, которые прикрывали тебе спину в бою, а ты!..

Все это мгновенно пролетело у меня в голове.

Мустафа не глуша двигатель, вышел из машины, расцеловался с таможенником независимой Чечни, вынул из кармана приготовленные десять долларов, передал их. Потом они что-то весело начали обсуждать.

- О чем говорят, Андрей?

- Спрашивает, кого везет. Мустафа отвечает, что журналистов, будут писать, как военные хреново воевали в Чечне, и поэтому все проиграли. Смеются, что русские никогда не умели воевать, и что через несколько лет вся Россия войдет в состав Ичкерии. Спокойно, Леха, ты разве что-нибудь другое ожидал здесь услышать?

- Да нет, ничего нового. Все то же самое! Что еще говорят?

- Говорит, что будут брать интервью у пострадавшего населения. Таможенник предлагает взять у него интервью, сейчас, мол, зайдем на пост, и он нам даст интервью, каждому по

очереди, нам понравится, будем еще просить, а потом он разбудит своих товарищей, и они нам тоже все по очереди дадут такое интервью, что потом нас с этого поста не выгонишь, потому что мы не видели настоящих мужчин, а женщин здесь не хватает. Просит Мустафу оставить нас ему на пару дней. Ржут как лошади. А Мустафа говорит, что у него договор, не может оставить журналистов, иначе у него имидж будет подпорчен.

- Как нам повезло с тобой, Андрей, что Мустафа так хлопочет о своей репутации, а то бы сорвалась вся наша операция в самом начале.

- Это точно. Все, попрощались, Мустафа возвращается.

- Ну что, куда едем? - Мустафа был весел. - Предлагали вас оставить на блоке...

- Знаем, видели, - мрачно сказал я.

- Так вы по-чеченски понимаете? - удивился агент.

- Нет, но у твоего визави была такая оживленная жестикуляция, что трудно было не понять, зачем он предлагал нас оставить у себя. Они что тут, все педики?

- Почему педики?! - оскорбился Мустафа за своих земляков.

- Ни у меня, ни у кого не возникает мысли изнасиловать мужчину, а этих так и тянет.

- Э, это всего лишь шутка, да и женщин здесь нет, вот так и шутят.

- Все равно шутки педерастические у твоих земляков. Надеюсь, ты не такой?

- Нет, - он был серьезен. - Куда едем?

- Через три километра сверните налево, -ответил сзади Андрей, сверяясь с картой и рассматривая окрестности через окно автомобиля.

Дорога была разбита, вся в рытвинах и ухабах. От асфальта остались жалкие заплатки по краям того, что некогда называлось дорогой. Мустафа уверенно рулил по этому полигону, было видно, что не первый раз он едет здесь. Скорость для такого покрытия была высокая - около тридцати километров. Нас подбрасывало на кочках, мотало из стороны в сторону, но наш водитель не обращал на это ни малейшего внимания. Включил магнитофон, оттуда понеслась чеченская музыка, для меня она была как красная тряпка для быка. Не нравится мне творчество чеченских поэтов и музыкантов, ну не нравится.

- Мустафа, выключи, - попросил я сквозь зубы.

- Не нравится? - ехидно спросил он.

- Не нравится, - подтвердил я. - Наслушался в свое время аж до рвоты.

- А у меня больше ничего нет.

- Значит, поедем молча, без музыки, следи за дорогой.

- А что за ней следить, я тут могу с закрытыми глазами ездить!

Через некоторое время Андрей подал голос:

- А теперь налево, вон за теми соснами будет грунтовая дорога и по ней около пяти километров.

- Не поеду! - затормозил машину Мустафа.

- Почему? - в голосе моем звучало раздражение, мне еще фокусов агента не хватало для полного счастья.

- Вы меня убьете!

- Мустафа, ты хоть старый, и тертый жизнью, а дурак! - я рассмеялся и откинулся на спинку сиденья. - На кой ляд нам тебя убивать? Ты верой и правдой служил органам, и еще послужишь, ты сам организовал безопасный переход, и получишь за это деньги! А ну-ка, не шути! - я заметил, как Мустафа полез сзади за ремень.

Андрей отреагировал мгновенно, он блокировал голову Мустафы нажав на глаза, и потом, продолжая удерживать голову в таком положении, второй рукой ударил агента по солнечному сплетению, дыхание перебил. "Сопка" начал медленно сползать по сиденью.

Я тут же сунул руку сзади за ремень нашего водителя. По карманам прощупал. Документы, деньги. Не то, ага, а вот еще один, во внутреннем кармане.

Странно, зачем ему был нужен весь этот спектакль? Мог нас сдать на чеченском блок-посту. Или здесь попытаться убить. Пятнадцать лет по тюрьмам и зонам, и так облажаться?!

- Ты его не убил? - поинтересовался я.

- Нет, через пару минут очухается. Вытащи его на улицу, - Андрей бесцеремонно вытолкнул Мустафу наружу. Тот упал набок, головой вниз. Я вытолкнул ноги, потом мы усадили его возле колеса, пару раз шлепнули по щекам. Агент начал приходить в себя.

- Андрей, ты же несильно его ударил его по солнечному, а он вырубился, и так надолго. С чего это?

- Главное не с какой силой бить, а куда! Не забудь, что я ему еще немного зрение испортил, два небольших болевых шока сливаются в один большой, плюс нарушение дыхания. Недостаток кислорода и прочая лабуда.

- Где научился?

- На мумиях тренировался, - усмехнулся Рабинович.

- Ну вот, вроде очухался. Что, дядя, будешь говорить?

- А где я? - Мустафа мотал головой, нормальный цвет лица начал к нему возвращаться.

- В гробу будешь, на верхней полке, если будешь чудить! - пообещал ему Коэн. - А ну, говори, что за фокусы! Какого черта ты решил, что мы тебя убьем?

- А вы себя видели со стороны? - вопросом на вопрос ответил перепуганный агент.

- Не понял, поясни, - попросил я.

- Когда вы смотрите на чеченца, вы хотите его убить, это у вас в глазах написано.

- И все?

- Все, - Мустафа вытер пот со лба.

- Ну и дурак ты! На, держи, - я протянул ему оба пистолета, предварительно вынув обоймы, затворы передернул, два патрона вылетели в траву. Обоймы бросил в бардачок.

- Поехали? Или тебе деньги не нужны? - перешел на деловой тон Рабинович. - Время - деньги. Каждые десять минут - минус сто долларов. Ну, и?

- Едем, - Мустафа тряхнул головой.

Деньги он любит, это тоже хорошо. Трезвый расчет в данном случае лучше эмоций.

Быстро погрузились в машину, тронулись в путь. Теперь уже Андрей сел на переднее сиденье, и, вытянув шею, смотрел за дорогой. Было видно, что Андрей выискивал знакомые ориентиры.

Я же страховал Рабиновича от неожиданностей. Меня сейчас интересовал лишь агент. Если бы он выкинул какой-нибудь фортель, я готов был мгновенно блокировать его голову, шею и правую руку. Про себя мысленно несколько раз проработал, как именно я буду это делать. Только дернись, Мустафа. Только дернись, дай мне шанс.

Так мы ехали по лесной дороге около часа, было видно, что дорога не пользовалась популярностью у местного населения: почти заросшая травой, колея чуть заметна. Конечно, был шанс нарваться на мину, оставленную как нашими войсками, так и духами с прошлой войны. Как странно говорить о войне в прошедшем времени. Сам воевал совсем недавно, а вот поди-ка, она уже прошла, вернее не прошла, а мы ее проиграли. Вернее даже будет сказать - за нас ее проиграли...

- Стой, мужик. Приехали! - сказал Андрей.

- Ты уверен? - спросил я у Рабиновича.

- Да, уверен, - мой напарник потянулся, взмахнул несколько раз руками, разгоняя кровь.

- Так я рассчитываюсь? - уточнил я, доставая деньги.

- Да.

- На, держи. Пиши расписку, - я протянул деньги Мустафе.

- Сейчас, сейчас! - засуетился Мустафа.

Быстро, неровным почерком он писал расписку. Потом протянул мне. Я прочитал. Все по форме. Молодец, агент, научился писать расписки!

- Вас забирать? - мы явно нравились агенту.

- Нет, - отрезал Андрей.

- И вообще, мужик, забудь, что нас видел. Мы лишь плод твоей фантазии, - поддержал я его.

- Я вас никогда не видел. А может, пистолет купите? - поинтересовался он.

- Мустафа. Если бы нам нужно было оружие, то отобрали бы весь твой арсенал, а самого отправили к Аллаху. Все, езжай! - я начинал нервничать.

- Понял, понял. Уезжаю. - Он сел в машину и, развернув машину на узкой дороге, поехал в обратную сторону.

Мы стояли и курили, пока он не скрылся за деревьями.

- Ну что, Андрей, куда дальше? И вообще, за каким бесом мы заехали в эту глушь. Здесь что ли пещера местного Али Бабы?

- Нет, Алексей, но не ходить же нам голыми.

- Понятно, тут неподалеку небольшой такой тайничок со всякими премудростями еврейского производства, типа телефонов, которые отрывают головенку, пейджеры, вырывающие печень? Ну, веди нас, Сусанин Иван. Знаешь на этот счет анекдот?

- Расскажи.

- "Приходят немцы в деревню в годы войны и у всех спрашивают, где партизаны. Все молчат. Тут мальчик подбегает и говорит, что он знает. Старший немец:

- Ганс, дай мальчику конфетку. Мальчик, ты проведешь нас к партизанам?

- Да, дяденьки, немцы, проведу.

- Дай, Ганс, мальчику еще конфетку.

- А как тебя зовут, мальчик?

- Ваня.

- Понятно, а как фамилия?

- Сусанин.

- А папу как зовут?

- Иван.

- А дедушку?

- Иваном, и прадедушку тоже Иваном.

- Ганс! Забери у этого поганца конфеты!"

- Хороший анекдот. Не бойся, выведу я тебя к тайнику.

- Эх, Андрей, Андрей! Кабы мне на прежней службе такой тайничок раскопать, то радости были полные штаны! А сейчас буду осваивать шпионскую технику вероятного противника.

- Не шпионскую, а археологическую гуманитарную помощь, - рассмеялся Андрей.

Мы шли еще часа четыре. И не потому, что дорога была сложной. Обычная лесная заброшенная дорога. Боялись погони, боялись напороться на засаду, мину, растяжку. Нам повезло, заметили проволоку, натянутую в пятнадцати сантиметрах над землей. Растяжка стояла давно. Проволока успела немного покрыться пятнами ржавчины. Мы не стали испытывать судьбу и смотреть, к чему она прицеплена - к гранате или мине. Стоит, да и пусть стоит. Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно. Если ставят растяжку, то это тоже кому-то нужно. Пусть себе стоит, ждет своего часа. А если за нами "хвост", может она и поможет нам от него избавится. Главное знать и не забывать, что здесь спрятана смерть.

По прежнему опыту можно было предположить, что рядом спрятано еще немало килограммов смерти. Чувства обострились. Все как на войне. Я снова на войне. Даже не увидел, а почувствовал, что вот этот кусок порыжевшей травы есть прикрытие мины. Я внимательно осмотрел этот квадрат. Мина противопехотная. Осенние дожди обнажили ее ребристый желто-коричневый бок. Забавно, если бы продолжили наш путь на автомобиле, то могли запросто собрать растяжку или эту мину. Не поехали. С одной стороны - похвальная предосторожность Рабиновича, а с другой - он мог и знать об этих сюрпризах смерти. Не он ли со своими товарищами установил всю эту нехитрую линию обороны?

Я посмотрел на Андрея. Он лишь подмигнул мне и пожал плечами. Мол, сам не знаю, как это получилось. Становимся напарниками, некоторые вещи понимаем с полу взгляда, с полуслова. С одной стороны, в условиях боевой обстановки, это даже неплохо, при условии, что он не захочет от меня избавиться.

Потом Андрей долго осматривался по сторонам, нашел какое-то дерево, осмотрел его, я увидел маленькую зарубку у корней. Знак, отметина.

Еще полчаса подъема в гору. На каждом большом дереве была сделана маленькая зарубка, - вот так, от зарубки к зарубке, мы и двигались зигзагами. Когда я хотел обойти стороной большие заросли кустарника, Андрей предупредил:

- Не надо, Алексей, там опасно.

Не дурак, понял, что там мины. Хитрые бестии. Видать, немало они нашпиговали там смерти, и Рабинович принимал непосредственное участие в этом. На пути снова встали густые заросли кустарника. Едва была заметна узкая тропинка. Андрей пошел по ней первым.

Поднял руку. Для любого военного во всех странах мира это означает "Внимание!" и "Опасность!" Я остановился, тут же присел, военная привычка, начал озираться и напрягать слух и зрение. Тихо, кроме веток кустарника с редкими листьями ничего не увидел. Андрей протянул руку вперед, указывая направление.

Вот оно что. Тонкая проволочка пересекала тропиночку, не зная о ней, обойти нет никакой возможности. Зацепил и бах - все твои внутренности на ветках чеченского кустарника. Андрей аккуратно отцепил один конец проволоки от спрятанной гранаты. Потом второй конец проволоки от второй гранаты.

Ничего себе! Если мы ставили растяжки, то привязывали один конец к дереву, а второй - к кольцу гранаты, а эти хитрые евреи привязали проволоку к кольцам двух гранат. Двойной взрыв. Двойной эффект. Забавно, если они заминировали всю дорогу на подступах к тайнику, то сколько же они привезли смертоносного железа? И что же нужно так сильно оберегать? И, наконец, как они протащили все это? Небольшая группа профессиональных разведчиков через полмира доставила груз, и никто не удосужился провести качественный досмотр?! Я уже молчу про оперативную работу.

А ведь это риск, громаднейший риск. Значит, они что-то замышляли здесь грандиозное. А не просто сбор развединформации о деятельности какого-то там Омар Омара.

Пошли вперед. Рабинович сделал шаг вправо, показал пальцем на небольшой холм, потом из-под листвы вынул малую саперную лопатку. Начал копать, остановился, очертил небольшой круг и дальше работал уже руками, понятно, снимает противопехотную мину, последний сюрприз. Аккуратно выкрутил взрыватель, положил его в сторону, потом снял мину. Ладно хоть под ней не оставили гранату без чеки. Я бросил взгляд на мину. "Итальянка". Не содержит металлических частей, миноискатель не возьмет, только собачка или щуп.

Такого "добра" было много в Чечне - гуманитарная помощь развитых экономических стран. Там противопехотные мины запрещают, а склады ломятся от них; чтобы не пропадать добру - в Чечню, для защиты прав угнетенных аборигенов от Российской Империи. Уроды буржуазные, что с них взять.

Андрей вытянул длинную цепь. Потянули. С шумом-треском отвалилась металлическая пластина, обнажила черный вход в землянку. Прямо не евреи-разведчики, а сборище потомков Монте-Кристо. Вон сколько нарыли! И главное, что не видно вырытой земли. Куда-то далеко оттаскивали. Молодцы!

2.

Андрей зажег зажигалку, у входа стояли три свечи -

предусмотрительные, мать их за ногу! Квадратное помещение, три на три метра. Стены укреплены бревнами. Вдоль стен стоят ящики. Много ящиков. Некоторые мне знакомы. Ящики с автоматами, нашими, российскими АКСами, с патронами к ним. Все в заводской упаковке, перехвачены металлическими лентами. Ящики с гранатами. Здесь и РГД и Ф-1. Отдельно ящики с РПГ-7 и отдельно ящики с выстрелами к ним. Одноразовые гранатометы. В углу стоял миномет, еще в заводской смазке, обмотанный промасленной бумагой. Мины тоже были представлены в достатке. Большое количество противопехотных, как наших, так и импортных. Были даже и МОН-90 - очень грозное оружие, если им грамотно воспользоваться, то можно было роту противника положить одному человеку. Главное - радиовзрыватели, грамотно расставленные мины и крепкие нервы. А вот и еще одна знакомая игрушка. Ее я видел лишь однажды и то в очень покореженном виде - знаменитый на весь мир переносной зенитно-ракетный комплекс американского производства "Стингер". Таких штучек было две и около десятка выстрелов к ним. С таким арсеналом можно было воевать. Это все я рассмотрел в скупом, колыхающемся пламени свечи, были и еще ящики, судя по маркировке, там были консервы. Мясные и рыбные. Двадцатипятилитровый молочный бидон, а чтобы никто не сомневался в содержимом, на его боку было написано "Спирт". Я не выдержал:

- Андрей, вы что, все это с собой притащили?

- Нет, конечно, - он рассмеялся. - Все это здесь спрятано давно, периодически лишь происходит обновление. Все это хранится в лесу, у каких-то изделий истекает срок действия, срок хранения, вот тогда и происходит снятие его с хранения, и замена новым. Все как в действующей армии. Не бойся, все это не предназначено для ведения боевых действий с Россией, только для борьбы с террористами. Мы же теперь в одних окопах. Если раньше только мы боролись с исламистами, то теперь линия фронта проходит здесь, - он топнул ногой в земляной пол.

- Не вы ли его здесь провели? А то скучно вам одним было воевать, вот и нас припрягли? - я насторожился.

- Нет, Алексей, нет. Россия в лице бывшего Союза сама ввязалась в эту войну, когда влезла в авантюру с Афганистаном, а потом - пошло-поехало, только успевай поворачивайся. И это еще только начало, попомни мои слова. Пойдут шахиды-камикадзе, обвязанные взрывчаткой. Которые будут взрывать себя на автобусных остановках, театрах, кафе, ресторанах, школах, на дискотеках.

- Тьфу, тьфу, тьфу, сплюнь, дурак. Сглазишь! - я суетливо

сплюнул и постучал по ближайшему деревянному ящику, оказалось, что по автоматам.

- Мне бы очень хотелось ошибаться, Алексей, но пока что вы вступили лишь в начальную фазу боевых действий с фанатиками. Они же здесь хотели построить исламское государство, но вы помешали. Теперь весь мир поддерживает их.

- Ну, так уж и весь мир! - я недоверчиво усмехнулся.

- А ты как думал! Штатам и иже с ними западной Европе якобы важно, что вы здесь нарушаете права человека, и плевать, что они бандиты и убивают всех, кто не их веры. А исламский мир включился в войну ради создания очередного государства в Европе со средневековым укладом жизни. Так что как ни крути, а влипла Россия на многие года или годы, как хочешь сделай ударение, сути не меняет. И как бы парадоксально это ни звучало, в этой дерьмовой войне есть лишь один надежный союзник-партнер - Израиль. Не вижу твоего лица, но знаю, что кривишь сейчас морду, а от этого никуда не уйти. В Израиле это давно уже поняли, осталось, чтобы в Москве пришли к этому, и чем быстрее - тем лучше. Для обеих стран лучше.

- Ты меня чего агитируешь, чтобы я сейчас поперся в Москву к Гаранту Конституции и объяснял ему, что, мол, бросай все и иди заключай договор "Россия-Израиль - братья навек"? Этого хочешь? Не выйдет. Заканчивай политинформацию, нужно двигать дальше к моему золоту, моей валюте, чтобы потом смотаться подальше от всех этих придурочных террористов с их бредовыми идеями о мировом господстве, от вас - евреев с идеей богоизбранности, от православной церкви, которая считает себя единственно правильной, от всех, к чертовой матери! Будет миллион "гринов", два, три - на жизнь хватит! Давай, бери, что нам надо, чтобы не быть "голыми", и пойдем отсюда.

- Алексей, может, хоть пистолет возьмем?

- Ага, ты еще Узи возьми. Кстати, есть здесь?

- Есть.

- Дай хоть посмотреть, а то только в американских боевиках и видел.

- Вот, - Андрей подошел и достал из какого-то ящика Узи, замотанный в промасленную бумагу.

- Ух ты! - я взял его в руки. - А тяжелый какой! Ты сам-то стрелял из него?

- Стрелял, - Андрей пожал плечами. - А вообще-то Узи ужасно непрактичная штуковина. Пятикилограммовый утюг. Система прицеливания чертовски неудобная, верхнее расположение затвора тем более неудобно, - он продемонстрировал как взводится пистолет-пулемет. - Стрелять из него неудобно, а

прицельно - и подавно, руки держатся рука к руке, локоть к локтю, рычаг равновесия достаточно маленький. Огромный недостаток - при вставленном магазине, если затвор взведен, затворная рама остается в заднем положении, окошко экстрактора (ну, откуда гильзы выбрасываются) открыто, готово к приему любой грязи и пыли. Кроме основного предохранителя есть еще предохранитель на тыльной стороне рукоятки, который при стрельбе надо плотно зажимать между большим и указательным пальцами, и, соответственно, рука быстро устает. И самый главный недостаток - то, что, несмотря на наличие двух предохранителей, при резком ударе Узи вполне может перезарядиться, а так как боек постоянно в торчащем положении, то вполне может и выдать очередь. Про сложно складывающийся приклад, который вечно открывается не вовремя от любого удара по нему, я уж и не говорю.

Рабинович быстро и сноровисто показывал, как перезаряжается пистолет-пулемет, как откидывается приклад, как пристегивается магазин, как его менять. Я попробовал сам. М-да, действительно, не так просто, как в лихих боевиках.

- Патроны есть? - спросил я.

- Есть. На, - Андрей разорвал упаковку патронов.

- Почти как к ПМ, только немного длиннее.

- Будешь стрелять? - насмешливо поинтересовался Рабинович.

- Нет, конечно, - я со вздохом протянул ему Узи.

Мне очень хотелось пострелять из этого оружия, попробовать, как он действительно бьет, почувствовать его отдачу, пристрелять под себя это заморское оружие. В голове всплыла фраза, сказанная в одном кинофильме про Узи: "Им можно деревья рубить!" Имелась в виду его огневая мощь.

Андрей почувствовал мое желание, решил утешить немного:

- Не переживай так. Приезжай ко мне - постреляешь от души.

- Нет уж, лучше вы к нам. Давай, бери свое барахло, и сваливаем отсюда. Засветло надо успеть двинутся. В лесу как-то не очень хочется останавливаться, точно так же, как не хочется ночевать в первой деревне.

- Сейчас.

Андрей нырнул в темный угол и вытащил поближе ко входу какой-то небольшой ящик. Начал его открывать, потом рыться в нем.

- Андрей, а таких тайников по всей Чечне много?

- А тебе зачем? - не отрываясь от поисков ответил Рабинович-Коэн.

- Просто интересно.

-- А ты как думаешь?

- Я думаю, что много, и это не самый основной.

- Вот и думай как хочешь, а мне не мешай, - огрызнулся мой напарник, и по его тону я понял, что не ошибся.

- Ты хоть скажи, что берешь, а то потом влипнем с твоим снаряжением.

- Вот, смотри, - Андрей достал несколько упаковок фотопленок одной известной фирмы.

У нас все карманы были ими забиты, Рабинович сам настаивал, чтобы я купил именно такие.

- Ну, и что? - я был в недоумении.

- Смотри и учись, студент! - Рабинович торжествовал. - Если пленку вытащить из упаковки, то полностью она не вытащится, там есть зацеп. Той стороной, где располагается эмульсия, можешь приклеить к любой поверхности. Уходишь и через пять-шесть минут - взрыв эквивалентный ста граммам тротила.

- Всего-то? - я был разочарован. - Стоило из-за этого тащиться сюда. Можно было взять под видом оконной замазки пластид. Я, кстати, так его и использовал в своем кабинете. Мне потом хотели это инкриминировать, но умысла не было. И хрен бы кто догадался, только натренированная собака. Да очень опытный сапер.

- Тебе мало? - недоумевал Рабинович, явно обескураженный моей реакцией.

- Конечно, мало. Что еще можно сделать с твоей "пукалкой"?

- Смотри. Нажимаешь на выступ катушки кассеты, она уходит внутрь...

- Ну, и?..

- Погоди. Граната становится на боевой взвод, потом кидаешь ее, и при ударе о поверхность она детонирует и взрывается. "Рубашка" из титана с внутренними насечками пробивает "броник".

- И все?

- Нет, не все! - с вызовом и досадой сказал Андрей.

Ему было обидно, что не восторгаюсь я его чудо-техникой.

Ничего, я в своей жизни видел штучки и поинтереснее, изготовленные как кустарным способом, так и нашей промышленностью.

- Вот, смотри, - он достал батарейку от карманного фонаря.

- Этой штуковиной и голову-то толком не пробьешь, разве что в висок зарядить от всей души. Камень лучше, - я откровенно издевался над израильской техникой.

- Если ты вдавил на катушках с пленками выступы, а потом не бросил, а аккуратно поставил, закопал, то раскручиваешь вот

эту так называемую "батарейку", - Андрей раскрутил ее, - внутри радио-взрыватель. Вытаскиваешь, нажимаешь вот на эту кнопочку и "кассеты" с пленкой взрываются. Понятно?

- Почти. Радиус действия радио-взрывателя?

- Пятьсот метров.

- Радиус поражения осколками от твоих фотопленок?

- Максимум двадцать метров. Эффективно - пятнадцать метров.

- Не густо, - я был разочарован.

- А ты что хотел?

- Побольше и подальше. И чтобы мозги по асфальту, - я рассмеялся. - Ну, показывай, что еще там.

- Ручки-пистолеты.

- На один патрон?

- А тебе чтобы не меньше чем у АКСа?

- Именно. Калибр?

- Два варианта. Первый - "мелкашный" патрон, второй - от ПМа. Но тут поосторожнее, отдача такая, что можешь сильно себя в живот или грудь ударить, а то еще хлеще, "ручка" может полететь и пробить тебе грудную клетку. Надо стрелять с упора. Ну, и сам понимаешь, что грохота будет много, дыма. По опыту, тоже немало. Каждому беру по две ручки. Одна мелкокалиберная, вторая - "потяжелее". Будут патроны - можешь перезарядить. Да, еще, - без надобности не раскручивай ее.

- Боишься, что могу выстрелить?

- Нет, патроны отравлены.

- Восток, Восток. Все время забываю, с кем имею дело, - я вновь рассмеялся. - Что еще?

- Тебе мало?

- Мне всегда не хватает времени, денег, патронов и информации. Давай, выкладывай, что на твоей исторической Родине изобрели для борьбы с международным терроризмом!

- Изобрели много, только здесь не все представлено, - Андрей усмехнулся.

- Нет чего-нибудь такого, чтобы дух типа щелкнул авторучкой, а у него руку вместе с головой оторвало к чертовой матери?

- Увы. Есть попроще.

- Например?

- Яд.

- Так его еще нужно в пищу подмешать. И к этой пище подобраться. А то, может, и придется вместе с одного корыта чавкать. Как потом отбрыкаться, что, мол, не голоден?

- Есть яды, которыми можно смазать конверт, письмо

мамочке написал человек, облизал конвертик, и все, привет родителям.

- Отстал, Андрюха, ты от жизни, сейчас есть конверты, где не надо лизать клапан. Оторвал полоску и все, наклеил.

- Понял, есть аэрозоли. На открытом воздухе "живет" яд 30 секунд, клиент вздохнул и склеил ласты. А ты все это время не дышишь.

- А что в твоей "аптечке" есть сейчас?

- Ничего.

- Так что же ты умничал? - я был возмущен.

- Просто хотел показать, какой я эрудированный, - Андрей рассмеялся.

- Ладно, закрывай свою лавочку, и побежали, нам засветло надо пройти максимум расстояния и устроится на ночлег. Ты же не хочешь на первом же этапе экспедиции ночевать в лесу?

- Нет, не хочу.

- Кстати, коль мы здесь уже, и обратно дороги нет, не мог бы ты мне поподробнее объяснить, где же находятся "сокровища Агры"?

- Еще не время.

- Не доверяешь?

- Еще не время.

- А когда наступит это время? - я настаивал.

- Немного подожди, выйдем на финишную прямую, и вот тогда... Не обижайся, Алексей, дело в том, что есть приметы, которые вот так, с ходу не объяснить, надо показывать на местности.

- Так ты был там?

- Мы были рядом. Провели разведку местности, я входил в состав группы, проводившей рекогносцировку, а вот потом нас захватили...

- И вы не могли отбиться? Вас была целая группа подготовленных специалистов. Вы же были в этом тайнике? Могли набрать столько оружия, что у ваших грузовиков рессоры бы полопались и полуоси вылетели. Почему?

- Леха, сейчас мы с тобой тоже можем взять столько оружия и боеприпасов, сколько сможем унести, но не берем. Почему?

- Не можем себя выдать, для нас это означало бы смерть. Верную гибель.

- Правильно, для нас тоже тогда это бы означало верную гибель. Плюс ко всему, мы не могли бы выдать себя, сознаться в истинных целях нашей миссии, тем более, что выступали под прикрытием "Красного Креста".

- Сколько человек вас брали в плен?

- Двенадцать.

- Они были вооружены?

- Да.

- Они были расслаблены?

- Относительно, когда обыскали и увидели, что у нас нет оружия, лишь одеяла, палатки, и прочая дребедень, то успокоились...

- И вы не могли их прибить? Я так понимаю, что ты выступал в роли "спеца". Неужели ты не мог придушить, сломать шеи, руки-ноги, а потом прибить двух человек? Взять их оружие, и потом начать разбираться с остальными? Твои коллеги тоже могли что-то, не только ручку перьевую держать?

- Эх, могли! - Андрей махнул рукой.

- Так и что?..

- Команды не было, - Андрей вздохнул. - Я только напрягся, хотел свалить ближайшего, потом прикрыться его телом. Он толстый такой был, жирный, воняло от него нестерпимо, обмотан был пулеметной лентой, что тот моряк в кино про революцию, в руках - ПК, коробка полная, можно было потом всех гадов положить... - Андрей закурил, взгляд был устремлен в пустоту, он снова переживал свое пленение.

- И... - я поторопил его.

- Начальник увидел, как я напрягся, и покачал головой, мол, не смей.

- На что он надеялся? Что духи вот так просто вас отпустят после проверки документов, багажа и груза? Он или дилетант или предатель.

- Нет, он просто сразу понял, что дальше будет. Нас и раньше останавливали, но тут же отпускали. Мы не должны были выдать свою принадлежность к Израилю, а уже тем паче к истинной цели нашего визита в Чечню.

- Могли бы принять последний бой и погибнуть, чем вот так, как бараны идти на заклание, - я кипятился и не понимал.

- Ты когда-нибудь занимался нелегальной работой? - голос Андрея был тверд и сух.

- Нет, - я оторопел от перемены тона его голоса.

- Тогда ты ничего не знаешь. Ты должен погибнуть, но не выдать себя. Все так и настаивали до конца, что мы были мирными гражданами, поставлявшими гуманитарный груз в пострадавшие районы Чечни. И на всех допросах с пристрастием, сам понимаешь, что это такое, мы отвечали как попугаи одно и то же. А для этого надо иметь большее мужество, чем вступить в последнюю схватку и тем самым выдать себя с головой. Откуда у гуманитариев навыки ведения боя? Откуда они знают, как

сломать нос человеку, да при этом так, чтобы он умер? Как свернуть шею? Как ударом кулака разорвать печень, перебить гортань, пробить артерию на шее? Или уходить от погони, ставить мины и прочее, прочее, что тебе как оперативному работнику не снилось.

- М-да, дела!.. - я был раздавлен длинной тирадой Андрея.

- Поэтому мои товарищи сознательно пошли на смерть. Мы знали, что кто-нибудь из нас уцелеет, Родина не даст погибнуть всем, и вот он, выживший, сумеет рассказать, как оно было. Этот шанс выпал мне.

- Так что же ты не побежал рассказывать своей Родине, как погибли твои товарищи, а поперся опять назад? Понравилось?

- Ты циник?

- Я - реалист. Или решил завершить начатое дело, или отомстить моими руками? Давай, колись, - я напирал на Андрея, теперь-то он от меня не отвертится.

- В плену во мне что-то сломалось, - Андрей говорил тихо. - Я сам не способен на самопожертвование. Я дико хотел выжить и я выжил... Спасибо тебе, Алексей!..

- Дальше! - я был непреклонен.

- Я хочу выйти из игры, только уйти на покой мне просто так не дадут. Жив я или нет, никто толком не знает, я просто пропал без вести. Начнут по каналам выяснять, выйдут на Ставропольское ФСБ, те подтвердят, что я погиб. Другой информации у них нет. Я беру свою часть дудаевского наследства, обосновываюсь где-нибудь подальше от всего этого дурдома, - мир, поверь, такой большой, что при наличии достаточных средств можно надежно спрятаться. Забираю жену, детей, родителей и живу на берегу голубого океана, занимаюсь подводной охотой, плюю в голубое небо, ем ананасы и рябчиков жую, и не жду когда придет последний день. Разве ты не хочешь этого? Я понял, что не совсем готов для этой работы, чтобы вот так погибать, стиснув зубы. Можно было бы все рассказать, и тогда бы тебя убили быстро, без мучений.

- Понятно, хотя, насколько я тебя знаю, Андрей, ты до конца не договариваешь, что-то темнишь. Ладно, сделаю вид, что поверил. Сваливаем отсюда. Ничего, кроме этих бесполезных кассет для фотопленки ты взять не хочешь?

- Они не бесполезные! - Рабинович возмутился.

- Хорошо, сформулирую вопрос по-другому. Что-нибудь еще, что может нам пригодиться, закамуфлированное под невинное оборудование имеется?

- Нет.

- Если ты не возражаешь, я возьму пару банок тушенки. Вещь

длительного хранения, пригодится.

- Бери.

Я открыл ящик с тушеной говядиной, взял четыре банки консервированного мяса, обтер от смазки. Две банки положил в свою сумку, две - Андрею. То же самое проделал с рыбными консервами. В углу стояла бочка с салом, по крайне мере так было написано на упаковке, но не стал я его брать. Чечены, к сожалению, не едят этот калорийный продукт. Не будем их лишний раз нервировать. А то они публика крайне нервная, сразу за автомат хватаются.

Потом мы около часа закрывали вход в тайник, оборудованный спецслужбами Израиля на территории России. И я - бывший старший оперуполномоченный военной контрразведки ФСБ РФ принимал самое активное и непосредственное участие в этом.

Я по старой привычке запоминал, как минируется вход, как его открыть, как подойти к этому складу. Нам бы найти такой склад в январе 1995 года в Грозном. Тогда зачастую патронов не хватало, и даже очень сильно не хватало. А тут такое богатство!

Вышли снова на проселочную дорогу. Но пошли уже в другую сторону, а не туда, откуда нас привез Мустафа.

Сказать, что мы шли расслаблено, нельзя. Это не пеший туризм, когда идешь и любуешься окружающими тебя красотами. И даже не марш-бросок с полной выкладкой, когда в глазах темно, и чтобы не сойти с ума смотришь под ноги, и команда командира: "Вспышка слева!" - лишь шанс поваляться на земле три минуты. Были времена, были!

Теперь все иначе. Смотри под ноги, чтобы не наступить на мину или не сорвать чуть заметную в траве проволочку от растяжки. Это могла быть и граната, а могла быть и мина, по типу "МОН-90". Успеешь лишь услышать, как отлетает рычаг от гранаты, а с МОНкой вообще ничего не услышишь.

За всю дорогу нам удалось увидеть две проволоки, затерявшиеся в траве. Старая проволока, скоро проржавеет и развалится на куски. Были и участки дороги, похожие на заминированные, но у нас не было ни времени, ни желания разбираться действительно ли это мины или просто бугорки, просто обошли их.

Останавливались на привалы. Перекуривали, ноги кверху, чтобы кровь немного оттекла и вперед. Первый день, надо пройти как можно дальше. Дорога лесная вилась на высоте около пятидесяти метров над основной. Нам было видно как там, внизу, стоят блок-посты с чеченскими бандитами, как они останавливают машины, прохожих. Досматривают их. Из-за

большого расстояния не было видно подробностей, но нам это было ни к чему. Удалось рассмотреть лишь, что у въезда-выезда в каждую деревню стоит "блок". На каждом таком посту от двух до десяти человек.

За пять часов мы прошли "поверху" две деревни. Сэкономили массу времени на проверках, и нас пока еще никто не видел. Пока мы не засветились. Но это не могло продолжаться вечно. Тем более, что нам надо было выходить на отрытую местность и продвигаться в южном направлении.

Двигаясь по лесу нельзя было забывать, что и здесь могли быть какие-нибудь местные бандюки. Элементарно, многие кланы враждовали между собой. И многие из них находились в состоянии кровной вражды между собой. Здесь настолько все переплелось, что сам черт ногу сломит, если попытается разобраться во внутритейповых отношениях или междутейповых взаимоотношениях.

Приход Дудаева поднял одни тейпы, укрепил их, особенно те, что базировались в горной местности. Тейпы же, где культивировалось обучение, прививалась тяга к знаниям, были разгромлены, изгнаны из привычной среды обитания. Война усугубила положение тейпов с "интеллигентным" уклоном. Прав был тот, кто лучше вооружен, и мог поставить под ружье больше своих соплеменников.

Я сам несколько раз использовал междуклановую вражду, получая необходимую информацию, выуживая ее из более слабого тейпа. А также вербовал чеченцев из слабых тейпов. Забрасывал их на территорию сильных, потом артиллерия наносила точечные удары по складам и базам боевиков. Целеуказания выдавали артиллерийским корректировщикам эти самые агенты-разведчики из слабых тейпов.

В результате мы уничтожали противника, а агенты получали удовлетворение от кровной мести. Сами они не могли отомстить, кишка тонка, но это становилось возможным нашими руками. Нередко и руководители тейпов стояли у руководства банд. И это не обязательно должен быть старейшина. Времена те минули уже давно. Теперь тот, кто в силе, и является "командиром" своего клана.

Мне раз удалось с помощью вот такого артиллерийского налета уничтожить главаря преступной группировки, по совместительству - главу одного уважаемого в Чечне тейпа. Нет человека - нет проблемы. Потом на этот тейп накинулись соседи-кровники, от него мало что осталось. Моя заслуга! Эх, были времена, были!

Где-то около шестнадцати часов Андрей сказал, что пора

спускаться с гор. Ну, что же, надо, значит, надо. Вперед, вернее - вниз. Спуск крутой, я вонзал пятки в землю, но пару раз все равно проехался на "пятой точке". Андрей тоже тормозил несколько раз тем же местом.

Вышли к дороге через большие заросли кустарника. Не выходя из зарослей, огляделись. Вид немного иной, чем сверху, но картина одинаковая. Еще сверху разглядывая пейзаж, ландшафт, стало ясно, что нам не миновать деревню. Как бы ни хотелось, но придется проходить через нее.

Обратили внимание, что можно было бы попытаться это сделать с левого фланга, но там вообще не хожено, не езжено. Хотя остатки травы там гуще. Но местный скот там не пасся, пацаны не бегали, машины не ездили. Верный признак минного поля. Можно, конечно, и рискнуть, но это все равно, что сыграть в "русскую рулетку", только в рулетке шансов больше. Если местные не лазят там, значит не один человек и не один баран там остался. Не стоит. Решили, что не будем рисковать.

Сейчас, рассматривая в бинокль через заросли кустарника блок-пост, что был установлен на въезде в деревню, мы подсчитывали, сколько там бойцов, что за вооружение, как они себя ведут. Получалось, что на блоке было пять-шесть человек. Вокруг поста носились пацаны, на самом посту несли службу вместе с отцами трое мальчишек лет двенадцати. Все были вооружены автоматами и пистолетами. Так сказать - династия. Передача опыта от старшего бандита-папы к младшему сыну.

Кстати, мальчишки несли службу более бдительно, чем их отцы. Они останавливали машины, видимо, не из местного села, потому что многие машины они пропускали беспрепятственно, приветствуя взмахами рук. При досмотре пацаны указывали родителям на что-то, и те уделяли этому внимание. Хреново. Пацаны более наблюдательны. А это не очень хорошо, даже очень нехорошо! Но не век же нам здесь сидеть и ждать, когда эти мальчишки подрастут и станут менее внимательны, как их родители.

Мы достали свои "журналистские" удостоверения. Веревочки не должны быть девственно чистыми. Немного земли, самую малость, втерли в шнурки. Потом надели поверх одежды.

Я перекрестился. Трижды сплюнул через левое плечо, плевок под ноги. Вперед!

3.

Момент выбрали удачный, охранники на посту как раз досматривали очередной автомобиль, в нашу сторону никто не смотрел. Вышли из кустов и двинулись в сторону деревни. Походка непринужденная и немного усталая. Бродят двое

умственно неполноценных по территории Чечни и не предполагают, что в любую секунду могут стать рабами кого-нибудь из местных эмиров полевых командиров. Они так любят себя называть.

Когда подходили к посту, как раз закончился досмотр автомобиля. На нас обратили внимание. Ждут напряженно, всматриваясь в лица. Пацаны за спинами родителей ощетинились стволами автоматов. Забавно все это. Сделай шаг в сторону, и родительские спины закроют сектор стрельбы для молодежи. И тогда вперед, атакуй этих гадов!

Леха, Леха! Ты не о том думаешь! Ты должен выглядеть журналистом, улыбаться им. Именно улыбаться, а не скалить зубы. Улыбайся. Вот так. Шире, шире, как будто у тебя плохой стоматолог, и ты не можешь иначе! Как там у американцев? Смайл, и еще шире этот самый смайл! Чи-и-и-из, сы-ы-ы-ыр, се-е-е-кс! Господи, как же давно у меня его не было!

Живот подводит от страха и голода. В голове всплывает мысль, что при попадании пули в живот на голодный желудок шансов выжить больше.

Гоню эту идиотскую мысль от себя прочь. Прочь! Я сюда не для того вернулся, чтобы получить на первом же блоке пулю от бандитов, которые занимаются грабежом на дорогах! Эх, раньше бы двое спецназовцев, вооруженных лишь тремя ножами каждый, раскурочили всю эту богадельню к едреней фене! Почему три ножа? Один всегда можно применить как метательное оружие. Он может сломаться, выпасть, поднимать, искать нет времени. А когда "спец" вооружен двумя ножами, в каждой руке по одному, то он может таких дров нарубить! Пару раз приходилось видеть, что они делали с часовыми врага. Это было нечто! Эх, были времена, были!

- Эй, пошевелитесь! - сказал самый важный, самый упитанный, самый здоровый дух.

Жесты важные, начальник, кол осиновый ему в сердце! На пальце сверкает золотой перстень, там какой-то камень, что-то большое и блескучее. Терпеть не могу у мужиков украшений, ни цепей, ни колец, ни браслетов. Только часы. Очень хорошие. Дорогие, функциональные часы.

- Да, да! - мы ускорили шаг.

Идти быстрее и улыбаться так, что рот до ушей, сложно, крайне сложно. Надо смотреть под ноги, вся дорога в рытвинах и ухабах. Подошли, теперь только хорошее настроение и полное расположение.

- Здравствуйте! - я первым вступаю в диалог, чувствую, как холодная струя пота бежит между лопаток, скатываясь через пояс

брюк в трусы.

- Вы кто? - пальцем больно тыкают в удостоверение журналиста на груди. Палец грязен, ноготь обломан, а воняет от них! Как от козлов! Тот, который справа от нас, чешет у себя в промежности. Мыться надо! Козлы!

- Мы -журналисты! - продолжаю скороговоркой я.

Попутно взгляд на Андрея. Мне худо от того, что вот так, "голый", без оружия беседую с бандитами. А Андрею вообще худо. Весь бледный, пот катится по лицу, на лице застывший оскал, взгляд стеклянный.

Нас рассматривали молча, как потенциальных рабов, точно так же, как вы рассматриваете мясо на базаре. Молча прикидываете насколько оно хорошо, куда его лучше использовать - в суп или для котлет. А может, отбивные получатся?

С чувством собственного превосходства, уверенные в своей силе, безнаказанности, они обходили нас, трогали на ощупь ткань. И все это молча. Вот это молчание как-то больше всего и вселяло в души ужас, даже не ужас, а панику.

Рабинович тоже молчал. Но не от чувства превосходства, а из-за страха. В очередной раз до меня дошло, в какое дерьмо я вляпался. Но только сейчас я не просто это осознал, это дошло до самой последней клетки моего организма. Но надо как-то выбираться из этого положения - мяса на базаре. Нужно взять себя в руки, немедленно.

- Господа, мы журналисты, и имеем задание от нашей уважаемой газеты написать несколько статей о том, как федеральные войска творили здесь бесчинства, и как страдало мирное население.

Я старался говорить убедительно, сохраняя при этом достоинство, хотя это было крайне непросто. Страх смешивался с ненавистью. Теперь надо поторопить этих молчаливых мужиков с оружием.

- Итак, господа, вы проводите нас к вашему старшему командиру или будете просто стоять и рассматривать нас? - у меня прорезался "командный" голос.

Чеченцы наконец-то что-то сообразили и начали переговариваться между собой. Потом молча уставились на нас. Опять двадцать пять. Что делать? Что делать? Господи, что делать? И кто виноват? Сам, дурень, сам виноват, жадность тебя толкнула, теперь жри это дерьмо большой ложкой! Гражданин Мира! Сейчас ты станешь удобрением. Не сразу, сначала поработаешь на этих шакалов, а потом будешь компостом.

Тут наконец-то проснулся Андрей. Он что-то им сказал на

ломаном чеченском языке, не знаю, что именно, но чеченский я не перепутаю. И то, что Андрей что-то сказал им с акцентом, я понял. Оба-на! "Чехи" активно заинтересовались этой короткой фразой. Посыпались вопросы, Андрей что-то отвечал. Потом перешел на арабский, потом на английский. Полиглот хренов. Если очень не повезет, то Андрея они оставят в живых, в качестве говорящей мартышки, вернее попугая, а меня в распыл.

Но, видно, русский еврей с английской фамилией "Коэн" говорил им что-то убедительное, и они его слушали. Не знаю, что именно, но после последней фразы Рабиновича они похлопали его по плечу, потом полезли к нему целоваться. Надеюсь, что он не сказал, что мы гастролирующие гомосексуалисты! Очень на это надеюсь!

Потом Андрей что-то сказал, и все вновь обратили внимание на меня. Я же стоял с идиотской усмешкой, даже не улыбкой, а оскалом, не умею я красиво улыбаться! Не умею! Что не дано, того и нет! Ну, морда еврейская, говори только то, что надо! Иногда лучше не договорить чего-то, чем ляпнуть лишнего! Очень надеюсь, что Андрей понимает это!

Спокойно, Леха, спокойно! Через оскал вдох и выдох, задержка дыхания, как перед выстрелом. Боковым зрением вижу, что дух вышел из-за моей спины, значит, в случае шухера можно будет его дернуть на себя и прикрыться этим вражьим телом. Есть шанс. Есть ли такой же шанс у Рабиновича - не знаю, ой, не знаю. Главное - веди игру, расслабляй их, Андрюха, расслабляй, притупляй внимание!

Стволы автоматов тем временем уже поползли вниз. Ежу понятно, что в случае оказания сопротивления нам живым не уйти, но, может, говорливому Рабиновичу удастся убедить местных духов, что мы хорошие.

А Андрей что-то продолжал говорить. Говорил по-прежнему на чеченском. Он даже не говорил, а заговаривал публику. Показывал на окружающий пейзаж, потом что-то спрашивал у них, они отвечали. Есть живой диалог, значит, есть надежда на мирный исход "переговоров".

И вот Рабиновичу что-то сказали, и мы двинулись толпой. Самое забавное, что на посту никого не осталось. Абсолютно никого! Даже мальчишки шли рядом с нами. М-да, служба у них!

В центре деревни стоял сельсовет, над ним гордо реял чеченский флаг, а посередине этого стяга, как мы говорили - "шакал под луной". Вокруг - грязь, горы мусора. Пацаны сбегали за местным предводителем команчей. Вышел местный командир.

Больше всего я боялся, что появится знакомое лицо, хоть и не был я в этих краях, но кто знает... Напрягся, постарался укрыться

за спинами окружающих чеченцев, делая вид, что копаюсь в карманах. Искоса, поглядывал на вышедшего.

Мужичок-боевичок, обвешанный оружием, преисполненный собственного достоинства. Нет, не встречался он мне во время "Южного похода". Но, правда, это еще не говорит о том, что он меня никогда не видел.

Рабинович начал наглеть и стал чувствовать себя как рыба в воде. Он дружески похлопывал по плечам чеченских боевиков. Это мне очень не нравилось, нельзя, ой, нельзя с ними вот так, запанибрата.

Прошли внутрь бывшего сельсовета. Мусор повсюду. Ни деревня, ни само здание администрации не пострадали от войны, не видел я тут ни воронок от разрывов, ни останков сожженной бронетехники, ни даже следов от пуль на стенах домов, похоже, что не было тут боев вообще. Вот только мусора в здании этого "штаба" было много. Похоже, что они тут вообще не убираются. Ну, да ладно, я сюда не жить и не служить приехал.

Зато кабинет он свой оборудовал как надо! Во всю стену карта Чечни с надписанным грифом "Секретно". Там, где подпись командира, оторван кусок, а где должно быть написано "Утверждаю" - замазано чернилами или фломастером. Ну, понятно, где-то подобрали карту, самим сделать склейку, нанести обстановку - не царское это дело. Ну-ну.

Внимательно посмотрел на карту, была нанесена обстановка конца июля 1996 года. Эх, были времена, были!

Стол у местного командира был хорош, ой, хорош! Не знаю, где он его достал: старинный стол, массивный, из дерева, покрытый зеленым сукном. Такие, наверное, стояли в тридцатые годы в НКВД и прочих сильных учреждениях. Теперь сукно потерлось, кое-где протерлось до дыр. Стулья разнокалиберные, выбитые окна закрыты мешками с песком, горит керосиновая лампа. Верхний ряд мешков вынут, через него попадает свет и свежий воздух в помещение. Мусора, правда, здесь поменьше, чем в коридоре. Командир уселся, автомат свой положил на стол. Кивнул головой, мол, говорите.

Рабинович начал рассказывать что-то предводителю местных боевиков о нашем тяжелом детстве на ломанном чеченском языке, потом что-то сказал на арабском. Не знаю почему, но мне показалось, что это была сура из Корана. Мужик внимательно слушал, кивал, при этом он сохранял солидность. Крепкий мужичина, с первого раза его не возьмешь.

Рабинович полез за пазуху и снял с шеи журналистское удостоверение. Я без команды решил ничего не делать. В общих чертах я представлял, о чем говорил Андрей, но подробностей не

знал. Командир повертел в пальцах пластиковую карточку удостоверения, особо даже не читая, потом приказал всем, кроме нас, очистить помещение.

Еще два часа мы с ним беседовали. Вернее беседовал Рабинович, я лишь суетился вокруг с фотоаппаратом, фотографируя командира. Глядишь, может, и для суда сгодится.

Потом нас отвели в дом к заместителю командира. Это нам так объяснили. Разместили в большой комнате. Накормили ужином. Андрей вкратце пересказал то, что он узнал из беседы с предводителем. Получалось, что войны в этой деревне не было как таковой. Военные пришли и просто стояли на блоках. Деревня спокойно их пустила, и до сих пор не жалеет об этом, но с другой стороны их стали презирать соседние деревни, которые оказали сопротивление, за что и получили сполна. Теперь соседи требуют от местных компенсации, что они-то, мол, дрались с русскими, а местные нет, поэтому обязаны компенсировать потери. Сложность заключается в том, что эта деревня из одного тейпа, а соседние - из другого.

Восток - дело тонкое, если не сказать наитончайшее. В ходе беседы мы подарили Командиру и заглядывавшим лицам радиозакладки, замаскированные под авторучки и зажигалки. Всего шесть штук. Кто знает, может, пригодится.

Ближе к обеду мы вышли покурить во двор. Слышим шорох и шепот:

- Эй, русские братья, подойдите сюда! - из-за угла торчит голова, причем явно нерусского "брата".

- Чего тебе? - я подошел поближе.

- Вы же пойдете в Россию? - продолжил шепотом юноша лет двадцати.

- Конечно, у нас там редакция! - я сделал самое невинное лицо, какое только смог.

- Передайте ближайшему сотруднику ФСБ... - он полез во внутренний карман.

"Так, началось в колхозе утро!" - подумал я. Провокация! Ни один здравомыслящий опер или агент никогда не будет хранить при себе оперативные материалы, тем более вручать их первому попавшемуся журналисту. Тут до России пешком за сутки можно дотопать с большими перекурами и послеобеденным сном. Я схватил провокатора за шею. Но не для того, чтобы придушить, как ни велико было у меня желание сделать это. Просто надо было прощупать его пульс. А заодно и проверить и потоотделение. Человек идет на смертельный риск, сердце должно колотиться как заячья лапка, пот литься ручьем. Ан, нет! И шейка сухая. Правда, жирная, и воняло от него как от козла, и

пульс бился ровненько. Была мысль сломать ему нос своим лбом, но я быстро остановился. Нельзя, не место и не время! Смог лишь зашипеть ему в лицо:

- Скотина! Мы - представители демократического издания! И в ваши гебешные игры не играем! И как ты мог! Именно ФСБ все это затеяло, а ты стучишь им на своих товарищей! Иуда! Сексот! П-шел вон, собака! - я брезгливо оттолкнул его.

- Э, нет! - включился Андрей. - Мы его сейчас отведем к командиру, пусть он его судом шариата судит!

Мы ухватили за руки провокатора и потащили его на улицу. За углом стоял "УАЗ" с флажком Чечни. Командир. Он ждал своего подручного, и явно не ожидал увидеть нас. Мы с Андреем бросили провокатора ему под ноги и с самым неподдельным возмущением начали рассказывать местному командиру о гнусном предложении, что сделал нам этот агент ФСБ! Хотелось еще подольше поломать "Ваньку", но нельзя. Лучше не доиграть, чем переиграть!

- Очень хорошо, очень хорошо! - по-русски сказал командир.

- Вы будете его судить? - с надеждой в голосе спросил я.

- Нет, судить мы его не будем! Он это делал по нашему указанию, командир был горд.

Мне понравилась фраза "по нашему указанию". Прямо как "Мы - Николай II". А может у этих ребят кто-то умный сидит в кустах и говорит, что им нужно делать? Не знаю. Тут всего можно ждать. Можно и нужно ждать всякой пакости!

Мы с радостью сообщили, что оценили его шутку, но больше так делать не стоит. Наши нежные демократические нервы могут не выдержать, и мы побьем провокатора.

Потом вместе пообедали. По ходу обеда договорились, что он сам или его люди за пятьдесят баксов подкинут нас на пятнадцать километров на юг. Все ногами не топать.

Около пятнадцати часов выехали. Повез нас тот самый провокатор. Деньги командир забрал сразу и положил их к себе в объемистое портмоне.

Нас посадили на заднее сиденье в потрепанный УАЗик с еще сохранившимися военными номерами, рядом с водителем уселся еще один боевик. Когда отъехали от деревни километров на пять, у сидевшего рядом с водителем-провокатором воина затрещала радиостанция, и что-то затараторила на чеченском языке. Боевик откликнулся, что-то сказал, потом обернулся и посмотрел на нас. Я ничего не понимал, но Андрей напрягся.

- В чем дело, уважаемый? - я был сама любезность, хотя спина стала мокрой.

- Эмир сказал, чтобы вас вернули назад, в деревню, - пояснил

боевик.

- А в чем дело, он же нас только что отпустил?

- Это не он. Эмир приедет утром, он хочет лично с вами поговорить! недобрая усмешка оскалила эту бородатую морду.

- Понятно. Почему бы и не побеседовать с хорошим человеком, заодно у него и интервью возьмем, как он воевал с оккупантами, - я старался быть спокойным.

- Он расскажет, как воевал, - голос боевика был театрально зловещ и многозначителен.

Водитель развернул машину, и мы поехали обратно.

- А как фамилия вашего командира?

- Не командира, а Эмира. Это у урусов командиры, которые воевать не могут, только с женщинами способны, а у нас - Эмир! - он был горд. - Его фамилия Толбоев. Зовут Мовсар.

После его слов спина у меня взмокла еще сильнее.

- А чем он занимался во время войны? - я напрягся, боясь услышать ответ.

- Он был главой администрации деревни, - боевик сказал, как называется деревня.

Вот теперь мне стало совсем не по себе. Та самая деревня и та сама фамилия. Глава администрации тот самый. И псевдоним сразу же вспомнился "Хвостов". Вот те на! Надо было его "пришить"! Испугался я, мог шум подняться, что прибили главу администрации. Зато сейчас было бы проще. М-да, дела! А может, стоит сделать "рывок"?

Я начал оценивать ситуацию. Водителя-то я быстро нейтрализую, он как раз передо мной. А вот с этим боевиком... Деревня уже видна, и блок-пост духов. Нет, не успеем уйти, не успеем! Бля! Обидно! Значит, надо уходить ночью, до встречи с "Хвостовым"-Толбоевым. Не простит он мне, что я участвовал в поимке группы боевиков, ой, не простит!

С другой стороны можно и пошантажировать этого духовского командира, бывшего агента ФСБ. А откуда это знает демократический журналист? Откуда? Значит он не журналист, а сам либо агент, либо сотрудник ФСБ. Пусть даже и бывший сотрудник, плевать. Смерть будет избавлением, но наступит она не скоро.

Я посмотрел на Андрея. Он сидел бледный, по лицу катился пот. Пока я размышлял, что и как делать, подъехали к блок-посту. Теперь поздно дергаться, надо определяться на месте. Подрулили к сельсовету. На крыльце уже стоял наш старый знакомый. Он радушно улыбался. Мелькнула мысль, что это очередная провокация, и сейчас этот толстяк нас отпустит. Ни фига, нам было объявлено, что мы дождемся утра, и после беседы с эмиром

нас отпустят.

Обращение стало хуже. На нас уже смотрели как на пленников. Взгляды, пренебрежительные толчки, благо, что не пинали. Даже не пленниками они нас считали, а потенциальными рабами. Плевать им на демократическую прессу и свободу слова, видимо, и провокация была устроена по распоряжению этого эмира. Радиостанции у них были УКВ-диапазона. Чем отличается КВ (коротковолновый) диапазон от УКВ (ультракоротковолнового)? Все просто. "Короткие" волны, отражаясь от ионосферы Земли, способны огибать всю планету. То есть, находясь в любой точке земного шара, можно вести переговоры с этими чеченскими бандитами. Но это лишь теоретически. Но все равно связь на КВ-радиостанциях можно вести на большие расстояния. Они больше и по размерам.

УКВ-радиостанции небольшие по размеру, и связь на них можно поддерживать на небольшие расстояния. Если оценивать гористо-холмистый ландшафт данного участка Чечни, то можно предположить, что это максимум десять километров. Тот боевик, который был с нами в машине, разговаривал по радиостанции не с самим эмиром, а с командным пунктом, расположенным в деревне. Над сельсоветом торчала антенна типа "штырь". Самая простая и примитивная антенна. Диаграмма направленности - шар. Будь я у них начальником связи, то мог придумать что-нибудь получше.

Смотрим на антенну. Длина антенны составляет четверть длины радиоволны. Чем выше частота, тем меньше длина радиоволны, тем меньше по размерам нужна антенна. Судя по размерам антенны, возвышающейся над крышей сельсовета, то они должны работать на сверхнизких частотах. Допустим, что у них стоит коротковолновый передатчик, на машине тоже можно установить такой же. Они сами говорят, что Толбоев припрется лишь утром. Что это значит? Только то, что до утра надо отсюда "слинять", иначе с нас начнут сдирать кожу лоскутами и очень медленно. Потом перережут горло.

Нас привели в тот же дом, где мы были раньше. Только с небольшой поправкой. Мы сидели уже не в самом доме, а в сарае, что рядом. Добротный сарай. Метров десять в длину, пять в ширину. Стены сложены из блоков. Сарайчик недавней постройки. Все новенькое. Одна двойная дверь, расположенная посередине. По три небольших окна на каждой стене. Окна забраны решетками, сваренными из арматурного прута. Если убрать эти прутья, то можно и пролезть.

Вдоль стен лежали охапки соломы. Нас со смехом завели в этот сарай и с грохотом закрыли за нами обитую жестью дверь,

было слышно, как запирают большой навесной замок.

Мы обследовали помещение. Не хотелось думать, что оно может стать нашим последним пристанищем. Помоги нам, Бог! Мы были просто подавлены. Говорить не хотелось, надо было как-то осмыслить ситуацию, в которой мы оказались. И почему-то было чувство, что за нами подсматривают и подслушивают. Надо вести себя естественно. А как тут себя будешь вести естественно, когда ты вот-вот станешь рабом, в самом худшем понимании этого слова?

Я сел на расстеленную солому. Потрогал на ощупь стену. Крепкий рукотворный блок, отлитый из цемента. Я разгреб солому у основания, мелькнула мысль, а вдруг там есть что-нибудь типа щели, лаза? Не было там никакого лаза. Только что-то нацарапано.

- Андрей, сюда подойди, тут что-то написано, - позвал я того.

Мы начали разбирать нацарапанные надписи: "Коротков Сергей Ильич, 1976, в\ч... личный номер... Самара, улица... дом... квартира... телефон..." И самая страшная: "Нас было пятеро мы построили этот сарай. Все умерли. Я один очень болею пытался бежать поймали завтра наверно убьют. Передайте родителям. Прощайте!" Дальше шли установочные данные на остальных, кто был с Коротковым. Недолго же они пожили в этом сарае, если такое ощущение, что никого здесь никогда не было.

Мы сидели пораженные. Кто они были, эти пленники? Судя по годам рождения и тому, что были указаны номера воинских частей - солдаты срочной службы. Мальчишки... Нет больше мальчишек... Прощайте, братья, прощайте!

Я не сентиментальный человек, но в этот момент мне было до слез жалко этих пацанов. Я еще раз посмотрел на номера воинских частей. Не знаю. Эх, мальчишки, мальчишки! Глотая слезы, я переписал данные к себе в блокнот. Сам себе пообещал, что выберусь, и сообщу родителям этих солдат, где погибли их дети. Эх, дети, для этого ли вас рожали, растили?!..

- Ну, что, Леха, делать будем? - спросил Андрей шепотом, озираясь, как будто рассчитывал увидеть тех, кто мог нас подслушивать.

- Сваливать будем. Не думаю, что нас будут подслушивать.

- Когда начнем уходить?

- Как стемнеет. Сейчас слишком опасно.

- Тихо будем уходить или громко? - Андрей был очень напряжен.

- Громко это как?

- У меня же есть взрывчатка в фотопленках.

- Ты в своем уме, умник! Успокойся, насколько сможешь.

Тихо с темнотой начнем пилить решетку.

- Чем мы ее будем пилить? Пальцем что ли?

- Смотри.

Я расстегнул пряжку брючного ремня, вытащил ремень, а уже из ремня вынул пилки по металлу с алмазным напылением. Спасибо мужикам, помогли с оборудованием. Дай бог, чтоб эти пилки сработали как надо. Всего их было шесть, с различной конфигурацией и длиной зубьев. Для удобства на концах полотен были сделаны утолщения. Сами полотна были в два раза уже, чем обычные, бытовые.

Я лег на солому и стал ждать наступления темноты. Руки за голову, глаза закрыл. Спать все равно не удастся, слишком много мыслей и страшно от всего этого! Есть не хотелось, надо просто отдохнуть, может, что-нибудь полезное в голову придет.

Сейчас самое главное, чтобы нас никто не трогал и не переводил в другие помещения, не говоря уже про подвалы. Оттуда бежать было бы уже сложнее. Нас никто не тревожил, а мы не привлекали к себе внимание требованиями, типа, хотим в туалет или требуем суда над чеченскими военными преступниками. Ничего этого не было. У духов своя свадьба, а у нас - своя.

Тут в голову пришло, что у духов наши радиозакладки. Собрал сканер. Слушаю. Что-то говорят.

- Андрей, ну-ка, послушай, о чем "черти" гутарят.

Рабинович взял сканер, долго слушал.

- Ничего хорошего.

- Подробности.

- Ужинают. Попутно обсуждают, что с нами делать.

- Они еще не решили?

- Как же, не решили! - тон у Андрея саркастичный. - Уже решили. Рабы мы у них. Просто сейчас решают, на каких работах нас использовать. Выдвигаются различные предложения. Обсуждаются. Но ждут эмира. Он примет решение. Также считают, что нужно тщательно скрывать от соседних тейпов, что у них заложники. Отберут.

- Понятно, - я вздохнул.

Одно дело подозревать, что ты стал рабом, другое - знать наверняка.

- Еще есть что-нибудь интересное? - спросил я.

Ничего. Жена эмира с младшим сыном собираются завтра, после приезда командира поехать в Россию за покупками. Выделен охранник, он же водитель. Потом снова все по новой. Кого и как использовать. Тебя, кстати, собираются на тяжелых работах заставить работать. Говорят, что ты сильнее и

выносливее.

- Опять, Андрей, ты отмазался. Еврей везде еврей. Не обижайся - шучу. Стандартное мышление.

- Что делать, Леха?

- Ничего. Ждать темноты, а там ноги в руки и ходу, насколько позволит обстановка и силы.

Молча мы лежали на соломе, уставившись в не побеленный потолок нашей тюрьмы. Будем надеяться, временной. Ворочаясь с боку на бок, дождались, когда стемнеет, по осени темнело рано. Только солнце скрылось за сопкой и все, опустилась темнота. Небо в Чечне низкое, звезды обычно крупные, но сегодня нам везло. Не было ни звезд, ни луны, ни месяца. Низкие тяжелые тучи закрыли небо, лишь бы не было осадков - и все нормально. Тихо уйдем, без шума и пыли.

Пока еще что-то было видно на улице, начали смотреть в окна. Поблизости никого, все, кто шарахался во дворе, ушли в дом. Ну, с богом!

Выбрали окно, выходящее на огород, и начали пилить прутья. Всего было по четыре горизонтально и пять вертикально. Итого нам предстояло сделать восемнадцать распилов. Наше счастье, что это была обычная арматура. Если бы духи не пожалели денег и выковали эту решетку, то хрен бы мы ее перепилили.

Начали! В тишине визг полотен, казалось, раздавался на всю округу. Дело спорилось. Импортные полотна вгрызались в наш мягкий металл как нож в пластилин. От напряжения пот лился ручьем, в глазах плясали огненные пятна. Руки ободрал в кровь, рукав куртки порвал, к черту, быстрее, быстрее! Темп, темп, работаем, Алексей, работаем. Пыль скрипит на зубах. Хочется пить. К черту! Только пилить! Время работает против нас! Только пилить, пилить! Потные пальцы соскальзывают с утолщений, одна пилка у меня сломалась. Не такой уж и мягкий металл. Беру другую, сломанные полотна - в карман, могут и пригодиться.

Андрей также трудится рядом. Ему не надо объяснять, какие последствия нас ждут, если не удастся удрать. Можно, конечно, и взорвать к чертовой матери двери этого сарая, взрывчатки еврейской хватит, но это уже совсем крайний случай. А сейчас пилить! Самое неудобное - пилить прутья, расположенные сверху. Толком ничего под ноги не подставить, приходиться вставать на носки, тянуться вверх. Сразу затекают спина и руки, металлическая пыль сыпется на лицо, прилипая к потной коже, стекая по телу, вызывает страшный зуд. Во рту все пересохло, хочется пить.

Хр-рум! У Андрея тоже сломалось полотно. Ничего, осталось всего четыре прута. Пилим, Андрюха, пилим! Мы с тобой желаем

свалить отсюда, поэтому пилим. Андрей пониже меня ростом, ему нижние прутья, и боковые, до которых он может дотянуться. Мы часто мешаем друг другу. Рабинович несколько раз ударил меня локтем в живот и в бок. Я тоже не остаюсь в долгу, пару раз по голове и по плечу моему напарнику достается. После удара только потираем ушибленные места, никаких извинений, пилим!

Остался последний прут. Я быстро его перепиливаю. Если бы существовали соревнования по перепиливанию решеток, то мы бы стали чемпионами. Уф! Рукавом отираю пот с лица. Сваливаем!

Андрей более мелкий, подсаживаю его в окно, он прыгает. Слышен грохот тела. Потом шепот:

- Давай! Только осторожно, тут куча застывшего цемента! Я ногу подвернул!

- Лови! - я выбрасываю сумки. - Отойди в сторону - зашибу!

- Прыгай!

Я прыгнул, оттолкнувшись посильнее, насколько это было возможно, сидя скрючившись в проеме окна. Упал, перекатился, плечо ушиб-таки.

- Живой? - голос Андрея.

- Живой. Уходим!

Озираясь и останавливаясь в темноте при каждом шорохе, мы медленно продвигались вперед. Сердце бешено колотилось. Казалось, что грудная клетка сейчас разорвется от такого ритма. В ушах кровь играла бешеную какофонию. Мы обошли сарай и вышли во двор, из окон сочился свет от керосиновых ламп.

Долго всматривались и вслушивались в ночную темноту. Часовых не заметили. Будем надеяться, что их и нет. Собак в этом доме тоже не держали, что тоже само по себе приятно. Встречаться с огромными, дикими как их хозяева, и не менее кровожадными кавказскими овчарками не было никакого желания.

Рядом с крыльцом стояли автомобили. "Нива", два "УАЗа". С учетом того, что их до этого здесь не было, можно было предположить, что все машины исправны. Шепотом мы обсуждали, какую машину взять. Остановились на "Ниве". Машина была переделана. Часть крыши срезана, сзади была установлена турель для пулемета. Самого пулемета не было, жаль. Этакая модификация тачанки времен гражданской войны. Стоило войскам уйти, как эти духи здесь вообще разбушлатились. Непорядок!

Дверь автомобиля была открыта. Еще не хватало, чтобы они его сигнализацией оборудовали! Я вытащил из подошвы нож, передал его Андрею, сам вынул нож из часов. Проткнул все четыре колеса у одного УАЗика, Андрей - у второго.

То, что ключа в замке зажигания не было, меня особо не смущало. Рядом с полуразвалившимся замком торчал простой тумблер типа "вкл-выкл". Будем надеяться, что это и есть местная альтернатива замку зажигания. Если даже и не сработает тумблер, то как замыкать провода я знаю. Когда послужишь в армии взводным, ротным, будешь знать многие вещи. В том числе, как скручивать провода, когда ключ утерян, или находится бог знает где, а нужно срочно выгонять технику.

Андрей вынырнул из-за машины. Отдал нож, я вставил его на место, свой тоже убрал.

- Давай, толкай! - я поднатужился и начал толкать машину.

- Сейчас я! Секунду! - Андрей начал рыться в сумке.

- Чего удумал?

- Оставлю подарок им за гостеприимство.

- Чего? - меня начинала бить дрожь.

- Заминирую дверь. Откроют - и все. Если за нами погонятся, то это поможет их задержать.

- На хрен! Надо сваливать! Толкай, там разберемся!

- Толкай. Я через секунду! Я догоню! - Андрей скрылся в темноте.

- Придурок! - плюнул я и принялся толкать машину.

Благо, что не было подъема, машина медленно покатилась вперед. Вот так устраиваются эти евреи, вечно приходится за них вкалывать, сапер хренов!

Лишь бы машина завелась!

В темноте раздался грохот падающего жестяного ведра! Урод! Тут же раздался скрип открываемой двери. И голоса на чеченском. Враги не спали, быстро выскочили из дома. Где же ты, Рабинович?! Быстрее, быстрее! Я сел в медленно катящуюся машину, ну, милая! Не подведи! Ведь ты же русская машина, и я русский. Ну же, милая! Тумблер вверх, заворчал стартер, схватился! Машина завелась! Так, фары не включаем! Сцепление выжать, первую скорость! Жаль, что не космический корабль! Ну, где же ты, Андрюха! На хрен тебе сдались эти мины-ловушки! Где ты?!

Во дворе началась борьба. Несколько человек орали что-то на чеченском. И вдруг крик Андрея Рабиновича перекрыл шум:

- Леха! Беги!

4.

Второй раз меня просить не надо! Газу, Леха, газу! Вторая передача, третья! Четвертую включать не стал, пусть машина идет "внатяг".

То, что сердце колотилось раньше - это ерунда. Сейчас только одна мысль - выжить, выжить!!! Вперед, вперед! Дорогу чуть видно. Кручу руль в разные стороны, пытаясь "нащупать" дорогу. Вперед! Назад! Домой! В Россию! В Омск! В Челябинск! В любую дыру! Но только домой! О, мои бывшие коллеги! На помощь! А-а-а-а-а! Каждая клеточка моего тела вибрирует от паники! Паника парализовала всего меня. Я мчался вперед, вдавливая в полик педаль газа. Господи, помоги удрать отсюда! Господи, помоги мне! Помоги мне! Помоги мне! Черт подери, Господи, помоги мне! Господи, я буду хорошим человеком! Только помоги мне выбраться!

Ехать до блок-поста, на котором нас задержали, минут пять, но мне показалось, что прошло не меньше трех часов. Главное, чтобы на "блоке" не начали дергаться, а то мне тогда полный звиздец придет! Господи, помоги, пусть они сейчас сидят и тихо чего-нибудь жрут!

Луны не было, а мне еще надо было полавировать между

бетонных блоков. Шлагбаума не было. Я попытался представить расположение бетонных укреплений. В голову ничего не лезло. Только паника. Паника вытеснила все мысли.

Теперь главное проскочить! Если мне ехать пять минут, то по радиостанции проорать на блоки, чтобы остановили машину - пять секунд! Это значит, что шансы мои супер-супер мизирные. Все равно, что в преферанс объявить "мизер", имея на руках четырех тузов! Господи! По-мо-ги!!! Помоги!!!

Несмотря на панику, мышечная память переключила коробку передач на вторую скорость. Пока никого не вижу, но мне надо сделать два поворота! Два поворота! Господи! Вцепился в руль мертвой хваткой. Ногти впились в ладони. Челюсти сжались до хруста зубов. Казалось, что зубы раздавят друг друга. Я не обращал внимания. Не обращал внимания ни на что! Только вперед!!! Только вперед! Впереди было мое будущее. Или моя погибель!.. Только вперед!

Подъехал к блок-посту. Надо включать ближний свет, иначе ни фига не получится!!! С трудом отлепил, отодрал руку от руля, щелкнул переключателем. Вперед! Главное, чтобы мотор не ревел, не надо газовать на второй передаче! Мимолетный взгляд на приборную панель. Бензина - полный бак, температура в норме! Как новичок высовываю голову вперед рулевого колеса, грудью налегаю на "баранку". И почему придумали люфт на рулевой колонке! На хрен он мне сейчас нужен! Вхожу в правый поворот, медленно, спокойно, Алексей, спокойно!

Слышу, нет, не слышу, а чувствую, как открывается дверь на блоке. Через долю секунду виден падающий свет. Все!!! Звиздец! Полнейший звиздец!

Левый поворот. Налегаю грудью на руль, помогаю всем телом, газ на полную катушку. Мотор взвыл, скорость выросла, педаль сцепления в пол, скорость - третья!!! Сцепление бросаю и тут же газ до полика!

Вижу, как боевик выходит, лениво машет рукой, остановись! Хуль тебе в рот, обезьяна хренова! Боевик еле успел отскочить. Слышу вопли в спину. Один голос, потом второй. С запозданием очередь мне вслед! Газу, Леха, газу!!! Скорость четвертая и газу, газу. Газу. Теперь я понял, что тогда, до блока, я не боялся, я только сейчас начинал бояться. Я жал на педаль газа, мчался вперед, пытаясь "поймать" дорогу. Только не на обочину!!! Там мины!!!

Ноги ватные, живот и низ живота ломит от страха. Спина как деревянная, гениталии, кажется, ушли, спрятались внутри меня, залезли обратно! Если бы в сиденье были бы гвозди, я бы вырвал их задницей, до такой степени она напряглась. Страшно!!! Мне

холодно, мне страшно!!! Надо съезжать с дороги. Плевать на мины, если сейчас устроят погоню, то на тракте меня догонят махом. Проселок может меня спасти. Вот она есть маленькая тропка - ходу, Леха, ходу, родной!!! Сбрасываю скорость, лавируя между деревьев.

С каждым метром паника уходила, приходил обычный страх. Я остановил машину. Пока повезло, что не нарвался ни на растяжку, ни на мину. Заглушил двигатель. Слушаю тишину. Погони нет, или пока нет. Сердце рвет грудь, дыхание тяжелое.

Я с трудом оторвал руку от руля. Затряслись руки, потом все тело, челюсти стучали друг о друга, волны судорог сводили и отпускали меня. Лицо перекашивало, все лицо сразу. Казалось, что все части лица жили собственной жизнью. Кривило рот, глаза дергались, каждый сам по себе, мышцы на шее напрягались, по очереди дергая голову то вправо-влево, то вперед-назад. Мышцы пресса то напрягались до дикой боли, то расслаблялись. Потом я заплакал. Просто заплакал. Я не рыдал, вот так, навзрыд, уже очень давно. Как в глубоком детстве. Я рыдал, упершись лбом в руль. Если бы сейчас кто-нибудь меня захватил, я не смог бы оказать сопротивления. Никакого...

Сколько прошло времени я не знаю, но показалось, что целая вечность. Тело и голова стали медленно приходить в норму. Первым желанием было рвануть в сторону границы, плевать на этого самонадеянного, мстительного еврея.

На полусогнутых, ватных от страха ногах вышел из машины. Не думал, что мой мочевой пузырь так переполнен, мне казалось, что это никогда не кончится.

После облегчения сидел в машине и курил в кулак. Внутри все колотило мелкой дрожью. Что делать, что делать, что делать?! Можно хоть сейчас крутануть руль и ударить по педали газа. А дальше? Хана Андрею. Ну и что? А так и тебе конец придет. Затяжка, лбом в руль, еще затяжка, жжет губы. Открываю дверь, тушу сигарету о порожек машины, окурок бросаю на заднее сиденье. Не надо оставлять лишних следов. Привычка.

Новую сигарету в зубы. Курю. Медленно, очень медленно успокаиваюсь. Мозг работает как квадратное колесо. Как несмазанное квадратное колесо.

Что мы имеем? Рабинович в плену. Это раз. Два - против меня работает банда головорезов. Хорошо вооруженных, подготовленных бандитов. Три - я могу вооружится. Знаю, как выпотрошить еврейский тайник. Можно попытаться что-нибудь сделать. Прорыв внаглую? Можно. Хорошо, эффектно и очень глупо. Эффектно, потому что два трупа выглядят более впечатляюще, чем один. Почему глупо? Потому что это

самоубийственно. Я похож на самоубийцу? Отчасти. Что я могу сделать? Могу сначала провести разведку. А там - как кривая выведет. Никто меня не обязывает вытаскивать Рабиновича.

Что еще? Что же еще?

В голове крутилось что-то очень важное, но я никак не мог это ухватить. Что-то очень важное, что может дать шанс на свободу Андрею. Или на его погибель. Но что? Что же? Епрст! Я начал усиленно растирать уши и щеки, закурил. Что? Господи, ну, подскажи! Что же?

Поездка, поездка. Кто-то куда-то едет. Все!!! Жена эмира и его младший сын едут в Россию! Вот оно! Вот! Едут завтра, посмотрел на часы, нет, уже сегодня. Что это может дать? Многое, если подойти к делу с умом и наплевать на моральные устои. С большой колокольни наплевать!

Попробовать стоит, но медленно и очень аккуратно! Что теперь? Очередная самоубийственная попытка. Вперед? Нет, назад! К тайнику!

Я медленно развернулся. Очень боялся, что все-таки за мной пустят погоню. Но, видимо, им было лень или передумали. Погони не было. Ну и хорошо!

Медленно подъехал к тому месту, где была растяжка на дороге. Ночь искажает все. И расстояние, и очертание предметов и местность Я боялся, что не найду тайник, что нарвусь на растяжку, мину, засаду. Просто на сук, как всем известный барсук из детской песенки.

Кому приходилось бывать в ночном лесу одному, тот имеет примерное представление, что это такое. При каждом шорохе, треске, крике ночной птицы, приседаешь до земли. Потеешь от страха и от собственного бессилия. Это очень страшно. Очень страшно!

Почти ползком я подобрался к тайнику. Дорогу подсвечивал фонариком. Но им нельзя было пользоваться постоянно, могли заметить. Включал только тогда, когда казалось, что сбился с курса. Пару раз я забирал правее. Вовремя ориентировался и возвращался на верный курс.

Каждой клеткой кожи, волосками на ушах я чувствовал опасность, которая, казалось, притаилась под каждым кустом этого враждебного леса. Вот и тайник. Ну, Андрей, если ты не сподличал, и не оставил мне никаких сюрпризов, то у тебя есть шанс. Если оставил какую-нибудь хреновину, то, извини, сам дурак. Я перекрестился и начал снимать ловушки для непрошеных гостей. Получилось.

Начали! Вспомнился фильм "Командо", когда Шварценеггер в магазине набирал оружие. Мне бы его мышцы! Это железо так

много весит. Поэтому, в отличие от Арнольда, я не буду брать много, или то оружие, с которым плохо знаком.

Итак! СВД - классная штука, но я только пару раз стрелял из нее. Нет. Не берем. Не берем и прочие разновидности данного вооружения.

АКС. Беру. Весь в заводской смазке. Эх, родимый, тебя бы по хорошему пару дней бы подраить. Нет времени. Отираю густую смазку. Пойдет.

Еще? Конечно, патроны к автомату. Сколько? Десять пачек, благо, что три цинка открыто, кто-то уже брал, упаковка не полная. Пачку "трассеров". Рву упаковку, высыпаю патроны, снаряжаю магазины. Четыре штуки. Еще брать? А стоит ли. Всегда не хватает патронов. Большой бой мне не выдержать. Но и дешево продавать свою жизнь не стоит. Беру еще два. Все снаряжаю.

Мины. МОН-90, МОН-100. Беру "девяностые", мощи хватит. Беру три и тут же одну откладываю. И так тяжело, а мне еще по лесу возвращаться. Ищу взрыватели. Есть то, что я искал. Радиовзрыватели. Все как в "Командо", с той лишь разницей, что помощи не будет. Вообще!

Прибор ночного видения. Щелкаю, проверяю батарею. Не заряжено. Жаль, в сторону.

Гранаты? Конечно. Ф-1 - 2 штуки. РГД-5 беру пять штук. Нагрузился. Встал, тяжело.

Вытаскиваю эту груду смертоносного металла наружу. Теперь надо как-то замаскировать тайник. Кто знает, может, еще пригодится. Устанавливать в темноте ловушки я не стал. Хватит того, что мне повезло, и я смог их снять. Мне везет, очень везет. По всем земным и небесным законам я должен был сдохнуть уже раз сто. Но прошел несколько войн и остался целым. Для чего-то Бог, Судьба меня спасли, может, именно для того, чтобы я помог Рабиновичу? Или для того, чтобы я стал богатым и помогал людям?

Давным-давно читал Евангелие. Читал из вредности, нельзя было читать, запрещено, вот я и читал. Я из той категории, которым говорят, что нельзя читать, а я читал. Читал Солженицына, Войновича и еще много чего, в том числе и Священное Писание.

Почему при Советской власти запрещали эту книгу, я так до конца и не понял. Немного я помню, но вот запомнился мне такой эпизод, или притча, как хочешь ее назови. Дал Бог трем людям несколько талантов: денежная единица была такая. Одному пять, второму - три, третьему - один. Кто как любил Бога, кто как жил. Бог им и сказал: "Берите деньги, а я вам буду помогать!"

Первый сумел вложить деньги и удвоить сумму, второй тоже удвоил деньги, третий не верил в Бога и зарыл деньги. Хотя мог бы использовать по своему усмотрению, пропить, с девками прогулять. Придурок, что с него взять!

Через некоторое время приходит Бог и спрашивает, мол, как дела? Первые двое хвастают своими успехами. А третий говорит, не верю я в тебя, Господи, поэтому и зарыл денежку в землю, на, получи ее назад.

Господь взял денежку и отдал ее первому. Мораль сей истории такова, по-моему, в том, что деньги идут к деньгам, и нужно рисковать. И что теперь? А теперь то, что Рабинович и есть то самое звено, которое может и должно вывести меня к деньгам.

Леха, а если бы ты точно знал координаты нахождения тайника, то стал бы пытаться спасти Рабиновича? Честно скажи сам себе. Честно? А черт его знает, черт его знает. Может, и не стал бы. Хотя с другой стороны, что есть деньги - куча бумажек, а Рабинович стал моим напарником, все как на войне. Пошел бы! И хрен с ним! Будь что будет!

Все эти дурацкие мысли лезли в голову, пока, обливаясь потом от страха и нагрузки, я спускался к машине. Недосып и напряжение делали свое дело. "Крыша" стала съезжать. Надо поспать и поесть. Сумасшедшие тоже хотят есть.

Дотащился до машины. Сгрузил все. С большим удовольствием размял затекшую спину. Посмотрел на часы. 3.30. Нормально. Достал из сумок еду, перекусил, запил все это минералкой. Спать!

Ага, попробуй, поспи, когда один в лесу, и при каждом шорохе последние волосы на голове становится дыбом, а сердце уходит в пятки, да и спать в "Ниве" не так удобно, как в родной постели. Я ворочался с боку на бок. Стал замерзать, завел двигатель, включил печку. Сзади, где была установлена турель для пулемета, была дыра, и оттуда сильно задувало. Рядом валялся кусок брезента, завернулся в него. Кое-как задремал, а в 6.00 виброзвонок в часах уже затряс мою руку. Я в испуге проснулся и секунду не понимал, где я, и что вообще тут делаю.

Ну, все, пора! Тихо начал движение обратно к деревне. Дорога одна. Можно, конечно, выехать на запад, там через пять километров на деревню вела еще одна дорога. Но, помнится, там был небольшой мост, и боевики его взорвали, не думаю, что местные его починили. Значит, нужно ехать до Гудермеса, или до Грозного. А это далеко. Так что будем надеяться, что жена Мовсара с его змеенышем поедут именно этой дорогой. Если будет один охранник, он же шофер, то справимся, буду надеяться, что справлюсь. Ну, с Богом! Я перекрестился, плюнул на панель,

потом стер плевок.

Самое удобное место для засады - это перекресток, где поворот на север - в Россию. Там и устанавливаю мину, радиовзрыватель на место. Маскирую валежником и травой. По моим расчетам первый взрыв должен был ударить по колесам автомобиля, не причинив существенного вреда пассажирам. Для этого я установил мину под углом к земле, чтобы большинство осколков ушло в почву.

Вторая мина была установлена как контрольная. На случай, если не удастся сразу остановить автомобиль. Она была уже поставлена как надо. Бить, так бить! Она же была предназначена на тот случай, если будет две машины. Не хотелось бы второй!

Часов в девять-десять должен появиться мой "Хвостов" в своем лагере. Жена может дождаться, и, скорее всего, дождется. Теперь еще вопрос, тут, конечно, не слишком оживленная автострада, но как бы мне не промахнутся, и не взорвать другую машину. Срыва здесь не должно быть. Не может быть! Бой я не выдержу.

А это значит, что надо наблюдать за деревней. Загнал машину в кусты, потом прошел пешком и залег на небольшом холме. Чтобы не промокнуть, прихватил с собой брезент, что был в машине. Стал смотреть. Бинокль японский, выручай!

Дом, где содержали Андрея, просматривался лишь частично. Видел, как духи возились с машинами, меняя у них колеса. Подобраться ближе не было ни малейшей возможности.

Я включил сканер. Послушал, все тихо. Да и что толку, даже если и услышу чеченскую речь, понять не смогу. Выключил. Батареи еще могут понадобиться, хотя в сумке их много болтается, и для чего Андрей сказал их купить, да фотопленок целую кучу? Для того чтобы спрятать среди них свои хитрые штучки? Вызволю - спрошу.

Ничего интересного не происходило. Деревня жила своей жизнью. Крестьяне выгнали скот и возились по хозяйству, местные боевики шатались без дела. Кто-то чистил оружие. Во дворе, где был расположен сарай с Андреем, боевики по-прежнему возились с машинами. Два УАЗа. На одном из них и поедет жена и сын эмира. Это при условии, что поедут, а если не поедут? Ну, тогда извини, Андрей Иванович, я возвращаюсь в Россию. Может это и подло, но, тем не менее, у меня нет никакого желания быть мертвым, пусть даже из-за очень большой кучи денег.

Меня стало клонить ко сну. Нельзя! Орехи с изюмом очень хороший стимулятор, лежал и жевал, изредка прикладываясь к бутылке с водой. Воды мало, надо экономить! Время было 9.37,

когда с юга показалось две машины. Я внимательно смотрю. По тому, как засуетились духи на блок-посту, понял, что едет командир.

Головная машина притормозила на блоке. Со стороны пассажира открылась дверь. Кто-то из духов подбежал и стал что-то рассказывать, отчаянно жестикулируя. Понятно, объясняет "Хвостову" как мне удалось удрать на украденной машине.

Ладно, смотрим дальше. Машина проехала в сторону сельсовета. Что там мне не видно. Крыши домов и деревья закрывают обзор. Ждем. Включил сканер, настроил на частоту радиозакладок. Треск. Хочется верить, что они не раскусили этот трюк. Это будет Рабиновичу дорогого стоить.

Минут через пять машины появляются во дворе, из которого мне удалось сбежать. Боевики побросали колеса и начали оправдываться. Я видел, как они что-то показывают, один даже показывал, как мы прокалывали колеса их машин. Потом двое побежали в дом, привели Андрея. Лица толком не разглядеть, но он шел, слегка прихрамывая, куртки нет, рубаха порвана. Да, досталось...

Эмир, он же по совместительству агент ФСБ, что-то сказал, потом ударил Андрея кулаком в лицо, Рабинович упал. Мовсар, мать его, начал избивать Андрея ногами. Это продолжалось около минуты. Потом Рабиновича подняли. Стоит на ногах самостоятельно. Это уже радует.

Все это время я бесился от злости. Так хотелось убить эту тварь, возомнившую, что он вершитель судеб человеческих! Тварь, урод, чмо, пидор вонючий! Но нельзя отвлекаться! Нельзя! Смотрю. Андрея отвели обратно в дом.

Во двор вошла женщина. Они с Мовсаром о чем-то поговорили и пошли со двора. Это плохо. Я могу не увидеть тот дом, куда они ушли. Это оказался соседний дом. Более большой, более богатый. Понятно. Первый - для охраны, заложников, как гараж, второй - хозяйский. Два автомобиля, на которых приехал эмир, стояли в первом дворе.

Прошел еще час. Ничего нового и интересного не происходило. От земли, через начавший промокать брезент, тянуло холодом, очень хотелось в туалет. Нельзя! Стоит отвлечься, и по закону подлости именно в этот момент произойдет то, чего так я жду. Проверено уже, и неоднократно!

Еще минут через пятнадцать появилась женщина в сопровождении мальчика лет восьми-десяти, сзади шел боевик. Ну же! Началось?! Началось или нет? Напряжение достигло высшей точки, при этом очень хотелось в туалет, казалось, что мочевой пузырь разорвется. Ну же!!!

Они вошли во двор нужного дома. Сели в автомобиль, на котором приехал Хозяин. Боевик за руль. Мальчик сел на переднее сиденье, женщина - на заднее. Машина тронулась. Ну, все! С Богом!

Я отполз и побежал к своей машине. Черт! Больше не могу! Я с большим облегчением опорожнился. Попутно вспоминал, как вооружен водитель. Автомат с подствольником, подсумок с магазинами к автомату, подгранатная сумка, сумка с гранатами к подствольнику, ПэМовская кобура, нож устрашающих размеров в ножнах. Упакован юноша - будь здоров! И он со всем этим арсеналом попрется в Россию? Совсем черти охренели! Или думают, что раз деревня их, то можно и творить все, что захотят? М-да! Если выберусь, то такую "телегу" накатаю! Стоп, Леха, стоп! А тебе не все равно? Нет! Ты теперь уже никто и звать тебя "Никак". Твой номер шестнадцатый. Поэтому заткнись и думай лишь о деле. Вперед! Тебе до места надо добраться быстрее духовской жены и выкормыша.

"Нива" ходчей бегает, чем УАЗ. Фора по времени есть, плюс фактор внезапности. Ходу, Леша, ходу!

С ходу загоняю машину на примеченную ранее низинку. Не видно с поворота, и то ладно. Теперь в засаду. Лежу на пузе, жду. Курю. Ладони потеют, вытираю о брюки. Послышался шум двигателя, привел в боевую готовность управление радиовзрывателей. Очень хочется верить, что все сработает именно так, как я хочу. Потому как работал я с ними лишь на учебных занятиях. Ну, Господи, помоги!

Ближе, ближе шум мотора. Я осторожно поднимаю голову. Тот "козел", тот! Теперь, главное не прозевать и раньше времени не рвануть! Помнить, что водилу надо кончать - он самый опасный! Еще ближе, еще! Вот так, ну, еще!

Я давно уже поднял защитный кожух на выключателе, но все равно еще раз бросаю на него взгляд. Кожух поднят, лампочка готовности горит. Метр, еще, и еще! Пора! Перевожу переключатель вверх. Одновременно раздается два взрыва. Бля! Вторая мина тоже рванула. Ну, теперь молись, Леха, чтобы пассажиры живы были! Духи в Грозном одной такой миной генерала Романова чуть на тот свет не отправили, он сейчас живет в своем мире.

Только прогремели взрывы, я рванул с места. Фу, а дыма-то сколько! Первая мина оторвала передний мост у машины к чертовой матери. Вторая же мина сработала вхолостую, зад машины целый, осколки ушли в сторону. Ну и слава богу!

Рву дверку со стороны водителя. Он почти вываливается, но уже хватается за автомат. Погоди, родной! Бью в висок стволом

автомата, он валится на бок. Хватаю за ворот и вытаскиваю наружу. Этот мне не нужен, даже если и сдохнет - не велика потеря! В салоне меньше дыма, чем снаружи, но тоже хватает, вот пацан, смотрит на меня. У, ешь твою мать! Пацаненок вытаскивает пистолет ПСМ. Маленькая такая финтифлюшка, генералам стали недавно выдавать, по размерам как дамский. На ладони спокойно умещается, наверное, чтобы застрелиться, врагам в плен не попасть. Но с такого близкого расстояния даже этот сопляк сумеет во мне дырок наковырять. Опять же автоматом тычу ему в лицо, он инстинктивно закрывает лицо руками, второй рукой выдергиваю пистолет.

Обегаю машину, открываю дверцу пассажира, выдергиваю пацана, потом дергаю заднюю дверь. Мамаша, видимо, была без сознания, сейчас очухалась, увидела нас (сынок, кстати, извивался ужом, и все норовил меня ударить в пах и по ноге), закатила глаза и вознамерилась вновь грохнутся в обморок. А мне этого не надо, ни в коем случае.

Тут на сиденье водителя запищала радиостанция. А потом разорвалась чеченской речью. Можно и не сомневаться, что в деревне слышали двойной взрыв, поэтому и забеспокоились. Надо уходить. Может, кого-нибудь из этой семейки убить? Нет, не стоит, еще рано!

- Выходи, только не ори! - я наставил автомат на эмиршу.

Она медленно выходит, поднимает руки над головой, очень даже хорошо! Пока она вылезает из машины, хватаю радиостанцию, выключаю ее. Волна зафиксирована, это хорошо. Водила валяется на земле. Ну, да ладно, зато хлопот не доставляет.

Наконец-то женщина, путаясь в длинных черных одеждах, ступает на землю. Ремень автомата одеваю на шею. Бегом марш, сукины дети!

Женщину хватаю за шею, толкаю впереди себя, пацана держу подмышкой, он поначалу сопротивляется и что-то орет, автомат раскачивается в такт бегу и периодически бьет его по голове. Ничего, ничего, голова, сынок, тебе больше не понадобится. Ты же боевиком будешь, как твой папка, а воинам Аллаха башка нужна только для того, чтобы папаху носить! Снимают шкуру с одного барана и одевают на другого! Фас, вперед!

Вот и моя машина, с ходу швыряю пацана ближе к турели, потом поднимаю женщину и кидаю рядом. Сам туда же. С ремня рву украшение - змею. Длинный, тонкий и очень прочный трос. Отлично! Усаживаю их спинами друг к другу, будет вам чем заняться, будете сосредоточенно, срывая ногти, пытаться освободится. Но у вас фиг что получится! Я умею вязать

самозатягивающиеся узлы. Чем сильнее будете дергаться, тем сильнее трос будет врезаться в нежную детскую и женскую кожу. Всяческих вам неуспехов! Как говорится: "Флаг вам в руки и электричку навстречу!". Плюс ко всему трос пропустил под основанием турели, а она крепко привинчена!

Так, а теперь, пока пленники развлекаются, надо уходить! Я погнал машину на восток. Через полчаса загнал ее в кусты. В любой машине полно всяких тряпок, из них я сделал хорошие кляпы, поглубже загнал во рты, поверху повязки. Ни языком вытолкнуть, ни о плечо вырвать. Это я тоже умею делать! Эх, были времена, были!

А теперь пешочком. С соблюдением всех мер предосторожности в сторону недавней засады. Полчаса ехал, почти час пешком добирался. О, народ суетится! Надо осторожным быть! Чуть в горочку, залег в кустах, они без собак, откуда у них в деревне обученным служебным собакам взяться. Нет, и слава богу!

Водила что-то объясняет. Оба-на! А правое предплечье-то у него перевязано, рука на перевязи. Это что-то новенькое. Значит, мужик испугался командирского гнева, и сам в себя выстрелил? Осколком его задеть не могло. Я бы заметил и пару раз пнул бы по ране обязательно. Это факт! Башка у него тоже забинтована. Ну, это моя работа, признаю!

Так, и что же они там решают? Водила, видимо уже в десятый раз объясняет командиру, как все было. Вот так они ехали, вдруг ба-бах! Ага, именно так он и показывает. Показывает, что его взрывом вырубило, на уши показывает. Точно, мне тоже ушки заложило. Все как в том анекдоте. Пятачок и Винни Пух нашли ружье, крутили его, крутили, потом Винни стреляет в Пятачка. Дым рассеивается. Пятачок на земле дергается в агонии, а Пух говорит, держась за голову: "Тебе смешно, свинья, а мне ушки заложило!" Вот так и здесь, ему ушки заложило, и он упал почти замертво, потом открылась дверца. Удар в висок и бах - выстрел в руку. Врешь, братец, не так все это было! Ну да Аллах тебе судья!

Вот командир повернулся лицом. Ну, что. Здравствуй Мовсар! Ты нисколько не изменился, только осанка стала более гордая. Ничего, мы эту спесь с тебя собьем! С дороги мою машину не было видно, и, похоже, шофер на самом деле был без сознания, не видел, куда я увел родственников главаря банды. Водитель часто показывал в сторону России. Ну что же, тем лучше! Через пятнадцать минут появилась машина со стороны российско-чеченской границы. Пять человек, которые вышли из нее, разводили руками и отрицательно покачивали головами, мол, не нашли. Сейчас главарь начнет психовать.

И точно, Мовсар начал орать, размахивать автоматом. Это хорошо. Значит он прогнозируемый, а следовательно - управляемый. Люблю управляемых людей. Сейчас он снова пошлет машину, а когда она вернется ни с чем, то поедет бить, а может, и убивать Андрея Ивановича.

Ну, что же, все идет, как я задумал и просчитал. Главное, чтобы и дальше так шло!

Действительно машина уехала, в это время командир расхаживал и думал, он пинал опавшую листву и думал, думал, думал. Выстраивал логические цепи, искал причинно-следственные связи. Потом подозвал снова водителя и еще одного боевика, его-то я раньше видел. И что-то сказал водителю. Водитель начал описывать меня. Рост вот такой - показывает. Волосы, стрижку на себе показывает длину волос. Врешь! У меня они короче! Второй боевик слушает, уточняет что-то. Потом второй показывает шрам на лбу. Тот кивает. Все сошлось. Это второй заложник-журналист, который не убежал как подлый гяур в Россию, а захватил ближайших родственников командира в плен!

По внешнему виду Мовсара можно предположить, что он готов растерзать своих подчиненных, но больше всего он хочет добраться до меня и разорвать. Ну, я как можно дольше отсрочу нашу "теплую" встречу. Мне это пока не нужно.

Вот снова появилась машина. Снова пусто. Ничего. Все по машинам. Три машины уезжают, четвертая, зацепив подорванный УАЗ, медленно едет в сторону деревни вслед за остальными. А вот теперь и мой выход!

Бегом назад, бегу так, что задыхаюсь. Духи не оставили никого на месте происшествия. Это хорошо, что они такие бестолочи. Любой мало-мальски соображающий военный оставил бы там секрет или засаду.

Периодически посматриваю на часы. Вот и моя машина. Сейчас Андрея начинают бить. Так что времени терять не будем! Мои пленники на месте. Вид у них измочаленный, но живые и ладно! У пацана мокрые штаны. Для кавказского мужчины это позор! Ничего, ничего, пацан! Если твой батя будет вести себя примерно, то ты будешь писать как надо.

Уф! Отдышаться немного. Включаю радиостанцию, что забрал вУАЗе. Тишина, только треск атмосферных помех.

- Мовсар, Мовсар Толбоев! На связь! - начинаю вызывать я.

Молчание.

Хреново, очень хреново! По моим подсчетам Андрея должны убить минут через двадцать, максимум через час.

Снова вызываю предводителя местных бандитов. Наконец

станция взрывается голосом. Слава тебе, Господи!

- Я - Толбоев! Кто говорит?! - знакомый голос.

- Отойди в сторону подальше от своих приспешников. Нет, дальше отойди. Вот так! И дай команду, чтобы не мучили больше пленного, воды ему дали и переодеться, - я говорил уверенно, как будто видел, что они делают с Рабиновичем.

Конечно, Андрей мог быть уже убит, но надо попробовать.

- Кто ты? Скажи кто, чтобы я знал, кого убью! - Толбоев неистовствовал.

Я уже успокоился после бега, закурил. Дал послушать пленным речь своего родственника. У них в глазах появилась надежда на освобождение и блеск ненависти ко мне.

- Мужик, будешь орать, у меня батареи кончатся. А мы так и не успеем обсудить дело.

И снова взрыв красноречия. Ну, ничего, пусть выпустит "пар". Потом будет более покладистым.

- Ты все? Мне можно продолжать?

- Кто ты? - настаивал Толбоев.

- Кто, кто! Заладил одно и то же! Конь в пальто! Мы с тобой давно знакомы. Отойди от подчиненных и дай команду немедленно, чтобы все выключили радиостанции, да так, чтобы и я понял. Я - Салтымаков. Доволен?

И тут же услышал команду на русском и чеченских языках выключить радиостанции.

- Ты? Ты здесь? - в голосе слышалось, изумление, ужас, ненависть, все сразу.

5.

- Здесь, здесь. Привет тебе от Евгения.

- Какого Евгения? - пауза.

- Дзюбы.

- Он тоже здесь? - страх и ненависть в голосе Мовсара.

Не забыл, видать, пальчик.

- Какая разница, здесь он или нет. У тебя есть то, что нужно мне, а у меня есть то, что нужно тебе. Меняемся?

- Ты мне сам все отдашь, и придешь ко мне. Тогда я тебя и твоего пархатого друга оставлю в живых.

- Послушай!

Я срываю повязку и вытаскиваю кляп изо рта жены эмира.

- Говори по-русски, сука! - стреляю у нее над ухом из автомата. - Ну!

- Мовсар! А-а-а-а! Он нас поймал! Мовсар, помоги! - кричит женщина.

- Все хватит! Кляп на место. Она мычит и плачет.

- Слушай, Хвостов, - напоминаю ему на всякий случай

оперативный псевдоним, если он забыл, - ты меня знаешь. Я слов на ветер не бросаю. Первой убью твою жену. Убивать буду медленно, сначала, правда, я поиграю с ней в одну интересную игру. Она называется "У моей подружки есть одна маленькая штучка". Когда найдешь ее разобранный труп, то поймешь. Правила не тебе объяснять. Ну, потом, прости, доберусь и до твоего поскребыша. Пацан, в отличие от твоего водилы, пытался оказать сопротивление. Отдаю ему должное. Настоящая скотина растет, весь в батю. Ну, так что ты скажешь?

- А ты не боишься, что мы тебя сейчас пеленгуем?

- Нет, Хвостов, не боюсь. Чтобы сейчас запеленговать меня необходимо иметь соответствующие мозги и образование. Ни у тебя, ни у твоих будущих сокамерников нет ни первого, ни второго. Так как? Мне начать с твоей жены? Я уже долго с женщинами не спал. Кстати, она у тебя не больная? Мне предохраняться? Ей-то все равно, а мне еще долго жить. С чеченками ни разу не спал, все они какие-то вонючие и страшные. Жена у тебя не исключение, но надо попробовать, так сказать, для коллекции. Потом, за кружкой пива, с Дзюбой, будем вспоминать какая у тебя вкусная жена (пусть думает, что Женя рядом). Чеченов пробовали. А вот их женщин нет, - я подмигнул женщине.

Та, насколько позволял трос, шарахнулась от меня в сторону.

- Я тебя порву, разрежу на мелкие кусочки! - снова взорвался Мовсар.

Я отложил радиостанцию, попил воды, снова закурил. Толбоев все продолжал бесноваться. Дикая тварь, да и только!

- Мы всех русских убьем! Только тронь мою жену! - продолжал визжать Мовсар.

- Есть хороший анекдот, кстати, Дзюба мне его рассказал: "В Чечне, в период войны, открылась школа. Там учатся и чеченские дети, и дети русских офицеров. Тема урока - повторение темы "Российский флаг". Учительница: "Скажи, Ислам, что означает красная полоса?" Ислам: "Красная полоса означает, что мы всех русских убьем и затопим их красной кровью всю Россию". Учительница: "Малика, а что означает синяя полоса?" Малика: "Синяя полоса означает, что мы всех русских утопим в синих реках России!" Учительница: "Вовочка, скажи, а что означает белая полоса? Только без пошлостей!" Вовочка посмотрел за окно, где маршировали военные, потом вынул козявку из носа. Послал ее в сторону Ислама и говорит: "Марья Ивановна, я пошлить не буду! Белая полоса означает, что замучаетесь, духи гребанные, снег на Колыме убирать!" Хороший анекдот? Так вот, душара. Ты особо-то не дергайся, а то я же помню, как ты у меня от страха

усерался. И если бы не я, то порезали бы тебя на ремни разведчики. Ну, а также не забудь, кто на тропу навел... Напомнить, как все было? Полагаю, что все это небезынтересно будет послушать твоим подчиненным. У тебя очень колоритный заместитель, он с радостью займет твою должность. Давно о ней мечтает, на харе написано. Молись, сука, чтобы нас никто не подслушивал, - я выдержал паузу. - Будем о деле говорить или лясы точить? Я же сказал: или я ухожу с моим товарищем, и ты получаешь свою семью целой, или ухожу без него, но ты получаешь отдельные части тел своих родных. Остальные я съедаю, голодный я. Идет?

- Говори, - после долгой паузы сказал "Хвостов".

Я обрисовал ему план обмена. Через два часа они выводят Андрея за блок-пост. Он должен идти один. Как только я вижу, что все в порядке, то отпускаю мать, она скажет, где сын. В случае неправильных действий со стороны боевиков, я убиваю сына. Мужика за мужика, с бабьем я не воюю.

Скрипя зубами предводитель местной швали согласился.

Я вытащил мальчишку из машины, мать смотрела на меня встревоженными глазами, что-то мычала, пытаясь сбросить повязку со рта. Билась, что-то пыталась показать мне или сыну.

Меня же истерика мамаши меньше всего интересовала. Я не садист, но если пойдет не так, как я запланировал, то убью их обоих. Станет одной машиной по производству боевиков и одним будущим боевиком меньше. Может кто-нибудь меня и осудит, да и хрен с ним! Это значит, что он жизни не видел.

Пацан притих. Штаны у мальчишки были еще мокрые. Позор, позор! Ну, ничего, если выживешь, то поймешь, что это не самое страшное в этой жизни. Крепко привязал к дереву. За кустами его не видно, если очень не постараться, то и не найдешь.

Поехал на машине в сторону деревни. Вот и холм, на котором я лежал, наблюдая за деревней. Брезент на месте.

Автомат поближе. Бинокль к глазам. В деревне видно оживление. Народ ходит из двора во двор, что-то делают с машинами.

Андрея вывели во двор, он закрывает связанными руками глаза. В подвале держали.

Вот и вождь апачей. Он о чем-то беседует с Рабиновичем. Вернее не беседует, а бегает вокруг, размахивая руками. Андрей стоит как истукан. Потом Андрей протягивает связанные руки, ему разрезают веревки, куда-то уводят.

"Хвостов" остается во дворе, что-то опять кричит, и грозит кулаком в мою сторону. Взбешен мужик ни на шутку. Ну и ладно, пока я правлю балом. Посмотрел на часы, с момента беседы

прошел час пятнадцать.

Из деревни вырывается УАЗ и мчится в мою сторону. Тент на нем снят, в него набились шесть человек. А это мне очень даже не нравится. Хватаю радиостанцию. Вызываю "предводителя", тот откликается.

- Что тебе? - голос недовольный.

- Значит так, если машина немедленно не повернет назад, я убиваю твою жену, потом сына. У тебя минута, время пошло!

- Какая машина? - тянет время.

- Пятьдесят секунд, - взгляд на часы.

Сам в это время смотрю в бинокль на машину. Во время всего нашего разговора "старший" УАЗа внимательно слушал радиостанцию. Вот прозвучала команда на чеченском языке. Старший машины дал команду. Водитель ударил по тормозам, развернул автомобиль и поехал, правда, с меньшей скоростью, назад в деревню.

Уф! Я рукавом отер пот со лба. Если бы духи отправили засаду сразу после моего разговора с Мовсаром, то - мама, не горюй!

Кто знает, может, это был отвлекающий маневр. Не знаю, не знаю. Эх, выпить бы сейчас! Смотрю дальше. Вроде тихо.

Спустя ровно два часа от отмерянного мной срока, появляется Рабинович. Идет, оглядывается. Здорово его отделали. Ну, да ладно, ему это не впервой! Живой, на своих ногах, что еще надо!

Станция взорвалась голосом вожака:

- Эй, Салтым, отдай мою семью! - злой голос, очень злой.

- Спокойно, мужик, спокойно, я выполню свою часть договора. Ты же знаешь, что слово я свое держу. Пусть пленник кавказский подойдет ко мне поближе, а там и разберемся. Жену твою отпущу, сын живой, ждет, когда папка его освободит, - я говорю спокойно, наблюдая в бинокль. - Кстати, оттащи своих шакалов от блока, не умеют прятаться, пусть топают по домам. Я не шучу, оттащи, погоня мне не нужна. Я заберу своего друга, и мы спокойно уйдем к себе домой. У вас своя свадьба, а у нас - своя. Давай, отзывай, время еще есть.

Снова радиостанция взорвалась скороговоркой на гортанном чеченском языке и группа пехоты численностью в двадцать стволов потащилась вглубь деревни.

Кое-кто оборачивался и показывал мне международный жест под названием "50%", кто-то средний палец - видиков насмотрелся, еще один умник отклячил задницу и похлопал по ней. Топайте, ребятишки, топайте, потом разберемся. Мне сейчас нужно Рабиновича обратно получить, мою путеводную звезду,

или нить Ариадны, как хочешь его обзови, но он мне нужен.

"Ну, давай, Андрей, быстрее шевели ногами! Понимаю, что тебе сложно, больно, но надо, Андрюшенька, надо! Через полчаса начнет темнеть, а здесь темнеет очень быстро, поэтому надо поторопиться, миленький, ну же! С наступлением темноты наши шансы упадут так низко, что канализация будет для нас так высоко, как горы Кавказа сейчас", шептал я, обращаясь к Рабиновичу.

Андрей, будто услышав меня, прибавил шаг, ну, все, пора спускаться, через пять минут он скроется за поворотом и не будет виден с блок-поста. Не думаю, что они на него навесили передатчик. Мозгов не хватит.

Я бегом спустился к машине. Освободил женщину. Свое слово держим, а может, быть, зря? Я внимательно смотрел ей в глаза. Было желание просто вытащить нож и тихо всадить ей в шею.

Если женщина вела себя как дикая кошка, пытаясь освободится от пут, то, посмотрев в мои глаза, притихла. Видно, что-то страшное увидала на моем лице. Ладно. Я же солдат, а не чудовище! Беги! Я закончил ее отвязывать, толкнул ее в сторону деревни.

- Иди. Мужу привет передай, помнишь, где сына оставили? Заберете его там.

Она стояла, растирая запястья рук, пошатывалась, ноги затекли.

- Иди, пока не передумал. Ты по-русски понимаешь? - я помахал рукой в сторону деревни.

- Спасибо, - выдавила она из себя и неровной, пошатывающей походкой пошла в деревню.

В это время показался Рабинович. Все как в фильме "Мертвый сезон", когда производили обмен шпионов, промелькнуло в голове.

- Андрей, быстрее! - крикнул я. - Сейчас гонки начнутся!

- Не могу быстрее, - ответил Рабинович-Коэн, скособочившись подбегая к машине, держась то за бок, то за руку.

Залез в машину. Я ударил по педали газа.

- Ходу, Андрюшенька. Ходу! - проорал я. Оборачиваюсь, погони не было. Пока не было.

- Спасибо, Леха, ну - спасибо! Я думал, что ты ушел, - бормотал Андрей, вцепившись поручень.

- Становится традицией спасать тебя. Если сейчас начнется погоня, то хватай автомат и лезь назад, будешь отбиваться, там и гранаты есть, правда мало, но уж что есть! - орал я, отчаянно крутя баранку, пытаясь поймать дорогу.

Меня колотила нервная дрожь.

- Откуда оружие, Алексей?

- Из закромов твоей необъятной Родины!

- А почему так мало?

- Бля! Я, что похож на трактор? Сколько мог, столько и унес, плюс две мины "МОНки" использовал, думаю, не обеднеет твоя ридна Израильщина?

- Не обеднеет! - Кивнул головой Андрей.

На каждой кочке он охал.

- Сильно досталось? - спросил я, постоянно крутя головой, высматривая, нет ли погони.

- Сначала сильно, а потом, когда ты захватил в плен семью, вообще бить перестали. А это ты здорово придумал! Они живые?

- Живые. Бабу сам видел, а шакаленок привязанный, обоссаный в лесу сидит. Впредь наука.

- Он у него один сын, остальные дочери, поэтому так трясется над ним.

- Ну и пусть дальше трясется, я ему мешать не буду. Ходу, Андрей, ходу! Эх, мама, не горюй! Нам еще минуты три форы, а там они нас не найдут!

- Куда едем? - Андрей крутил головой, пытаясь сориентироваться на местности.

- Как куда? К тебе в тайник. Еще раз его попотрошим. Надеюсь, ты не против?

- Да за ради бога! - с одесским акцентом ответил он.

Если чувство юмора возвращается, значит не все так хреново в этой жизни! Прорвемся, Андрей, обязательно прорвемся!

Вот и подъем, где я устроил засаду. Через несколько минут показалась и боковая дорога, сворачиваю туда, так, теперь не забыть, что здесь недалече растяжечка установлена.

- Не забыл про сюрприз дорожный? - спрашивает Андрей.

- Не забыл, - сквозь зубы бормочу я.

Ага, вот и ориентир. Загоняю машину в лес, в гору, ломаю кусты, острые обломки ветвей царапают краску на машине. Не мое - не жалко! Все, дальше машина не пойдет. Деревья. Выходим, подбираем обломанные ветки и маскируем машину. Смотрю на часы. Минут через десять начнет темнеть, хрен духи полезут в лес по темноте. Слышно, как внизу проревел двигатель машины, это они за сыном поехали, хорошо ездят! Было бы у меня время, пару мин установил бы. И еще одна машина на высокой скорости промчалась в сторону границы. Ну и ладно!

- Ну что, горемыка, надо идти в схрон. Прямо и не знаю, если бы его не было, или если бы ты мне его не показал, что бы мы делали!

- А ничего, Леха, каюк бы нам пришел! - Андрей при каждом

шаге охал и хватался за бок.

- Ребра целые? Может, тебе что-нибудь отбили?

- Да нет, вроде не похоже.

- Давай, пока полностью не стемнело, залезем в логово.

Минут через тридцать дошли до тайника. А ведь действительно, не было бы этого тайника, то ничего бы у меня и не получилось. Подождал бы, когда убьют Андрея, и потопал бы обратно. А теперь? А теперь у меня есть шанс стать миллионером!

Мы заползли в свою нору. Есть продукты, оружие, и еще много чего. Надо отлежаться несколько дней, привести в норму состояние Андрея.

Мы лежали три дня, Андрей быстро приходил в себя. Он рассказал, что с ним было. Когда он пытался закрепить растяжку у дверей дома, то задел пустое жестяное ведро, которое с грохотом упало, часовой, прятавшийся на веранде от ветра, быстро выскочил и схватил Рабиновича. Потом все по накатанному, хорошо отработанному сценарию. Бьют, ломают психологически. Не получится, то могут и сломать физически. Эти могут все.

Мы договорились, что возвращаться в Россию не надо. Хотя мы и так на территории России, только ее часть на некоторое время захватили бандиты, но это пройдет. Триста лет татаро-монгольское иго было, и то кончилось, а тут это бандитское быдло... Ничего, как-нибудь справимся с этими уродами!

Будем выходить не короткой дорогой, а длинной. Пойдем не на запад, а на восток, а там уже на юг. Из того, что мы узнали, не думаю, что "Хвостов" будет трубить на всю Чечню, что он упустил двух журналистов. А если еще сболтнет о том, что один из пленников был в годы войны контрразведчиком, то ему головы не сносить. Могут и в измене заподозрить. А ему это надо? Ух, начал использовать еврейские обороты.

На четвертый день мы выползли из уже порядком опостылевшего тайника. Поначалу нам нравилась тушенка, но сейчас она уже стояла поперек горла. И выход "на волю" был встречен с облегчением.

Если нас не нашли за это время, то вряд ли поиски будут продолжены. Еще раз хвала Богу, что чечены не обзавелись служебными собаками. Мы, как могли, замаскировали лаз, Рабинович установил старый сюрприз по старой схеме. Надеюсь, что его Отчизна не станет удерживать с его получки то, что мы сожрали и унесли с собой.

Пока отлеживали бока на жестких ящиках с вооружением, то пришли к выводу, что притворяться безвредными журналистами - себе дороже. Будем боевиками. Сейчас по Чечне много всякого

отребья шарахается. Рабинович знает чеченский, если меньше будет в профиль свой шнобель показывать, и говорить с небольшим арабским акцентом, сойдет за бандюка. Я же просто моральный урод, который воюет на стороне боевиков. Разве нормальный человек будет воевать за духов? Нет! Либо преступник, либо подонок.

Машина стояла на месте. Два первых дня лил дождь, ноги скользили, разъезжались на мокрой траве и глине, Андрюха пару раз с матами упал на землю. Мы несколько раз возвращались к "базе", таская в машину оружие, боеприпасы, провизию. Много не брали, конечно, не Брестскую крепость оборонять. Переоделись в новенький камуфляж. Ботинки я оставил старые, Рабинович тоже. Новые ботинки неудобные, пока разносишь, можно и мозоли себе набить. Кстати, Рабинович, так и не рассказал толком, где расположен склад с деньгами. Дурачок, думает, что я его брошу и убью, если узнаю, как пройти к деньгам. А кто мне мешает его убрать потом, после того, как деньги будут моими? Или он хочет меня грохнуть, когда поделим добычу?

Ну нет, не хочу я Андрея убивать. Если не врет, то денег там хватит "до" и больше!

Мы, как и планировали, двинулись на Запад.

Наше путешествие продолжалось неделю. Часто останавливали на блок-постах, но чеченский язык Рабиновича вперемешку с арабским выручал нас. Я лишь свирепо таращил глаза, плевал себе под ноги. Даже если бы я заорал во все горло "Аллах акбар!", то мой акцент выдал бы нас с головой. Пока все шло неплохо. Нам везло. Мы встретили только четыре охраняемых блок-поста. Много "блоков", что попадались на пути, были заброшены. Зато по дорогам сновали автомобили, как по одиночке, так и целыми колоннами. По возможности, мы старались держаться проселочных дорог. Риск был велик, но нарываться на неприятности с группой вооруженных людей, на оккупированной территории, нам не хотелось. С Запада двинулись на юг.

Вот тут надо было быть осторожными. Не все здесь "зачистили" федеральные войска во время военной кампании. Местность пошла холмистая, перерастающая в гористую. Дальше шли настоящие горы. У нас не было ни горной подготовки, ни соответствующего снаряжения, и я поинтересовался у Андрея:

- Мы, что в горы полезем?

- В горы лезть не придется, но машину оставим. Там она пройдет, но опасно больно, охрана спать не будет.

Проехав еще несколько километров, остановились. Потом около трех километров прошли по пересеченной местности.

Залегли на вершине холма. Кусты перед нами мешают обзору.

- Где? - меня бьет дрожь. - Где мои деньги? Золото, бриллианты, мое счастливое будущее и безбедная старость?

- Вон! Смотри прямо, чуть левее кривой елки.

- Где?! Не вижу! - я отчаянно крутил настройки бинокля, но ничего не видел.

- Смотри! - Андрей упер автомат, "прицелился" и уступил мне место.

- Вижу вооруженного духа с автоматом! - я увидел сквозь прорезь прицела курящего боевика, сидящего на валуне.

Действительно, все было замаскировано по высшему уровню. Потом мы еще два дня изучали обстановку на объекте. Сами меняли место дислокации, прикидывая, как лучше подобраться.

Если не знать, что здесь находится какой-то укрепленный объект, то определить это было невозможно. Лишь беспечность часовых выдавала, что здесь есть что-то охраняемое.

По нашим подсчетам, часовых было всего восемь человек, плюс один командир. В смене по два человека. Но чеченцы такие же часовые, как и во всем мире, они ленивы, хитры, любят поспать. На ночь заступало два человека, один из них около двенадцати часов ложился спать, ночь они делили пополам. Менялись около четырех часов. Проверяющий - командир, проверял несение службы около двадцати двух часов. Никто не приезжал, ни уезжал. Днем готовили пищу. В хорошую погоду - рядом с караульным помещением, в дождь, туман - в помещении.

Труба от печи была проложена под землей и выходила на поверхность где-то в тридцати метрах от самого помещения. Конечно, тяга была слабая, но и дыма выходило немного, демаскировка минимальная.

Днем народ развлекал себя как мог. Кто метал ножи в сосну, кто что-то выстругивал. Иногда они устраивали танцы. Становились в круг и хлопали в ладоши, по очереди заходили в круг и лихо отплясывали свой воинственный танец.

Мы решили, что проникать внутрь можно только ночью, в период с двух до четырех часов, либо когда они вот так пляшут. Часовые тоже подходили и хлопали в ладоши, не вступая в круг. Кто-то из боевиков соорудил лук и стрелы, и они устраивали соревнования на меткость, но на Вильгельма Телля и Робина Гуда никто тянул. Зато они очень активно охотились на всевозможных птиц и пичуг. Защитники природы могут спать спокойно, боевики никудышные стрелки из лука. Зато нам удалось увидеть зачехленный и замаскированный миномет, он смотрел в сторону подъездной дороги.

Тренировок командир боевиков им не устраивал, собак они

не держали. Все это было хорошо, но мы потратили еще сутки, пока обнаружили вход в вентиляционную систему. Труба, замаскированная молодым ельником скрывалась за россыпью камней.

Мы бы могли еще просидеть там две недели и ничего не увидеть. Помогла лисица. Она выбежала из ниоткуда. Потом, уже внимательно присматриваясь к местности, мы заметили этот лаз. Была у нее там нора или просто она бегала в поисках добычи - неизвестно, но мы ее больше не видели. Не думаю, что боевики сами знали о существовании этого темного отверстия. Оно находилось в пятидесяти метрах от них.

Часовые охраняли лишь главный вход. Но не было полной уверенности, что сама вентиляция не заминирована. Хотя, с другой стороны, если лиса там ходила и вышла живой, есть шанс. Опять много "если", слишком много, за последнее время очень много было у меня этого "если".

Также мы изучали места возможных "сюрпризов". Где могли быть установлены минные поля и гранаты на растяжках. Не нашли ничего, но это не значит, что их не было.

В ближайшую ночь решили попробовать проползти. Нам предстояло спуститься со своего холма, пройти низину, потом метров двести-триста в гору. Стоило духам нас заметить, и от нас мокрого места не осталось бы. Тот, кто выбирал, где соорудить этот объект, был грамотным инженером, кол осиновый ему в сердце! Днем мы наметили путь, по которому надо было пройти, а также ориентиры, чтобы в темноте не сбиться с пути. Перекрестился, сплюнул три раза через левое плечо. Эх, мама, не горюй! Вперед!

6.

Луны, звезд нет, идет мелкий, противный дождь. Самая погода! Часовые забились по норам, расщелинам. Один в двенадцать пошел спать, второй облегчился, покурил и забился между двух раскидистый елей, там у них была установлена скамейка. Очень удобно от дождя прятаться, и нам тоже удобно, нас не видно. Ползем медленно, ощупывая почву перед собой. Можно нарваться и на обычную сигнальную мину, и тогда все вокруг взорвется десятком осветительных ракет и разбойничьим свистом. Красиво в мирной жизни, фейерверк, мать его, а здесь - гибель. Ползем аккуратно, но по возможности ускоряемся.

Андрей отказался оставить в машине фотоаппарат и пленки к нему, а также батареи питания. Все взял с собой. Часть отдал мне. На хрен они ему сдались?!

Вот и склон трава мокрая, скользкая, холодная. Одежда давно уж промокла насквозь. Ползем, по спине струится пот, сверху

дождик охлаждает организм. Пить хочется, отстегиваю флягу, делаю глоток. Вперед. С размаха ударяюсь правым плечом о дерево. Бля! Больно! Тру плечо. Кажется, что от удара о дерево грохот был сильный. Затаились, прислушиваемся. Тихо. Птицы в дождь тоже молчат. А может, их стрелки из лука распугали? Тихо. Вперед!

Руками щупаю впереди себя. Горячая волна обдает меня. О, J! Проволока. Руки замерли. Растяжка, не растяжка? Аккуратно, чуть касаясь металла, обшариваю проволоку. Кусок колючей проволоки. Все может быть, могли и "колючке" привязать гранату и мину. От этих гадов всего можно ждать. Приподнимаюсь и переползаю над этой ощетинившейся колючками смертоносным металлом. Оборачиваюсь. Андрей делает то же самое. Не дурак, понимает, что нужно повторять действия ведущего до мелочей. Через час доползаем до примеченного нами ельничка. Прислушиваемся. Из трубы несет теплом. И шумит воздух. Значит вытяжная вентиляция. А какая хрен разница, приточная или вытяжная? Для нас абсолютно никакой.

Подползаю поближе, свечу фонариком в трубу. Ребристые металлические трубы состыкованы в единое целое. Диаметр - метр. Луч фонаря теряется, растворяется в темноте. Андрей подполз, смотрим внимательно, оглядываем стенки трубы. Не видно ни растяжек, ни мин, ни шипов из стен, все покрыто толстым слоем пыли. Пыль не потревожена. Значит, будем ее тревожить! Вперед! На этот раз первым ползет более худой и гибкий Рабинович.

Тридцать метров вперед по прямой, заметен лишь небольшой уклон, потом уклон становится все круче и круче. Ребра жесткости трубы больно впиваются в тело, локти, колени постоянно ударяются о эти выпуклости. Голову не поднять, шея затекла, вперед!

Меня охватывает жажда денег. Но впереди вижу только грязные, облепленные кусками земли подошвы ботинок Рабиновича. Иногда крупные куски грязи отваливаются, и я ползу по ним, иногда мелки куски земли отлетают мне в лицо. Неприятно, но ерунда, главное - впереди! Деньги! Деньги! В горле сохнет! Миллион! Два! Все мое! Деньги! Весь мир мой!

Вот уклон достигает угла около сорока пяти градусов, а потом становится вообще почти отвесным. Если бы не эти ребра на трубе, то просто покатились бы вниз колобками. Автомат, что за спиной, летит вперед и бьет по затылку. Черт! Если там большая высота, то лететь вниз башкой приятного мало, развернуться ногами вперед тоже не получается, или маленькая труба или я такой большой!

Вдруг луч фонаря Андрея, который секунду назад метался и отражался от стен, погас.

- Фонарь разбил? - шепотом спрашиваю я. - Возьми мой!

- Нет. Пришли! Теперь спуститься надо!

- Высоко?

- Около трех метров. Шею сломать можно.

- Ну, пробуй, я следом. Только тихо. Вниз свети. Мин нет?

- Вроде не видно.

- Ну, с Богом! На спину падай, успеешь перевернуться. А потом перекатывайся.

- Не учи ученого... - ворчит в ответ Рабинович-Коэн.

Через несколько секунд слышится грохот падающего тела, чуть позже лязг автомата о бетон.

Ползу вперед, вот и конец трубы. Мой фонарь освещает Андрюху, он уже на ногах, потирает спину и зад. Я осматриваю помещение. Небольшое, квадратов двадцать. В нем ничего нет.

- Прыгай, я тебя поймаю. - шепчет Андрей.

- Отойди лучше, а то зашибу. Автомат прими! - кидаю автомат.

Поймал. Ну, Господи, помоги! Висеть вниз головой неудобно, кровь приливает к голове. Отпускаю руки, вылетаю из трубы, в воздухе пытаюсь перевернуться на спину. Прикрываю руками голову. Упал на бок, перекатился, гася скорость и энергию падения. Тру бок, ребра целые, но больно же как!

- Пошли! - шепчет Андрей, помогая подняться.

Из комнаты один выход. Дверь взорвана. Рядом валяются куски троса и какие-то грузы. Система противовесов. Не сумели духи открыть дверь, взорвали. Переходим в другую комнату. Здесь установлены сваренные двухъярусные нары с матрацами, застеленными рыжими солдатскими одеялами. Некоторые сброшены на пол, некоторые отсутствуют: всего на двадцать человек. Два металлических, покрашенных зеленой краской стола, пять металлических стульев. Все сделано на века. Кто здесь жил? Или никто?

Дальше. Что дальше? Оружейная комната. Пустые, разломанные, расстрелянные пирамиды для оружия, стол для чистки оружия, плакаты, как чистить и разбирать-собирать автомат. Потом мы прошли много пустых или заваленных каким-то хламом комнат. Они были разные, и большие и маленькие. В каждой комнате, за каждой взорванной дверью я ждал мешки, коробки, ящики с деньгами. Пока все пусто.

И вот мы попали в большое помещение. Оно было уставлено стеллажами с ящиками, коробками, некоторые были с выдвижными ящиками.

ОНО!!! МОi!!! Я бросился к ближайшему ящику, выдвинул его. Какие-то бумаги! Может, счета и инструкции, как снять с них деньги в швейцарском банке? Нет, какая-то стенограмма. Задвигаю ящик назад, бросаюсь к коробкам, рву крышку. Бумаги, протоколы, приказы, переписка. Не то. Еще коробка, такая же чушь. Еще. Бумаги, бумаги. Во всех коробках бумаги. Хлам! Убью на хрен этого еврея!!! Где он?

Вот он! Стоит и наблюдает за мной, подсвечивая фонарем. Луч его фонаря слепит меня. Сука!

Подбегаю, хватаю его за ворот, бью головой о ближайший стеллаж. Обоими руками сжимаю ворот куртки, иду на удушающий прием.

- Где бабки, сука? - яростно шепчу ему в лицо. - Где деньги?! Валюта, золото, клише, номера счетов и коды доступа? Где? Тварь, я тебя убью! Говори!

- Их здесь нет, Леха! Нет! Отпусти! - хрипит Андрей.

- Где? - я отпускаю ворот.

- Не было их здесь никогда, - он потирает горло и крутит головой.

- А зачем я сюда пришел? - злость клокочет в горле.

- Здесь личный архив Дудаева.

- Чего? Не понял, повтори.

- Здесь личный архив Дудаева, он стоит гораздо больше его состояния.

- А на хрена он мне нужен?

- Он мне нужен. Сейчас я найду каталог, и буду снимать те документы, которые мне нужны. Связь и переписку Дудаева с арабскими государствами, США, Англией, Францией, Афганистаном, террористическими государствами. Вот для этого мне был нужен фотоаппарат и много пленок.

- Нагребал? Гад! - я бросился на Андрея, выставив руки вперед. - Убью!

Андрей сделал полшага влево, резко нагнулся и, выпрямляясь, нанес мне удар кулаком в солнечное сплетение. Я согнулся пополам и по инерции полетел вперед. Ударился головой о металлическую стойку стеллажа. Вырубился. Через несколько секунд очнулся. Дыхание еще не восстановилось, голова болела, потрогал, крови нет. Проиграл. Вчистую проиграл.

- Ты знал это с самого начала? - прохрипел я, поднимаясь с пола.

- Знал, Алексей, конечно, знал, извини, что использовал тебя. Один я бы не прошел все это. И то, что ты мне спас два раза жизнь я не забуду никогда.

- С тебя миллион долларов, - горько усмехнулся я,

поднимаясь с пола.

- Миллион не миллион, но тысяч пятьдесят буду для тебя просить. Плюс вывезу тебя в Израиль.

- Что я там не видел?

- Будешь жить как человек.

- Поживем-увидим. Что делать будешь?

- Сейчас найдем каталог. Их должно быть два. Первый - по хронологии, второй - тематический. Я буду снимать документы, поможешь мне? Без твоей помощи мне не обойтись. Можешь и себе что-нибудь снять на память, пленки и батарей хватит.

- Зачем, чтобы потом за мной охотились как за зайцем всю оставшуюся жизнь? Меня и так по России сейчас ищут с фонарями, вычислят махом, что в Чечне, и после этого я буду такой лакомый кусочек, что меня надо будет держать всю жизнь в бронированном сейфе. А если я еще что-нибудь отсниму, то это будет вообще финиш.

- Пойдем, поможешь искать каталоги.

- Что они из себя представляют?

- Либо стеллаж с карточками, либо толстенные амбарные книги.

Мы активно искали, попутно я мельком читал документы. М-да! Это было капище, самое настоящие капище, только не "Золотого тельца", а всех разведок мира. Тут компромата было столько, что можно было взорвать весь мировой порядок к чертовой матери! Только мне это было ни к чему.

Через полчаса усиленных поисков мы нашли и предметный каталог и хронологический. Рабиновича интересовал только предметный. Он начал снимать документы о связях дудаевского режима с арабскими государствами. Особенно много было документов по Иордании, Саудовской Аравии, ОАЭ, Турции, Ирану, Пакистану и Афганистану. Многие документы были написаны на арабском, английском, французском языках, тут же прилагался перевод на русский. Многие поля были помечены рукой Дудаева. Здесь же были пояснительные записки. Ответы на иностранных и русском языках.

Андрей снимал только оригиналы. Я быстро пробегал глазами перевод. М-да уж! Целая международная сеть экстремизма и терроризма! Все очень радовались, что в ненавистной России есть оплот настоящего ислама, и предлагали свою поддержку. Судя по переводам, суммы были от десяти до ста миллионов долларов! И почему их сюда не привезли!

Поначалу было интересно читать, потом надоело. Я лишь помогал фотографировать, поддерживая листы. Андрей менял пленку за пленкой. Потом нам захотелось спать. Пошли в ту

комнату, где стояли нары с одеялами и матрасами. Забылись коротким сном. Проснулись, жутко хотелось есть, но мы ничего с собой не взяли, поэтому продолжили фотосъемку документов. Не знаю, сколько извел пленки Рабинович, но работал он как автомат, только успевая менять кассеты с пленкой и батарейки. Я же обдумывал свою дальнейшую судьбу. Пока что возвращаться домой расковано, может стоит уйти "за бугор"? Попробовать можно, а там посмотрим.

К двенадцати часам ночи у нас закончились пленка. Все отснятые кассеты Рабинович забрал к себе, потом подумал и половину отдал мне. Попросил, чтобы в случае чего, я передал их любому раввину, а тот уже определится, что именно с ними делать.

Мне понравилось, что Рабинович не стал снимать документы, которые могли повредить России.

Потом мы подтащили ящики, сделали пирамиду из всякого подручного хлама и стали уходить через ту же трубу вентиляции, по которой пришли. Около трех часов ночи я высунул нос из трубы. Долго прислушивался. Тихо. На улице по-прежнему идет моросящий дождь, как будто и не было нас на поверхности целые сутки. И пошли мы, поползли. Вот она, колючая проволока, перелезаем тихо. Вот и наш склон, ползем, рвем одежду. Не важно! Попутно мелькают мысли, что вся эта операция для меня не имела никакого прока. Почти никакого.

Через четыре дня мы оказались в Краснодаре. Машину бросили и подожгли на чеченской территории, снова став мирными журналистами. Вышли без проблем через блок-посты. Вот и Россия. Здесь и дышится легче, и голова кружится от свободы. Все-таки "территория зла" она и есть "территория зла". Андрей связался с раввином. Тот обеспечил нас транспортом. Два молодца бандитской наружности, но милые внутри, добродушно беседовали с Андреем и раввином на иврите, а может, на идише, лишь искоса поглядывали на меня. Не еврей же! Потом мы погрузились в огромный "Ленд-Крузер" и двинулись в сторону Баку.

Ребята установили в багажнике еще одно большое сиденье-диван, на котором разместился я. Андрей - на среднем.

Дороги на юге ровные, хорошие, машина мчалась быстро. На постах ГАИ "мальчики", не показывая документы, отдавали гаишникам по пятьдесят долларов, нам отдавали честь, мило улыбались, и машина рвала дорогу, вновь мчась вперед. На границе тоже не было никаких проблем. Проехали вне очереди, нам еще долго махали вслед. Сумма немалая была, да и груз они везли очень уж важный. Я отсыпался на заднем сиденье. Мы

редко останавливались, чтобы сходить в туалет и покушать. А так все вперед, вперед. Эх! Хорошая же машина "Ленд-Крузер"! Был бы миллион - обязательно купил бы себе такой же!

Вот и оно: то ли посольство, то ли консульство Израиля. Андрей и с ним один из "хлопцев" скрылись за дверью. Через час приглашают - меня одного, второй "мальчонка" остается в машине. Иду. Хорошо укрепленная металлическая дверь, отделанная деревом. Охранник, холл, меня ждут. Показывают куда следовать. Комната. Большой стол, кресла, стулья, показывают куда присесть. Бутылки с минеральной водой, стаканы. Открывашка рядом, наливаю, пью.

Через пятнадцать минут заходят двое. Началась беседа. Обычная вербовочная беседа, только классом повыше, я такие тоже проводил. Пилотаж высокий, можно обычного обывателя обвести вокруг пальца, но я калач тертый, вернее битый.

А нужно ли мне становится шпионом великого Израиля? На фиг! Наелся.

Прозрачные намеки, что, мол, много интересного для них я знаю. Нервы не выдерживают. Вскакиваю, они тоже.

- Вот вам, шпионы хреновы, пятьдесят процентов, а вот так - сто! - ору я, показывая с помощью ребра ладони международные жесты.

Шпионы переглянулись и, не говоря ни слова, вышли из комнаты. Дураку ясно: вокруг видеокамер, что у той собаки блох, показываю поочередно всем углам средний палец.

Я устал, я очень устал. Пью халявную минералку прямо из горлышка, закидываю ноги на чистый стол, закуриваю сигарету, качаюсь на задних ножках стула. Час прошел, никто не пришел за мной. Второй - тишина, я положил руки на стол - сверху голову. Задремал. Устал я, устал, отстаньте от меня. Все, наигрался в казаков-разбойников.

Открылась дверь. На пороге Рабинович. Переоделся, умылся с дороги.

- Пойдем, Алексей! - он улыбается.

- На расстрел?

- Нет, сейчас тебя сфотографируют на паспорт. Мы сегодня же летим во Франкфурт, там пересадка, и - в Израиль. Но ты отказался от сотрудничества, поэтому останешься в Германии.

- В Германии? - я был выжат как лимон. - И что я там буду делать?

- Не знаю, - Рабинович-Коэн пожал плечами. - Можешь вернуться в Россию. Да, кстати, ты получишь в Германии деньги.

- Миллион?

- Нет, чуть меньше, но тебе хватит. Так в Россию? - пауза. -

Или в Германии останешься?

- Пока в Россию мне ехать не следует. В Германию... Благо, что когда-то изучал немецкий.

- Что помнишь?

- Хенде хох и Гитлер капут! Хватит?

- Хватит, только британоголовым не говори.

- Членоголовым?

- Именно. Пошли фотографироваться. На фото нужно улыбаться.

- Могу только скалиться.

- Делай что хочешь! -Рабинович махнул рукой.

Потом меня сняли на паспорт. Снова отвели в опостылевшую комнату, хоть бы пожрать принесли, уроды! На столе стояли новые бутылки с минералкой. "Пальчики" что ли побежали снимать? Так я бы и сам дал.

Зашел Рабинович, теперь он был одет в костюм, белоснежную рубашку, галстук безупречно, без единой морщинки повязан двойным узлом, побрит, дорогой парфюм, лакированные туфли, и не подумаешь, что израильский спецназовец.

Я на его фоне смотрелся босяком. Нас сопровождало три человека, у обоих были опечатанные портфели, красный сургуч, оттиск Звезды Давида. Дипломатическая почта. Не смей подходить. Те самые фотопленки, ради которых я рисковал жизнью, плюс мои отпечатки пальцев. Это уже как пить дать.

У ворот стоял микроавтобус с красными дипломатическими номерами, спереди и сзади по машине. Понимают, что именно везут в опечатанных портфелях.

Все молчали, я смотрел в окно. Как все изменилось! Всего шесть лет назад, в далеком 1990 году мы вывозили из этого города армянские семьи. Самолеты на Москву уходили и с этого, гражданского аэропорта, и с военного аэродрома на Насосной. Эх, были времена, были! А что сейчас? А что впереди? Эмиграция. Горькое слово, тем паче, когда тебя обвели вокруг пальца, посулив миллион, а взамен? Шиш, да еще, скорее всего, без масла.

Вот и аэропорт.

- Алексей, вот твой паспорт. Ничего говорить не надо, просто отдашь паспорт для регистрации, - Рабинович протянул паспорт.

Я посмотрел, полистал. Израильские загогулины и по-английски: "Винер Алексей", ладно хоть имя оставили, а не сделали Мойшей.

Регистрация, посадка, все сопровождающие меня лица, включая и моего закадычного товарища, которому я минимум дважды спас жизнь, уселись в салоне первого класса, я - в

экономическом.

Принесли напитки, выпивку. Давай, подруга! Я так давно не выпивал! А еще можно, красавица? Эх, и с женщинами у меня было в прошлом веке, я уже все забыл! Налей еще! Не жадничай, плескани малJхо! Придерживаю пальцем горлышко бутылки, пусть нальется побольше бесплатного самолетного пойла. Откинулся в кресле. Потягиваю дешевый коньяк. В девяностом в Баку мы пили хорошие, дорогие коньяки, а сейчас рад и этим ополоскам. Эх, были времена, были!

Выпил и не заметил, как задремал. Очнулся от того, что заложило уши, пошли на посадку. Во рту сушь. Все пристегнутые сидят, пялятся в иллюминаторы. Не стал выделяться из толпы, тоже смотрю. Ну, и какая же ты Германия, которую наши деды освобождали?

Домики какие-то чересчур аккуратные, и все здесь как-то не так. Еще не прилетел в Германию, а уже так домой тянет! Как там по-немецки это будет? О, точно: "Нах хаус".

Приземлились, все захлопали в ладоши. Тоже похлопаем. Теперь будем жить по-новому. Теперь все по-новому.

Господи, а аэропорт-то какой огромный! А самолетов сколько на летном поле! И большинство импортных. Таких я не видел. Не знаю, как называются, но красивые. Смотрим дальше.

Подрулили к терминалу, подали... не знаю, как эта штука называется, про себя я ее окрестил "кишкой". Сначала первый класс идет на выход, потом бизнес, а потом уже мы - босота. Пехота она и за границей - пехота.

На выходе из терминала стоят двое в зеленой форме, наверное, пограничники. Не обращают внимания на пассажиров, в полуоткрытых кобурах пистолеты. Беспечность полнейшая. Бей в репу, забирай пистолет, начинай захватывать аэропорт.

Леха, Леха! Останавливаю бег своих мыслей. Спокойнее! Все, забудь, навыки свои прежние забудь. Теперь здесь мир. И все. Мир и не более того.

Таможенный досмотр - формальность. Мне шлепнули в паспорт печать, и даже не смотрели на меня. Напротив выхода стоит секс-шоп. Яркие картинки и резиновые бабы различных размеров стоят в витринах. Такого я еще не видел. А коридор-то какой длиннющий! Окон нет. И выходы, входы, много-много. Народу несколько тысяч бегают, вытаращив глаза.

Так, и что же дальше, Алексей? Где твои еврейские друзья? Неужели вот так бросили? Ан нет. Вот и Рабинович идет. Посмотрим.

- Как долетел?

- Думаю, что в первом классе было бы удобнее.

- Не обижайся, не я здесь командую. Идем, выпьем кофе.

- Идем.

Он уверенно лавирует среди пассажиров, некоторые бегут с выпученными глазами, мечутся между огромного количества стоек регистрации, коридор, наверное, километра два, а может и того больше. Видно, что Андрей здесь не в первый раз.

Спускаемся на этаж ниже. Тут много всевозможных кафе. Заходим в ближайшее. Садимся за свободный столик. Подходит официантка, Андрей по-немецки заказывает кофе. Это даже я могу. Но они-то обсуждают еще что-то, видимо, сорт кофе.

- Ну, что, Андрей, что дальше?

- Все. Здесь наши дороги расходятся... Леха, ну, поехали со мной в Израиль?! Я помогу тебе работу найти.

- Не хочу. И вы меня всегда будете обманывать. Если ты - мой друг меня обманул, использовал и поимел во все щели, то что мне ждать от остальных?

- Вот телефон. Можешь позвонить с любого таксофона - в Западной Европе, конечно, - Андрей протягивает кусочек белого мелованного картона, где типографским способом набран длинный ряд цифр. - Пригласи меня, назовись. И где бы ты ни был, тебя заберут и привезут ко мне.

- Спасибо, - я прячу визитку в карман. - А деньги, Рабинович?

- Вот, -он достает конверт, протягивает мне.

- Сколько? - я взвешиваю конверт на ладони.

Подходит официантка, расставляет две крошечные чашки кофе, Андрей расплачивается.

- Вифиль? Так по-немецки звучит "сколько"?

- Так, - он вздохнул. - Пять тысяч.

- Сколько?!

- Пять тысяч немецких марок.

- Дешево же тебя ценят твои начальники, Андрюха, дешево. Я два раза тебе жизнь спас...

- А я тебе - один раз, - тихо говорит он.

- Это где же? Напомни, - я начинаю психовать.

- В посольстве... Ты много знаешь, сам понимаешь, правила есть правила. Не маленький.

- М-да, - я молчал.

- Извини, Алексей, мне нужно идти. Здесь очень запутанная автостоянка, многоуровневая, не найдешь машину.

- Ничего, как-нибудь найдете!

- Да, Алексей, еще одна формальность.

- Чего еще? Подписку о неразглашении дать?

- Нет. Отдай паспорт. Понимаешь, служба есть служба.

- Не понимаю. На, - я вытащил паспорт и отдал ему.

- До свиданья! - он встал и протянул мне руку.

Я молча, снизу вверх смотрел на него тяжелым взглядом. Пауза затягивалась. Он покраснел, пожал плечами. Развернулся и пошел. Я сидел и смотрел ему вслед. Он обернулся. Остановился, заулыбался и помахал мне. Я сидел как каменный. Мне хотелось его убить. За предательство нашей дружбы, за то, что он обманул меня. За все.

Так я сидел над наперсточной кружкой кофе больше часа, потом понял, что надо уходить. Куда? С моим советским паспортом надо уходить на нелегальное положение. Сначала ночлег, еда, потом подумаем.

Ориентируясь по указателям, побрел на выход. Увидел газетный киоск. Подошел. Ничего на русском! Вот уроды, а мы ведь их победили когда-то!

Путеводитель по городу. Полистал. Есть перечень гостиниц, мотелей, то, что мне нужно. Вытащил из конверта купюру достоинством в пятьдесят дойчемарок. Продавец долго отсчитывал сдачу. Не считая, бросил все в карман. Даже если он меня обманул, я что, буду скандалить? Никогда! Я теперь "никто" и звать меня "никак", и номер мой шестнадцатый.

На стоянке перед аэропортом снуют такси. Я закурил. Первая сигарета после перелета. Изучаю путеводитель. Недалеко есть мотель, там указаны цены. Вроде пойдет. Встал в очередь на такси. Через пять минут сажусь на заднее сиденье машины, тыкаю пальцем в нужную страницу. Водитель кивает головой, понял. Поехали.

У них даже такси "Мерседесы". Смотрю по сторонам. Красиво, как на картинках. Как в кино. Кажется, что проснусь, и все пропадет. Мотель, приехали. Мотаю головой, сколько, вифиль?

Таксист стучит по счетчику. Расплачиваюсь и две марки "на чай". Так здесь положено, Рабинович еще в посольстве проинструктировал.

Захожу. Стойка. Фрау.

- Битте, нумер! Айн мен, - тычу пальцем в грудь.

- Битте, - она понимает, что в немецком я чуть лучше, чем в английском, и рисует на бумажке сумму за день.

- Гут, - отвечаю я.

Затем она тычет в календарь, типа, спрашивает, сколько дней я буду жить.

- Гут, - мол, понял я. - Фир. Четыре. - Для верности показываю ей четыре пальца.

Она кивает головой, поняла. Потом рисует цифру за четыре дня. Расплачиваюсь. Хорошо, думал, что будет дороже.

Надо записаться в регистрационной книге. Ничего умнее не

придумал, написал латинскими буквами "Джон Иванов".

Меня проводили в номер. Вход с улицы. Нормально. Кровать, стол, два стула, телевизор, жалюзи на окнах, туалет, ванна, душ. Сначала под душ. Поскреб себя ногтями, потом вытерся, сигарету, надо купить что-нибудь выпить и поесть.

Иду к стойке регистрации.

- Фрау, а где здесь супермаркет или просто маркет унд гаштет? Э-э-э-э, бир, - щелкаю себя по горлу.

Добрая женщина показывает мне направление движения. Сначала на пути попадается пивнушка. Неплохо, очень даже неплохо, всего в десяти минутах ходьбы. Попробуем немецкого пива!

- Э-э-э! Цвай уайт, - как же светлое-то будет, блин! Хрен с ним, цвай вайс бир!

Бармен, пожилой мужик, понятливо кивает головой, мол, и не таких идиотов видел за свой век, наливает мне два бокала светлого пива. Рассчитался. Сел за столик, пью. Хорошее пиво, запашистое, забористое! Первый бокал осушил залпом, второй растягиваю. Выпил. Хорошо! Надо в туалет сходить. Вижу, что посетители заходят в дверь с мужиком. Понятно. Мне туда.

После туалета - в магазин. Нашел тоже быстро, взял готовой еды, запечатанной в целлофан. Колбасы и прочей снеди. И пива упаковку.

После ужина улегся на кровать, стал смотреть телевизор, а так как я все равно ничего не понимал, включил музыкальный канал и смотрел. Завтра будет завтра, и надо просто жить.

Эпилог

Я смотрел на экран, на кривляющихся певцов, потягивал немецкое пиво и думал о своем.

В пивнушке в туалете я оставил маленькое сообщение. Мол, я здесь. Остановился в том мотеле, который мне рекомендовали. Был и запасной вариант, конечно.

Когда я подал рапорт на увольнение, стало известно, что Рабинович попал в плен, и ищет выход на меня. Со мной переговорили и перевели в другое подразделение Службы. В Отдел отправили липовую выписку из Приказа о моем увольнении. И всю дорогу меня сопровождали ангелы-хранители, пока я не ушел в Чечню. А так бы мне не удалось выйти из Ставропольского Управления. И еще много чего не удалось бы.

Теперь я знаю, где находится архив Дудаева. Думаю, что найдут способ его вывезти или уничтожить на месте.

А то, что к евреям попали интересующие их документы - черт с ним! Они теперь наши соратники по борьбе с исламским терроризмом. Чем больше они положат там фанатиков, тем нам в

России будет меньше работы.

В течение трех дней мне надо заходить в эту пивнушку и пить пиво с восемнадцати до двадцати. Ко мне подойдет товарищ, которого я лично знаю по новому месту службы. И я поеду на Родину! Я поеду Домой! В гробу я видел эту заграницу! Завтра будет завтра, и это будет мое завтра!